ISSN (Print) 1026-9487
ISSN (Online) 1684-0070

ПОЛИС

Политические Исследования

POLIS

Political Studies

3
2020

ПОЛИС

Политические Исследования

3'2020

Научный и культурно-просветительский журнал
Издается с 1991 г.
Выходит 6 раз в год

2020 № 3
DOI: 10.17976/jpps/2020.03.00
ISSN (Print) 1026-9487
ISSN (Online) 1684-0070

Читайте в следующих номерах:

Межрегиональное сотрудничество и конкуренция в Большой Евразии

Идеальные представления о лидерстве и восприятие реального политического лидера

Системный подход в международных исследованиях

Восприятие россиянами места России в мире

Назад к субъекту политики: движение в современной политической мысли

Учредители:
Некоммерческое партнерство "Редакция журнала "Полис" ("Политические исследования")
Общероссийская общественная организация "Российская ассоциация политической науки"
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Издатель: **Некоммерческое партнерство "Редакция журнала "Полис" ("Политические исследования")**

Главный редактор: **С.В. Чугров**

Научный советник: **И.К. Пантин**

Редакция: **А.Л. Бардин, А.Н. Кокарева, Л.Н. Кузнецова, В.В. Лапкин** (первый зам. главного редактора)

Оргподдержка: **Е.В. Рыжова**

Компьютерная верстка: **И.М. Ситдиков**

Журнал включен в ядро РИНЦ (двухлетний импакт-фактор без самоцитирования – 1,800), в Scopus (Sociology and Political Science, SJR Q2, Cite Score Q3), Web of Science (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science, ERIH PLUS.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ЖУРНАЛА
ПИ № ФС 77-73112 выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 22 июня 2018 г.

©НП "Редакция журнала "Полис", 2020

ISSN 1026-9487
9 771026 948003 >

POLIS.Political Studies
www.politstudies.ru
www.polismag.ru

Polis. Political Studies 3'2020

Journal on Political Science, Political Sociology, International Relations, Political Philosophy

Published since 1991
Issued six times a year

ISSN (Print) 1026-9487
ISSN (Online) 1684-0070

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.00
http://www.politstudies.ru

CONTENTS

6 Presenting the Issue

THEME OF THE ISSUE: INTEGRATION IN THE CONDITIONS OF THE GLOBALIZATION CRISIS, ASIA-PACIFIC FORESHORTENING

9 A. Korybko, V.M. Morozov. Pakistan's Role in Russia's Greater Eurasian Partnership (in English)

23 A.V. Khudaykulova, M.S. Ramich. "Quad 2.0": Quadrilateral Dialogue for Counterbalancing China in the Indo-Pacific

44 K.A. Efremova. ASEAN as a Potential Actor in Global Governance: Prerequisites, Opportunities, and Prospects

RUSSIA TODAY

56 E.V. Morozova, I.V. Miroshnichenko, I.S. Semenenko. Identity Policies in Rural Local Community Development in Russia

78 M.V. Nazukina. The Institutionalization of Ethnicity in the Identity Policy of Russian Republics: Conceptual Analysis

93 A.Yu. Sungurov, N.N. Kozlova, D.I. Mamagulashvili. Public Chambers as Institutions for Implementing the Paternalistic Model of Interaction Between Authority and Society: Experience of the Tver Region and St. Petersburg

110 S.Yu. Barsukova, E.V. Denisova-Schmidt. Political "Investments" by Businesses in Russia, or Why Does Business Finance Election Campaigns?

THEORY AND METHODOLOGY OF POLITICAL STUDIES

126 V.A. Gutorov. Once More about Values and "Capital"

144 D.F. Terin. Political Trust, Satisfaction and Perceptions of the Causes of Poverty: the Role of the Normative Aspects of Institutions in the Production of Trust

158 E.A. Antyukhova. Actor Models of Global Educational Policy

REFLECTING ON MATTERS IN PRINT

169 A.V. Chvorostov. What is Democracy and How It Can Be Measured?

181 E.V. Khakhalkina. The Institute of Prime Minister and the Future of the Party-Political System of Great Britain

192 Information for Authors and Readers

In the next issues: *The Search for Legal Order in Greater Eurasia*
Representation of Ideal Leadership and Perception of the Real Political Leader
A Systematic Approach in International Studies
Perception by Russian Citizens of Russia's Place in the World
Back to the Subject Person: Movement in Modern Political Thought

Founders: Noncommercial Partnership "Editorial Board 'Polis' ('Political Studies')"
Russian Public Organization "Russian Political Science Association"
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Noncommercial Foundation – Institute of Socio-economic and Political Researches (ISEPR Foundation)
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation

Polis. Political Studies journal has a media registration certificate PI No. FS 77-73112 issued on June 22, 2018, by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

The Journal has been included in Scopus (Sociology and Political Science, SJR Q2, Cite Score Q3), and in the Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Russian Science Citation Index (RSCI) on the Web of Science platform, ERIH PLUS.

Полис. Политические Исследования 3'2020

СОДЕРЖАНИЕ

6 Представляю номер

ТЕМА НОМЕРА: ИНТЕГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ГЛОБАЛИЗАЦИИ, АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РАКУРС

9 A. Korybko, V.M. Morozov
Pakistan's Role in Russia's Greater Eurasian Partnership

23 А.В. Худайкулова, М.С. Рамич
"Квад 2.0": четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе

44 К.А. Ефремова
АСЕАН как потенциальный субъект глобального управления: предпосылки, возможности и перспективы

РОССИЯ СЕГОДНЯ

56 Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко, И.С. Семененко
Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности

78 М.В. Назукина
Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ

93 А.Ю. Сунгуров, Н.Н. Козлова, В.И. Мамагулашвили
Общественные палаты как институты реализации патерналистской модели взаимодействия власти и общества: опыт Тверской области и Санкт-Петербурга

110 С.Ю. Барсукова, Е.В. Денисова-Шмидт
"Политические инвестиции" бизнеса в России, или почему бизнес финансирует избирательные кампании

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

126 В.А. Гуторов
Еще раз о ценностях и "Капитале"

144 Д.Ф. Терин
Политическое доверие, удовлетворенность и представления о причинах бедности: роль нормативных аспектов институтов в производстве доверия

158 Е.А. Антюхова
Акторные модели глобальной образовательной политики

РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПРОЧИТАННЫМ

169 А.В. Хворостов
Что такое демократия и как ее измерить?

181 Е.В. Хахалкина
Институт премьер-министра и будущее партийно-политической системы Великобритании

192 Информация для авторов журнала

Международный консультативный совет

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА (председатель), доктор политических наук, чл.-корр. РАН, профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, Президент Российской ассоциации политической науки (Россия)
Арчи БРАУН, заслуженный профессор, Оксфордский университет (Великобритания)
Бьорн ВИТТРОК, заслуженный профессор, Уппсальский университет (Швеция)
Александр ГАЛКИН, доктор исторических наук, почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
Михаил ГОРШКОВ, доктор философских наук, академик РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
Владимир ГУТОРОВ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и философии политики СПбГУ (Россия)
Петр ДУТКЕВИЧ, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Оттава (Канада)
Такаси ИНОГУТИ, президент, Университет префектуры Ниигата (Япония)
Борис КАПУСТИН, доктор философских наук, старший преподаватель Йельского университета (США)
Тимоти КОЛТОН, профессор, Гарвардский университет (США)
Стейн Утельвик ЛАРСЕН, заслуженный профессор Университета Бергена (Норвегия)
Мари МАНДРАС, профессор Школы международных отношений Института политических исследований, Париж (Франция)
Александр НИКИТИН, доктор политических наук, профессор, директор Центра евроатлантической безопасности ИМИ МГИМО МИД России (Россия)
Игорь ПАНТИН, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН (Россия)
Юрий ПИВОВАРОВ, доктор политических наук, академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН (Россия)
Ричард САКВА, профессор, Кентский Университет (Великобритания)
Нобуо СИМОТОМАИ, профессор, Университет Хосэй, Токио (Япония)
Анн де ТАНГИ, профессор, Институт политических исследований, Париж (Франция)
Филипп ШМИТТЕР, заслуженный профессор, Институт Европейского Университета, Флоренция (Италия)

Редакционная коллегия

Татьяна АЛЕКСЕЕВА, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политической теории МГИМО МИД России
Владимир ГЕЛЬМАН, кандидат политических наук, профессор факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге
Андрей ДЕГТЯРЕВ, кандидат философских наук, профессор факультета политологии МГИМО МИД России
Михаил ИЛЬИН, доктор политических наук, профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ
Полина КОЗЫРЕВА, доктор социологических наук, первый зам. директора ФНИСЦ РАН, зав. центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ ВШЭ
Владимир ЛАПКИН, ведущий научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, первый зам. главного редактора журнала “Полис. Политические исследования”
Марина ЛЕБЕДЕВА, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России
Ольга МАЛИНОВА, доктор философских наук, профессор, профессор НИУ ВШЭ
Борис МЕЖУЕВ, кандидат философских наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова
Андрей МЕЛЬВИЛЬ, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных наук НИУ ВШЭ, заслуженный деятель науки РФ
Владимир ПАСТУХОВ, доктор политических наук, профессор Колледжа Св. Антония, Оксфорд
Сергей ПАТРУШЕВ, кандидат исторических наук, зав. отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН
Владимир ПЕТУХОВ, кандидат философских наук, руководитель Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН
Яков ПЛЯЙС, доктор исторических и политических наук, профессор, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ
Ирина СЕМЕНЕНКО, доктор политических наук, чл.-корр. РАН, зам. директора, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН
Виктор СЕРГЕЕВ, доктор исторических наук, профессор, директор Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО МИД России
Леонид СМОРГУНОВ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политического управления факультета политологии СПбГУ
Александр СОЛОВЬЕВ, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова
Ирина ХАЛИЙ, доктор социологических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН
Сергей ЧУГРОВ, доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики МГИМО МИД России
Елена ШЕСТОПАЛ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Главный редактор: **С.В. ЧУГРОВ**

Научный советник: **И.К. ПАНТИН**

Редакция: **А.Л. БАРДИН, А.Н. КОКАРЕВА, Л.Н. КУЗНЕЦОВА, В.В. ЛАПКИН** (первый зам. главного редактора)

Организационная поддержка: **Е.В. РЫЖОВА**

Компьютерная верстка: **И.М. СИТДИКОВ**

International Editorial Council

Oksana GAMAN-GOLUTVINA (chairman), Dr. Sci. (Pol. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Prof., Head of Comparative Political Science Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, President of the Russian Political Science Association (Russia)

Archie BROWN, Emeritus Prof., Oxford University (Great Britain)

Timothy COLTON, Prof., Head of the Department of Government, Harvard University (USA)

Piotr DUTKIEWICZ, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Carleton University, Ottawa (Canada)

Aleksandr GALKIN, Dr. Sci. (Hist.), Prof., honorary Dr. of Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Mikhail GORSHKOV, Dr. Sci. (Philos.), Academician, Director, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Vladimir GUTOROV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Department for Theory and Philosophy of Political Science, Saint Petersburg State University (Russia)

Takashi INOGUCHI, President, Niigata Prefecture University (Japan)

Boris KAPUSTIN, Dr. Sci. (Philos.), Senior Lecturer, Yale University (USA)

Stein Ugelvik LARSEN, Emeritus Prof., University of Bergen (Norway)

Marie MENDRAS, Prof., Sciences Po University's School of International Affairs, Paris (France)

Aleksandr NIKITIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Director, Center for Euro-Atlantic Security, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs (Russia)

Igor PANTIN, Dr. Sci. (Philos.), Principal Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia)

Yuriy PIVOVAROV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Russia)

Richard SAKWA, Prof., University of Kent (Great Britain)

Philippe C. SCHMITTER, Emeritus Prof., European University Institute, Florence (Italy)

Nobuo SHIMOTOMAI, Prof., Hosei University, Tokyo (Japan)

Anne de TINGUY, Prof., Sciences Po Institute, Paris (France)

Björn WITTROCK, Emeritus Prof., Uppsala University (Sweden)

Editorial Board

Tatyana ALEKSEYEVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Political Theory Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia

Sergey CHUGROV, Dr. Sci. (Soc.), Prof., International Journalism Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia

Andrey DEGTYAREV, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Faculty of Political Science, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia

Vladimir GELMAN, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Faculty of Political Sciences and Sociology, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Mikhail ILYIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor in Ordinary of National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Irina KHALIY, Dr. Sci. (Soc.), Head of the Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Polina KOZYREVA, Dr. Sci. (Soc.), First Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy of the National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vladimir LAPKIN, Cand. Sci. (Chem.), Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief, Polis. Political Studies, Moscow, Russia

Marina LEBEDEVA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of World Political Processes Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia

Olga MALINOVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof., National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Andrey MELVILLE, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Dean, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Honored Scientist of Russia, Moscow, Russia

Boris MEZHUEV, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir PASTUKHOV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., St. Antony's College, Oxford, Great Britain

Sergey PATRUSHEV, Cand. Sci. (Hist.), Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vladimir PETUKHOV, Cand. Sci. (Philos.), Head of the Center of the Comprehensive Social Studies, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Yakov PLEIS, Dr. Sci. (Hist., Pol. Sci.), Prof., Prof. of Political Science Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Irina SEMENENKO, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Head of the Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Viktor SERGEEV, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Director, Center for Global Problems, Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia

Yelena SHESTOPAL, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head the Chair of Sociology and Psychology of Politics, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Leonid SMORGUNOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Political Governance Department, Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Aleksandr SOLOVYOV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor-in-Chief:	**S.V. CHUGROV**
Academic Adviser:	**I.K. PANTIN**
Editorial Staff:	**A.L. BARDIN, A.N. KOKAREVA, L.N. KUZNETSOVA, V.V. LAPKIN** (First Deputy Editor-in-Chief)
Organizational Support:	**E.V. RYZHOVA**
Computer Layout:	**I.M. SITDIKOV**

ПРЕДСТАВЛЯЮ НОМЕР

Дорогой читатель!

75-летний юбилей Великой Победы не меркнет в череде других событий и трагических перипетий последних месяцев, определяя тональность нашего политического бытия. В "связке ключей" к гражданской консолидации нашего общества и его самоидентификации Победа (наряду со всей многовековой, сложной и славной историей Отечества) занимает ключевую символическую позицию. Именно она как ничто иное служит нашему сплочению, именно честь быть наследниками Народа, победившего десятилетия назад нацистскую чуму, вселяет в нас уверенность в победе не только над эпидемией, но и над многими социальными болезнями, которые сломали защитные барьеры народного иммунитета в начале XX в., а потом и в 1990-е годы.

Рецидивы беспамятства и, в крайнем своем проявлении, нацистской идеологии, которые спорадически воспламеняются там и сям, сродни вспышке коронавирусной инфекции. Путем пересмотра итогов войны фальсификаторы истории грозят спалить, обесценить нашу Победу, и эту эпидемию надо преодолеть во что бы то ни стало.

Понятно, что мир уже не будет таким, как прежде. Европейский союз превращается в недоразумение после головокружительного исхода Великобритании и особенно теперь, когда составляющие его ключевые страны также заявили о желании закрыть границы и подумывают о том, не лучше ли разбежаться по своим старым квартирам. COVID-19 лишь ускорил процесс. Европейские символы давно уже подрастеряли прежнее привлекательное наполнение, а те, кто еще пытается руководить Евросоюзом, могут предложить европейцам только повторение прежних риторических клише.

В серьезный кризис грозит погрузиться западная солидарность, а атланты, держащие на своих плечах здание антлантизма, готовы обвалить его, сделав прощальное "фуэте" *à la Trump*.

Мне вспомнилась статья американского политолога Парага Ханны "Подходим к новому Средневековью", напечатанная десять лет назад в № 1 "Полиса" за 2010 г. Удивляет предсказание натиска "черной" инфекции, и потому процитирую самое начало статьи: "Середина XXI в. ни на что так не будет похожа, как на отдельные моменты Средневековья – от разорения Рима вестготами в 410 г. до падения Константинополя в 1453 г. Этот протяженный период – период моровых язв и прогресса, торговых революций, крестовых походов, городов-государств, оптовых торговцев и университетов – представляет идеальное метафорическое средство для характеристики наших времен. Он был многополярным, с разрастающимися империями на евразийском материковом массиве, и аполярным, не имеющим единого глобального лидера. Новое Средневековье – синонимичное веку глобализации – уже началось". Тут погрешность лишь в сроке наступления нового Средневековья, первые симптомы появились не к середине века, а существенно раньше. Вряд ли, однако, пророчество Ханны может превзойти пафос Бердяева, использовавшего этот термин в своем блестящем сборнике "Новое средневековье" (1924 г.), который сразу перевели на тридевять языков. В середине XX в. идея осмысливалась П.А. Сорокиным, Г.П. Щедровицким и А.А. Зиновьевым. Впрочем, сам термин "новое Средневековье" впервые употребил еще германский "сумрачный гений", поэт-мистик Новалис в 1799 г. в речи "Христианство или Европа". О новой версии Средневековья писали Умберто Эко в эссе "Средние

века уже начались" и Ульрих Бек в работе "Что такое глобализация?", а в двух книгах Хардта и Негри об империи такого рода апокалиптики тоже довольно много... "Полис" намерен отслеживать, какие метаморфозы будет претерпевать этот "новый" старый феномен, будь то тренд упадка цивилизации, либо, напротив, – как некий антитезис нынешнему порядку, – предвестие появления новых возможностей.

В этом номере "Полиса" отмечу прежде всего Тему номера **"Интеграция в условиях кризиса глобализации, Азиатско-Тихоокеанский ракурс"**, которая открывается статьей молодых авторов – американского политолога с польскими корнями **Эндрю Корыбко** и доцента МГИМО **Владимира Морозова "Роль Пакистана в Большом Евразийском партнерстве России"**. Авторы анализируют усилия, направленные на то, чтобы противостоять хаотическим процессам, протекающим на фоне длительного системного перехода от однополярности к многополярности. В фокусе их внимания – процессы формирования Большого Евразийского партнерства – проекта интеграции России с рядом стран бывшего Советского Союза посредством Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а затем и установления более тесного сотрудничества с другими регионами и государствами Евразии.

Тему интеграционных процессов в Азии интересными деталями насыщают статьи **Александры Худайкуловой** и **Мирзета Рамича "'Квад 2.0': четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе"** и **Ксении Ефремовой "АСЕАН как потенциальный субъект глобального управления: предпосылки, возможности и перспективы".**

Читатель обратит внимание на полемическую публикацию **Владимира Гуторова "Еще раз о ценностях и 'Капитале'"**, в которой содержится принципиальная полемика с профессором СПбГУ Григорием Тульчинским по вопросу о ценностной и стоимостной традициях анализа текста "Капитала" Маркса и амбивалентных трактовках понятия "ценность" в современной научной политико-экономической литературе. Спор о Марксе, ценностях и языке "Капитала" выводит на принципиальные вопросы правил и границ научной дискуссии, о прогрессистских и утопических архетипах нашего мышления, о его свободе и аксиоматике. "Каждый выбирает для себя..."

По-своему неординарна и, несомненно, дискуссионна статья **"'Политические инвестиции' бизнеса в России, или почему бизнес финансирует избирательные кампании"**, написанная профессором НИУ ВШЭ **Светланой Барсуковой** в соавторстве с научным сотрудником Университета Санкт-Галлена (Швейцария) и Бостонского колледжа (США) **Еленой Денисовой-Шмидт**. В России, увы, логика политического процесса порой подменяется политтехонологическими суррогатами, что авторы статьи выяснили в глубинных интервью с политтехнологами, представителями власти и предпринимателями, изучив различные формы и логики вовлечения бизнеса в избирательный процесс.

В этой книжке "Полиса" переплелись концептуализация долгоиграющих трендов и попытки вскрыть злободневные проблемы современного общества. Мы постарались представить панораму суждений ученых разных политических убеждений, чьи, говоря словами Поэта, "...Ответы острые и замечанья... / Застольную беседу оживляли / И разгоняли мрак, который ныне / Зараза, гостья наша, насылает / На самые блестящие умы...".

Сергей Чугров

In Memoriam

И.А. ХАЛИЙ (1950-2020)

17 марта не стало Ирины Альбертовны Халий – члена Редколлегии "Полиса", видного исследователя гражданского общества, руководителя Центра политологии и политической социологии ФНИСЦ РАН, доктора социологических наук, профессора.

Ирина Альбертовна в 1974 г. окончила Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова по специальности "История", в 1994 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему "Экологическое движение в крупном индустриальном центре", а в 2008 г. – докторскую на тему "Общественные движения как инновационный потенциал местных сообществ в современной России".

В фокусе исследований И.А. Халий были агентский и акторский подходы к социально-политическим процессам, развитие гражданского общества, публичная политика, социокультурные трансформации региональных сообществ. Она получила известность исследованиями в области экосоциологии и экологического сознания после выхода в свет монографии "Общественность регионов России на страже окружающей среды" (М.: СоЭС, 2000). Один из ее ключевых трудов – "Современные общественные движения. Инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде" (М.: Институт социологии РАН, 2007).

Много места в ее жизни заняла работа организатора научных исследований – с 2002 по 2012 гг. И.А. Халий являлась ученым секретарем Института социологии РАН.

Вся ее жизнь – это яркий пример бесконечной преданности науке, воспитанию нового поколения социологов. Возглавляемый ею Центр политологии и политической социологии внес заметный вклад в анализ актуальных теоретических и прикладных проблем исследования политических изменений, проходящих в современной России. Под ее руководством исследователи Центра выпустили ряд трудов о специфике формирования и трансформации нового политического пространства в России, альтернативных стратегий политических изменений, социокультурных трендов социально-политической динамики сетевого общества. Увлекающейся натуре Ирины Альбертовны был свойственен интерес к полевым исследованиям, проводимым в различных регионах нашей страны; на основе эмпирические данных и живых личных впечатлений рождались оригинальные труды по становлению структур гражданского общества в местных сообществах, их социальной консолидации.

Жизнь Ирины Альбертовны была связана с разными видами академической, интеллектуальной и преподавательской деятельности. С 1999 г. она обучала тонкостям профессии молодое поколение, читая в ГАУГНе курс "Инвайронментальная социология". Она умела естественно и в увлекательной форме, порой чуть иронично, но всегда глубоко и доходчиво донести результаты своих исследований как до студентов, так и до взыскательных коллег, активно включаясь в научную полемику с ними. Много сил и времени отдавала она работе в Ученом и Диссертационных советах ФНИСЦ РАН (Д 002.011.01 и Д 002.011.02), а также трудясь на посту заместителя главного редактора журнала "Вестник Института социологии РАН". Среди ее наград – полученная от Российской академии наук в 2010 г. Серебряная медаль имени Питирима Сорокина.

Сотрудники "Полиса" помнят, как требовательно по отношению к себе и деликатно по отношению к научным редакторам она взаимодействовала с нашей редакцией, проявляя феноменальную работоспособность и выдающийся интеллект. Все мы искренне соболезнуем родным и близким Ирины Альбертовны. Пока живы, будем помнить ее как талантливого, принципиального и проницательного ученого, доброжелательного и симпатичного человека.

Редакция, Редакционная коллегия, Международный консультативный совет журнала "Полис. Политические исследования"

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.02

PAKISTAN'S ROLE IN RUSSIA'S GREATER EURASIAN PARTNERSHIP

A. Korybko[1], V.M. Morozov[1]

[1]*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

KORYBKO, Andrew, independent Polish-American PhD researcher, MGIMO University, email: korybko.e@my.mgimo.ru; **MOROZOV, Vladimir Mikhailovich,** Cand. Sci. (Hist.), Associate professor, Department of Diplomacy, Vice-Rector for HR Policy, MGIMO University, email: morozov@inno.mgimo.ru

Korybko A., Morozov V.M. Pakistan's Role In Russia's Greater Eurasian Partnership. – Polis. Political Science. 2020. No. 3. P. 9-22. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.02

Received: 05.12.2019. Accepted: 12.02.2020

Abstract. Connectivity is one of the key trends of the 21st century, which Russia is fully embracing with its Greater Eurasian Partnership (GEP) in order to counteract the chaotic processes unleashed throughout the course of the ongoing systemic transition from unipolarity to multipolarity. This outlook sets forth the grand strategic task of integrating with some of the former countries of the erstwhile Soviet Union through the Russian-led Eurasian Economic Union (EAEU) and then further afield with the other regions of Eurasia in order to benefit from the growing cross-supercontinental trade between Europe and Asia. President Putin declared during the second Belt & Road Initiative (BRI) Forum in April 2019 that this Chinese-led project "rimes with Russia's idea to establish a Greater Eurasian Partnership" and that "The five EAEU member states have unanimously supported the idea of pairing the EAEU development and the Chinese Silk Road Economic Belt project". It naturally follows that the pairing of the EAEU with BRI would involve Russia improving its connectivity with the latter's flagship project of the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) in South Asia, thereby endowing Pakistan with an important role in the GEP. The rapidly improving relations between Moscow and Islamabad, as well as the peacemaking efforts undertaken by those two states and other stakeholders in Afghanistan across 2019, raise the prospect of a future trade corridor traversing through the countries between them and thus creating a new axis of Eurasian integration that would complete the first envisaged step of bringing the EAEU and BRI closer together. In pursuit of this multilaterally beneficial outcome, it's important to explain the policymaking and academic bases behind it so as to prove the viability of this proposal.

Keywords: Greater Eurasian Partnership, Belt and Road Initiative (BRI), Eurasian Economic Union, Pakistan, CPEC, China, Silk Road.

INTRODUCTION

Russia's Greater Eurasian Partnership (GEP) is envisaged to become an important component of its contemporary foreign policy. President V. Putin simplified this grand strategic vision as "[being formed] on the basis of the Eurasian Economic Union (EAEU) and China's Belt and Road initiative (BRI)" in an article published before the APEC Summit in November 2017[1]. He added that "this is a flexible modern project open to other participants." Building upon this concept, the Russian leader observed during the second BRI Forum in April 2019 that this Chinese-led project "rimes with Russia's idea to establish a Greater Eurasian Partnership" and announced that "The five EAEU member states have unanimously supported the

[1] Putin V. The 25th APEC Economic Leaders' Meeting in Danang: Together Towards Prosperity and Harmonious Development. – *President of Russia*. 08.11.2017. URL: http://en.kremlin.ru/events/president/news/56023 (accessed 10.03.2020).

idea of pairing the EAEU development and the Chinese Silk Road Economic Belt project"[2]. Seeing as how the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) is one of BRI's flagship projects as described by Pakistani Foreign Minister Qureshi in November 2019[3], with $13 billion worth of projects completed in January 2020 out of an expected eventual total investment of $60 billion[4] (thus making it China's largest BRI infrastructure investment anywhere in the world), it's inevitable that Russia will have to improve its connectivity with Pakistan in order to fulfill V. Putin's vision of bringing the EAEU and BRI closer together to form the GEP.

Practically nothing has been written about the role that Pakistan is poised to play in the GEP despite it being an extremely important one by virtue of hosting CPEC, which functions as China's only reliable non-Malacca access route to the Indian Ocean Region, the nearby energy-rich Middle Eastern one, and the rapidly growing continent of Africa where the People's Republic has recently become its top trade partner in aggregate[5]. It should be pointed out that the official CPEC website of the Pakistani government states that the project has already secured at least $46 billion in "commitment of investment and concessional loans"[6], thus making it a promising economic opportunity that Russia certainly can't ignore. The pivotal geopolitical location of the South Asian host state at the confluence of its home region, West Asia, Central Asia, China, and the Indian Ocean also makes it an extremely strategic gateway to each of them, which complements the connectivity vision that Russia set out to achieve through the GEP. This makes it all the more perplexing that Pakistan and CPEC aren't included in the academic literature written about this topic, something that the authors aim to rectify through the present research. As such, Pakistan and CPEC are regularly referenced throughout the work in order to highlight their relevant significances to everything being discussed.

The article begins by analyzing the Russian Foreign Policy Concept of 2016 that established the guidelines for conducting the country's relations with other states. This section serves to explain the policymaking formulations behind the GEP, as well as make the case that Pakistan and CPEC are pertinent to it. The second part then elaborates on the EAEU that's expected to form the core of this connectivity vision. Once that's done, the research segues into a discussion of Russia's trans-regional integration plans while explaining the relevance of Pakistan as appropriate. The reader should by then have a more solid understanding of the role that the country is expected to play in the GEP, after which the work will conclude with several policy recommendations for facilitating its integration into this supercontinental structure. It's hoped that the research will prove itself useful for other academics to eventually build upon in exploring the opportunities for further improving Russian-Pakistani relations in view of this vision.

[2] Putin V. Belt and Road Forum for International Cooperation. – *President of Russia*. 26.04.2019. URL: http://en.kremlin.ru/events/president/news/60378 (accessed 10.03.2020).

[3] "BRI Emerges as Most Effective Instrument of Globalism, Int'l Development Cooperation: Pakistani FM." – *Xinhua*. 20.11.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-11/20/c_138569964.htm (accessed 10.03.2020).

[4] CPEC: Pakistani Government Announces Completion of 13 Projects Worth $11 Billion. – *Sputnik*. 09.01.2020. URL: https://sputniknews.com/asia/202001091077987936-cpec-pakistani-government-announces-completion-of-13-projects-worth-11-billion/ (accessed 10.03.2020).

[5] China-Africa Cooperation in High Gear, Powering Global Growth. – *Xinhua*. 04.07.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-07/04/c_138198759.htm (accessed 10.03.2020).

[6] FAQS. – *CPEC*. URL: http://cpec.gov.pk/faqs (accessed 10.03.2020).

The Russian Foreign Policy Concept of 2016

The practice of Russian foreign policy is determined by the Ministry of Foreign Affairs' concept paper approved by President Putin at the end of 2016[7]. As can be implied by its name, this document contains the primary guidelines that influence Russian foreign policy, and thus, it also relates to many other issues connected to International Relations in general. Only those that are pertinent to the research topic, however, will be referenced in this article. The first part of the document is about the General Provisions, which concentrate on the need "to create a favourable external environment that would allow Russia's economy to grow steadily and become more competitive" in parallel with "[consolidating] the Russian Federation's position as a center of influence in today's world". When combined, it can be understood that one of the most important objectives of Russia's foreign policy is to expand the state's international influence in order to improve its economic growth. Of topical interest, the expansion of Russian influence in South Asia could lead to Moscow reaping some of the economic benefits of CPEC.

There are some formidable challenges that stand in the way of achieving this general objective, whether in South Asia or elsewhere. The concept paper considers the contemporary international environment to be characterized by worsening tensions and expresses concern at the increasingly popular trend of using force to resolve international disputes. Its authors also believe that "global power and development potential is becoming decentralized, and is shifting towards the Asia-Pacific Region, eroding the global economic and political dominance of the traditional western powers". This is leading to a new phase in International Relations, which while promising, is also fraught with many risks of conflict unless future threats are adequately managed. They also note how the trend of connectivity is spurring regional integration processes. It's here where Russia can play a special role since its concept paper says that the country's foreign policy "is characterized by consistency and continuity and reflects the unique role Russia has played for centuries as a counterbalance in international affairs and the development of global civilization." From this position, it can be said that the EAEU could eventually fulfill that role, with the GEP taking it a step further throughout the rest of Eurasia with time.

To that end, Russia considers the overarching goal of its foreign policy to be "shaping a fair and sustainable world order". The concept paper suggests that Russia can do this by "expanding its ties with its partners within the Group of Twenty, BRICS (Brazil, Russia, India, China and the Republic of South Africa), the SCO (Shanghai Cooperation Organization), RIC (Russia, India and China) alongside other organizations and dialogue platforms". Pakistan is one of the two newest members of the SCO alongside India, which makes it an unstated party to this proposed policy. In addition, Pakistan is China's top BRI partner, and China is a leading player in all four of the aforementioned structures. It therefore follows that improving connectivity with Pakistan would add yet another layer to Russia's strategic partnership with China, especially considering that President Putin's proposed pairing of the EAEU and BRI could naturally see the two Great Powers collaborating on joint projects in CPEC as one of its many outcomes.

Recalling what was written earlier, Russia's foreign policy concept intends to improve the country's economic standing. Its authors say that Russia "contributes to the efficiency of the multilateral trade system with the WTO at its core, and promotes

[7] Foreign Policy Concept of the Russian Federation (Approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on November 30, 2016). – *The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 01.12. 2016. URL: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248 (accessed 10.03.2020).

regional economic integration in line with its priorities", and also "creates favourable conditions for expanding Russia's presence on global markets, primarily by diversifying its exports, and specifically by increasing the volume of non-resource-based exports, and expanding the geography of foreign economic ties". Specific attention should be drawn to the part saying that the state also "provides governmental support to Russian organizations seeking to tap new markets and gain a larger foothold in traditional ones, while countering discrimination against Russian investors and exporters". With these guidelines in mind, it's sensible for Russia to economically engage Pakistan.

CPEC is one of BRI's flagship projects, and Russia's hitherto lack of participation in it is a conspicuous absence in light of its strategic partnership with China and President Putin's proposal to pair the EAEU with BRI. The only explanation is that Russia is deferring involvement out of respect for India's sensitivities since New Delhi is fiercely opposed to CPEC because it regards it as traversing through Pakistani-controlled territory that it claims as its own per its maximalist approach to the Kashmir conflict. Even so, it can be argued that Russia shouldn't sacrifice its national economic interests just to avoid offending one of its partners (India), especially when the one that it's closest to (China) is the chief investor in the said project. It isn't possible for Russia to accomplish the previously mentioned economic tasks if it doesn't participate in some capacity or another in CPEC. Nor, for that matter, can it entirely succeed with the concept paper's plan for Russia to "establish a common, open and non-discriminatory economic partnership and joint development space for ASEAN, SCO and EAEU members with a view to ensuring that integration processes in Asia-Pacific and Eurasia are complementary" since Pakistan is the third most populous member of the SCO.

The Eurasian Economic Union

The GEP has no practical standing without the EAEU as its core, so Russia must first concentrate on succeeding with its regional integration plans through this comparatively smaller structure and then transition to trans-regional integration afterwards. Unlike what some critics have claimed, the EAEU isn't being created to advance national prestige or out of nostalgia for the Soviet-era past. Instead, the main purpose is to enable Russia to better compete with the countries of the Asia-Pacific region, as well as to cooperate with them on a more equal footing. Russia needs their assistance for developing the Siberian and Far Eastern regions that have been neglected for decades, though without being seen as somewhat of an economic equal, it fears being taken advantage of. These Asia-directed goals underpinning the EAEU were detailed in the Valdai Club's 2012 report titled "Towards the Great Ocean, or the New Globalisation of Russia"[8]. The authors hoped that decision makers would focus more on this trend after reading their work. The report was released while Russia was still creating a customs union with its EAEU partners, so it could have been very influential in hindsight.

The Asia-Pacific countries, or more specifically the countries of Northeast Asia, aren't the only ones that the EAEU aims to compete and cooperate with. Former Secretary of State for European Affairs in Portugal Bruno Maçães wrote in his 2018 article titled "Supercontinent Eurasia"[9] that Russia "now looks in four directions

[8] Karaganov S., Barabanov O., Bordachev T. Toward the Great Ocean, or the New Globalization of Russia. – Valdai International Discussion Club. 05.07.2012. URL: https://valdaiclub.com/files/11443/ (accessed 10.03.2020).

[9] Maçães B. Supercontinent Eurasia." – Valdai International Discussion Club. 15.10.2018. URL: http://valdaiclub.com/a/highlights/supercontinent-eurasia/?sphrase_id=1034017 (accessed 10.03.2020).

at once, a marked improvement upon the double-headed eagle of its state emblem. Traditionally, Russian elites tended to see their task as that of bringing about a gradual but complete integration with a more advanced Europe. That vision is now being replaced by a new self-image: as the center and core of the Eurasian supercontinent, Russia can reach in all directions and provide a bridge between Europe and China on both ends. In fact, Moscow is also looking south to the Middle East, and to the north, as global warming transforms the Arctic into the main trade route linking Europe and Asia." The Middle East isn't Russia's only southward interest, however, since it can be argued that Pakistan's CPEC is much more important when it comes to non-energy, commercial economic activity. This is yet another point that can be made about the importance of Pakistan in the GEP and why it's so puzzling that practically nothing has been written about its role in Russian grand strategy.

That said, Russia's future integration with Pakistan or any other country outside the former Soviet Union will have difficulty proceeding without the EAEU, ergo this structure's premier importance in serving as the core of Moscow's supercontinental plans. Interestingly, most EAEU member states are also in the SCO, which academic supervisor of the Center for Comprehensive European and International Studies Timofei Bordachev wrote in 2018 is the "foundation of Greater Eurasia"[10]. Pakistan and India were invited to join it in 2015, and the organization has since begun to take on more of an economic role atop its original security-related one. Still, the EAEU is much more of an economic actor than the SCO is by its very nature, but the two bodies have a lot in common, not only in membership, but also in overall outlook. According to the opinion of Yaroslav Lissovolik, a member of the Government Expert Council, in his 2015 article titled "Russia's Eurasian Model of Modernization"[11], the EAEU was strongly influenced by Eurasianist theories. He also believes that it can achieve the objectives of "integration into the world economy", "Eurasian integration in the 'near abroad'", "'open regionalism' and prioritizing multilateralism", following an "Asian industrial policy" and implementing "European stabilization instruments/anchors", and more effectively utilizing the "oil and gas sector". In Lissovolik's opinion, Eurasian integration "will dovetail the Chinese efforts to forge ties with Europe via the Silk Road project". It's noteworthy that he expressed this view several years before the Russian government formally did, which shows that his work was truly visionary at the time.

All in all, the cited experts assess Russia's regional integration plans as proceeding along a positive trajectory. This gives hope to the vision that the EAEU will successfully function as the core of the GEP. It is also the Russian-led structure that can benefit the most from this grand strategy too, especially when it comes to prospectively achieving connectivity with CPEC. The Central Asian member states of Kazakhstan and Kyrgyzstan could obtain a new market of over 200 million potential customers for their products, which would assist their economic diversification efforts and enable them to more confidently balance between Russia and China, thus removing any speculation that one or the other might be trying to undermine their sovereignty through economic means. Instead, both Great Powers would be enhancing their partners' sovereignty by freeing up their economies to trade with Pakistan, or even just through it along CPEC *en route* to the Indian Ocean and the rest of the global marketplace beyond.

[10] Bordachev T. The SCO as the Foundation of Greater Eurasia. – *Valdai International Discussion Club.* 03.07.2018. URL: http://valdaiclub.com/a/highlights/the-sco-as-the-foundation-of-greater-eurasia/ (accessed 10.03.2020).

[11] Lissovolilk Ya. Russia's Eurasian Model of Modernization." Valdai International Discussion Club. 02.12.2015. URL: http://valdaiclub.com/a/highlights/russia-s-eurasian-model-of-modernization/ (accessed 10.03.2020).

On an institutional level, improved Russian-Pakistani connectivity with CPEC as its centerpiece could also bring the EAEU closer to the South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC). Even though this group has been more or less moribund for the past few years owing to disagreements between Pakistan and India, it might be revived if Russia more directly began economically cooperating with Pakistan, which could in turn attract India's attention and possibly encourage it to reach a pragmatic compromise with its neighbor for rejuvenating this regional integration bloc. On a grander scale, Pakistan could be the trans-regional gateway state for the EAEU's further bloc-to-bloc integration with not only SAARC, but also the SCO and even the Gulf Cooperation Council (GCC) considering that the Gulf countries are investing in CPEC too and could take advantage of its terminal port of Gwadar for conducting trade back and forth with Central Asia. This is a key point that is sorely lacking in the academic literature on this topic, which is due either to of a lack of knowledge about the trans-regional integration opportunities afforded by CPEC and/or a hyper-sensitivity to India's concerns about its partners participating in that project. Nevertheless, further research should be conducted on this topic.

Russia's Trans-Regional Integration Strategy

Zachary Paikin, Senior Editor at Global Brief magazine and a Visiting Fellow at the London-based Global Policy Institute, set the backdrop against which Russia's trans-regional integration plans can be analyzed. His April 2019 article "Orders Within Orders: A New Paradigm For Greater Eurasia" begins with him discussing Moscow's dilemma, which he characterizes in this way: "As long as relations with the West remain in the doldrums, Moscow has no choice but to make its strategic partnership with Beijing the lynchpin of its plans to maintain great power status. Russia is but a secondary actor in Asia's regional order, which casts significant doubt on the ability of the EAEU minus Ukraine to become major pole at the global level on its own. But at the same time, failure to mend ties with the West will result in growing dependence on China, thus undermining the very aim that Russia seeks to achieve – preserving its status as an independent great power"[12]. The ideal solution, then, is to apply Paikin's "order within orders" paradigm that he describes as "conceptualizing EU-Russia relations as forming a regional international order within the broader Greater Eurasian order, operating according to its own principles and initiating its own separate bilateral dialogue on global ordering practices". This would enable Russia to better balance its relations with China considering President Putin's plans to pair the EAEU with BRI.

Paikin references another expert in his work who he quotes as saying that "the future of global politics will be determined by interactions not between powers but blocs", and the "order within orders" paradigm can be regarded as a "reframing of the Greater Eurasian partnership designed to maximize the number of partners with which Russia can develop constructive relations." This is a very useful concept that doesn't exclusively consider the EU and China as the only "orders" of relevance in principle. Although Pakistan can be described by some as falling within the Chinese order, its massive market size and geostrategic location could change the strategic calculus by making it more of an independent player in the event that Russia is successful with fostering improved economic-connectivity relations with it, which would also benefit all of the EAEU's member states. Pakistan, and by extrapolation

[12] Paikin Z. Orders Within Orders: A New Paradigm for Greater Eurasia. Russian International Affairs Council, 24.04.2019. URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/orders-within-orders-a-new-paradigm-for-greater-eurasia/ (accessed 10.03.2020).

the SAARC bloc of which it's a part, is but one example of a so-called third order that could revolutionize the strategic balance and thus give Russia more flexibility for interacting with all other poles of economic significance.

Lissovolik has written extensively about his ideas for how Russia can expand its global economic and institutional reach so it's worthwhile to analyze some of his most pertinent work. The first one that should be covered is his 2017 analysis titled "Re-Thinking the BRICS: On the Concepts of BRICS+ and BRICS++"[13]. This article suggests that "Russia in the Eurasian Economic Union, Brazil in MERCOSUR, South Africa in the South African Development Community (SADC), India in the South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC) and China in the Shanghai Organization for Cooperation (SOC)" form the constituent entities integrating with one another through BRICS+, while "these countries and/or regional blocks that have concluded agreements with BRICS countries' regional blocks" would constitute BRICS++. Of immediate relevance, Pakistan is a member of both SAARC and the SCO, thus making it doubly important in this context although that's not stated in the article. Still, the takeaway is that the regional integration structures that each BRICS member is in could come together through that platform to form the super-structure of BRICS+, which by implication suggests that Russia should enhance its economic ties with Pakistan in order to take maximum advantage of this idea.

Lissovolik also published an article titled "BRICS Plus: New Technology, New Vision for Economic Integration"[14] later that same year. In it, he wrote that the objective of BRICS+ is "to create a network of alliances that would be comprehensive and representative of all of the major regions/continents across the developing world. In this respect, the BRICS+ paradigm is more about inclusiveness and diversity rather than about selecting the largest heavyweights. By its very nature of being present in all of the key regions and continents of the developing world the BRICS could perform the unique role of a comprehensive platform for economic cooperation across the globe. Accordingly, the BRICS+ concept is first and foremost about a different approach to economic integration and a different technology of how alliances are structured globally". Another important passage from his article proposes that "BRICS+ could perhaps be termed as semi-globalism" because it "would represent an intermediary layer of coordination and integration between the global level institutions (WTO) and the amalgam of countries and regional blocks." This focus on regionalism dovetails with the trend in regional integration processes earlier described by the Russian Foreign Policy Concept of 2016, thus demonstrating strategic continuity with the state's officially promulgated policy and further making the case that it's only natural for Russia to seize the opportunity to improve its economic connectivity with Pakistan because of CPEC's potential to link together the EAEU, SCO, SAARC, and even the GCC.

The next article that Lissovolik wrote about trans-regional integration which will be discussed is "The Mechanics of BRICS+: A Tentative Blueprint"[15]. The author

[13] Lissovolik Ya. Re-Thinking the BRICS: On the Concepts of BRICS+ and BRICS++. – *Valdai International Discussion Club*. 07.02.2017. URL: http://valdaiclub.com/a/highlights/re-thinking-the-brics/ (accessed 10.03.2020).

[14] Lissovolik Ya. BRICS Plus: New Technology, New Vision for Economic Integration. – *Valdai International Discussion Club.* 23.03.2017. URL: http://valdaiclub.com/a/highlights/brics-plus-new-technology-new-vision/ (accessed 10.03.2020).

[15] Lissovolik Ya. The Mechanics of BRICS+: A Tentative Blueprint. – *Valdai International Discussion Club*. 15.06.2017. URL: http://valdaiclub.com/a/highlights/the-mechanics-of-brics-a-tentative-blueprint/ (accessed 10.03.2020).

makes the point that BRICS+ can play the role of a "sufficiently strong starting engine" for global integration processes by "creating a new platform for forging regional and bilateral alliances across continents". According to him, this could include a "platform for trade and investment integration", "cooperation in international organizations", "cooperation between the respective development banks and other development institutions formed by BRICS+ economies", "use of national currencies/payment systems", and "cooperation in establishing own reserve currencies/regional and global financial centers". Of pertinence to the research topic is that Pakistan would inevitably participate in these proposed ideas, yet scant research has been carried out about how this would work, which places both countries in a disadvantageous position because they might not be able to fully exploit these opportunities. From the opposite angle, those said opportunities are plenty, so the incentive is certainly there to motivate other researchers once they become more aware of the mutual benefits.

Writing in his report about "BRICS-Plus: Alternative Globalization in the Making?"[16], Lissovolik added another major benefit that could be derived from BRICS+. He said that "the new vision of integration in the form of BRICS+ could drag the world economy out of its misery of persistently low growth rates. It appears that new principles and new approaches in advancing openness and integration are required. We need to think about integration, growth and globalization in new and in hitherto abnormal ways to surmount the 'new normal'. We need to shift gears from the old 'core-periphery' paradigm to veritable sustainable development, which in the integration sphere is to be based on greater diversity, equality of opportunity and due care with regard to spillover and trade diversion effects." Put into topical context, Pakistan is geographically on the periphery of Eurasia, but it's connected to one of the cores of the global economy, China, through CPEC. This has enabled its economy to grow well over the past few years. Its location can serve as a conduit for Siberia and Central Asia to more easily trade with the global economy through the access that CPEC could provide them to the Indian Ocean and partners further afield. If institutionalized through BRICS+, this could prospectively have a multiplying effect for all stakeholders, thus improving global growth rates and therefore benefiting the world economy.

Lissovolik elaborated more on his ideas that BRICS+ is crucially important for the global economy. In his article titled "On the Paradox of Global Economic Integration"[17], he observed that "the economies most in need of economic integration are the ones that are the most left out from regional and global economic alliances and 'clubs'". Generally speaking, Lissovolik believes that a "new paradigm needs to be based on new types of integration arrangements that focus more on issues of connectivity that in turn are paramount for landlocked developing countries." All of this holds particularly true for Pakistan, which while being a formal member of SAARC, never really integrated its economy with India's owing to political reasons on both sides. Its decades of strategic partnership with the US also didn't yield any lasting economic benefits either. Awareness of this might have contributed to China's decision to build CPEC and economically integrate with Pakistan instead. That said integration does indeed "focus more on issues of connectivity that in turn are paramount for landlocked developing countries" such as the Central Asian ones

[16] Lissovolik Ya. BRICS-Plus: Alternative Globalization in the Making? – *Valdai International Discussion Club.* 12.07.2017. URL: https://valdaiclub.com/files/14927/ (accessed 10.03.2020).

[17] Lissovolik Ya. On the Paradox of Global Economic Integration. – *Valdai International Discussion Club*. 30.10.2017. URL: http://valdaiclub.com/a/highlights/on-the-paradox-of-global-economic-integration/ (accessed 10.03.2020).

that are part of the EAEU, which could then utilize CPEC's terminal port of Gwadar to more easily access the global economy.

More specifically, Lissovolik signaled that BRI and BRICS+ could fulfill this role because they function as platforms for regional integration, pan-continental integration, and trans-continental integration when taken to their maximum extent with time[18]. Pakistan is part of both, BRI (of which CPEC is one of the flagship projects) and BRICS+ (of which it's included within SAARC and the SCO), so its experience can be extremely useful for helping other countries and is yet another reason why researchers should study it more within this larger context, especially in terms of its relevance to the other countries that are could join the GEP. Bridging BRICS+ and BRICS++, Lissovolik talks about something that he describes as InPEAKS/PEAKS in his article that takes "A Look at BRICS Derivatives and Alter Egos"[19], which he says are the BRICS' countries' "partners in key regional blocks or continental alliances with a substantial size of the financial market/economy and scope for playing catch-up to the BRICS core: Argentina in South America, Kazakhstan in the CIS, Pakistan in South Asia, Egypt in Africa, Indonesia in East Asia. The unifying acronym for this group of countries is InPEAKs – the countries in this group may be viewed as the 'second generation' of BRICS countries coming from the same regions as the BRICS themselves. A moderate variation of the composition of this group would involve the selection of the largest economies by GDP in the respective regions: Egypt in Africa, South Korea in East Asia, as well as Pakistan in South Asia, Argentina in South America, and Kazakhstan in the Eurasian Economic Union. The resulting acronym – PEAKS – is suggestive of a strategy of portfolio allocation in EM and frontier markets that targets an optimal derivative set of countries from the main regions/continents of the developing world. The value of deriving a grouping such as PEAKS/InPEAKs lies in the expansion of the BRICS investment domain to include more markets, resulting in superior optionality, longer investment horizons and risk diversification."

To the best knowledge of the present article's authors, this is the first time that Lissovolik or any Russian expert for that matter has discussed the role that Pakistan can play in Russia's trans-regional integration strategy. He unfortunately didn't elaborate on it and mostly just mentioned its name and that was it, but it's a starting point from which to justify further research by Russian academics if they were so inclined. Lissovlik, who is well respected in the Russian academic community and whose work can objectively be described as influential, recognizes that Pakistan can be a more active player in trans-regional integration processes than it's oftentimes portrayed as being by his peers, if even talked about at all in this context. It's a member of SAARC, the SCO, BRICS+, and what he calls PEAKS/InPEAKs. It's China's top BRI partner, too. The case can therefore be made that it's much too important of a partner for Russia to pass up, and that it's unfortunate that more research hasn't already been undertaken along this promising vector. Pakistan's over 200 million people represent a promising market for the EAEU's exports, and it would be extremely symbolic for the cause of civilizational cooperation (in contrast with Huntington's fearmongering thesis about a supposedly inevitable "clash of civilizations" [Huntington 1996] if Russia and its economic partners greatly expanded their trade ties with such a massive Muslim country.

[18] Lissovolik Ya. The Integration Platforms of the Global South. – *Valdai International Discussion Club*. 29.03.2018. URL: http://valdaiclub.com/a/highlights/the-integration-platforms-of-the-global-south/ (accessed 10.03.2020).

[19] Lissovolik Ya. A Look at BRICS Derivatives and Alter Egos. – *Valdai International Discussion Club*. 27.04.2018. URL: http://valdaiclub.com/a/highlights/a-look-at-brics-derivatives-and-alter-egos/ (accessed 10.03.2020).

Given everything that's been discussed thus far in the present article, the conclusion can be made that the next logical step of Russian foreign policy is to prioritize its connectivity with Pakistan through the GEP. The Russian Foreign Policy Concept of 2016 clearly describes the country's grand strategic goals, of which the strengthening of the EAEU is one of the most important. This regional integration organization is envisaged to function as the core of the GEP and the broader connectivity initiatives proposed by Lissovolik. In pursuit of the latter, it's only natural for Russia to expand its economic influence beyond the borders of its "Near Abroad" with both developed and developing economies alike such as Germany, Turkey, Iran, South Korea, and Japan. Pakistan fits into this strategic paradigm by being a nearby country "beyond the Near Abroad" just like the aforementioned five, among others. Although its economy isn't yet as impressive as them, it has enormous potential because of the $60 billion that China plans to invest into CPEC, which is one of BRI's flagship projects. China is expected to rely more upon this trade route in the future because of its grand geostrategic significance in connecting the People's Republic with the Indian Ocean Region, the Mideast, and Africa. It would therefore be an inexplicable neglect of Russia's foreign policy goals not to explore the potential for strengthening relations with Pakistan, which is why it's hoped that the present article can inspire others to fulfill that role and make up for lost time. Relations between both continues continue to improve, so now is an advantageous moment to do so. With this in mind, several proposals can be made for taking relations to the next step and fully exploring the future role that Pakistan could play in the GEP.

POLICY PROPOSALS

Most immediately, Russian experts need to appreciate the significance that Pakistan holds for the GEP, something that is evidently lacking at present and which explains the dearth of research into this topic. That can prospectively be accomplished by more interactions between each country's professional communities, whether academic, diplomatic, business, or otherwise. There are already small-scale engagements between the two, but they must be intensified and expanded as soon as possible. This could be brought about by engaging with one another's existing contacts and expressing a willingness to expand ties. Still, without the proper framing, this might not accomplish much, hence why it's imperative that Russia becomes better acquainted with CPEC, both in general in the sense that it's one of the flagship projects of BRI and more specifically with the many projects that comprise it, both current and planned. One effective proposal would be to request the Pakistani Embassy in Moscow to help arrange CPEC tours, or even better, for that said diplomatic office to proactively suggest as much through its contacts with Russia's leading think tanks. CPEC tours could be separate from, or in parallel with, Russian visits to Pakistani think tanks and government bodies that could directly help take ties to the next level.

Once Russians are more aware of what CPEC is and how it endows Pakistan with an important prospective role in the GEP, the next step is to discuss modalities for tapping into these opportunities. The expert communities of both countries should organize topical conferences on this dealing with the political, economic, and other aspects of bilateral cooperation and the potential for multilateral cooperation. For example, serious discussions could be held about the companies most likely to take advantage of the future establishment of the reliable banking system that the Russian Trade Representative to Pakistan proposed in November 2019 following the settle-

ment of the two sides' Soviet-era debt around the same time that had hitherto been an obstacle to significant economic cooperation between them[20]. Russia's state-owned companies might be interested in participating, though Pakistan also has the responsibility to propose relevant projects that they might be best suited for. These could be determined by their expert communities after holding conferences on this topic. In addition, economic ties must broaden to include small- and medium-sized businesses, to which end it's necessary to figure out the most cost-effective logistical connections between these two connections, which brings to mind the possibility of a trans-Afghan economic corridor in the event that the war in that landlocked country eventually ends. This too could be a subject of intense discussion between both sides.

Impressive progress was recently made on this front in December 2019. RT reported that a 64-member delegation of Russian businessmen led by Russian Minister of Industry and Trade Denis Manturov traveled to Pakistan for a four-day visit and signed several billion dollars' worth of mostly unspecified agreements[21]. Some of the details that were disclosed revealed that "Russia will provide financial assistance worth $1 billion for the rehabilitation and upgrading of the Pakistan Steel Mills (PSM) project" and "the two sides also discussed investments in the much-delayed North-South gas pipeline." In addition, "Russia's Sukhoi Superjet 100 (SSJ-100) planes will be supplied on both wet and dry lease with an option to purchase, according to Pakistani officials", and "Moscow will also help to construct a railway track from Quetta to Taftan." The report also went on to remind the reader that "earlier this year, Russia promised a $14 billion investment in Pakistan's energy sector, including $2.5 billion for the North-South pipeline project", which is why "a Russian company has developed a project to convert the Muzaffargarh thermal power station to coal and establish a 600-megawatt coal-fired power plant at Jamshoro." Importantly, RT also shared some hard data about the current state of trade between Russia and Pakistan. According to the outlet, "the two nations aim to increase bilateral trade which last year stood at $700 million. Pakistan's exports to Russia reached $150 million while imports from Russia are worth $250 million." Another RT report released around the same time quoted Alexey Kupriyanov, a research fellow at Moscow's Primakov Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), as "suggest[ing] that Russia will not go to extremes even if Pakistan truly wishes this to come true. When engaging Islamabad, Moscow could rely on 'some traditional spheres of cooperation,' namely economy and security, provided that 'it doesn't touch upon Pakistani actions and claims regarding Jammu and Kashmir.'"[22]

With a view towards achieving the aforementioned aim of increasing bilateral trade, a post-war trans-Afghan corridor could conceptually function as the northern branch of CPEC, prospectively called N-CPEC+ (with "N" referring to North and the "+" referring to the expanded framework like it does in BRICS+). Russia, both as a state and also some of its state-owned and even private companies, might be re-

[20] Saif Kh.A. Pakistan, Russia: 'Reliable, Mutually Acceptable Banking System Imperative.' – *Business Recorder*. 21.11.2019. URL: https://www.brecorder.com/2019/11/21/546275/pakistan-russia-reliable-mutually-acceptable-banking-system-imperative/ (accessed 10.03.2020).

[21] Russia Looks to Invest in Pakistan in a Big Way. – *RT*. 09.12.2019. URL: https://www.rt.com/business/475368-russia-pakistan-investments-energy/ (accessed 10.03.2020).

[22] "We've Always Been on Receiving End of US Hegemony": Pakistan Seeks Closer Ties with Russia, and Has a Real Chance of Success. – *RT*. 15.12.2019. URL: www.rt.com/news/475952-russia-pakistan-boost-relations/ (accessed 10.03.2020).

luctant to participate in any CPEC-branded projects owing to their sensitivities about offending their Indian partners, so bilateral economic cooperation could proceed according to a different conceptual euphemism even if it's still referred to as N-CPEC+ for simplicity's sake inside of Pakistan. What's most important, however, is to create a frame of conceptual reference within which to view their developing trade and integration ties. That said, it's equally important to be aware of the limitations involved, such as the near-impossibility of formal trade ties between the EAEU and Pakistan owing to Islamabad's refusal to recognize EAEU member Armenia out of solidarity with Azerbaijan. Nevertheless, just like Russia and other EAEU members have strong bilateral trade ties with Azerbaijan in spite of its disagreements with Armenia, so too can they have the same with Pakistan. In other words, while the national interests of Russia's Indian and Armenian partners might pose some political challenges to its closer trade ties with Pakistan, they aren't insurmountable by any means since pragmatic workarounds can easily be devised to overcome them.

If successful, then N-CPEC+ could do more than just improve Pakistan's trade ties with Russia, but also boost its trade with the Central Asian Republics. Pakistani-Kyrgyzstani trade was practically non-existent at only slightly more than $3.5 million in 2016[23], which is why both sides agreed in May 2019 to try to raise it to $10 million a year[24]. As for Pakistani-Kazakhstani trade, it fell well short of its potential at less than $25 million a year in 2018, but that didn't stop the latter's ambassador in Islamabad from hoping that it could one day grow to $250-500 million as part of his country's his country's "Strategy 2050"[25], to which end he drafted a roadmap for achieving this in early 2019[26]. Pakistani-Turkmenistani trade was slightly better at $29 million in 2016[27], but has the possibility to greatly increase upon completion of the planned Turkmenistan-Afghanistan-Pakistani-India (TAPI) pipeline sometime later this decade. Pakistan's trade with Tajikistan is more than double that at $62 million a year[28], though they ambitiously plan to increase it to $500 million a year in the future[29]. Out of all the Central Asian Republics, it's Pakistan's trade with Uzbekistan that's by and far the most impressive, more than doubling from $36 million in 2017 to over $90 million in 2018[30], with an eye towards tripling its 2019 amount of around

[23] Country Series: Kyrgyz Republic. – *The Pakistan Business Council*. 11.2017. URL: https://www.pbc.org.pk/research/country-series-kyrgyz-republic/ (accessed 10.03.2020).

[24] Pakistan, Kyrgyzstan Agree to Raise Trade Volume to $10mn. – *Radio Pakistan*. 22.05.2019. URL: http://www.radio.gov.pk/22-05-2019/pakistan-kyrgyzstan-agree-to-raise-trade-volume-to-10mn (accessed 10.03.2020).

[25] Kazakh Envoy Calls for Raising Trade to $500m. – *The Express Tribune*. 11.10.2018. URL: https://tribune.com.pk/story/1822982/2-kazakh-envoy-calls-raising-trade-500m/ (accessed 10.03.2020).

[26] Roadmap Ready to Intensify Pak-Kazakh Trade Ties. – *The Nation*. 01.02.2019. URL: https://nation.com.pk/01-Feb-2019/roadmap-ready-to-intensify-pak-kazakh-trade-ties (accessed 10.03.2020).

[27] Country Series: Turkmenistan. – *The Pakistan Business Council*. 11.2017. URL: https://www.pbc.org.pk/research/country-series-turkmenistan/ (accessed 10.03.2020).

[28] Tajik Envoy for Steps to Bolster Economic Ties with Pakistan. – *The News International*. 14.06.2019. URL: https://www.thenews.com.pk/print/484247-tajik-envoy-for-steps-to-bolster-economic-ties-with-pakistan (accessed 10.03.2020).

[29] Tajikistan Wants to Take Bilateral Trade with Pakistan to $500m. – *The Express Tribune*. 19.03.2019. URL: https://tribune.com.pk/story/1932248/2-tajikistan-wants-take-bilateral-trade-pakistan-500m/ (accessed 10.03.2020).

[30] Uzbekistan for increased trade with Pakistan. – *Dawn*. 08.12.2018. URL: https://www.dawn.com/news/1450128 (accessed 10.03.2020).

$100 million[31] to $300 million "very soon"[32]. The successful completion of N-CPEC+ would therefore greatly contribute to the growth of Pakistan's trade ties with the Central Asian Republics, especially since the latter could use CPEC's terminal port of Gwadar to access the vast Indo-Pacific marketplace. Furthermore, Pakistani-Afghanistani trade, which sat at around $1 billion in 2018 (representing a 20% decrease from the year prior[33] after Afghanistan began using India's Iranian port of Chabahar more frequently for political reasons), would also likely increase as well, to say nothing of Afghanistan's trade ties with the Central Asian Republics and Russia further afield as the latter two conduct more trade with Pakistan via its territory.

* * *

In conclusion, the research argues that Pakistan could play a somewhat surprising role (relative to the existing opinion of most Russian experts) in the GEP, though this hasn't been widely recognized because of an overall lack of interest in the country and an unawareness about CPEC. This is attributable to the fact that Russia and Pakistan only recently began their rapprochement and still have a long way to go before entering into a meaningful partnership that goes beyond diplomatic coordination in bringing peace to Afghanistan and carrying out yearly anti-terrorist drills, both of which are enormous milestones compared to their previous state of relations but which are still insufficient for inspiring a critical mass of proactive research into the other's long-term potential as a partner. As has been demonstrated through the research, however, Pakistan is poised to play a promising role in the GEP given that it's indispensable to the success of this vision. It is the last remaining piece of the Eurasian connectivity puzzle which Russia has yet to fully appreciate, though it may only be a matter of time before that realization dawns on its decision makers. As BRI becomes a more influential catalyst for international systemic change, it's predicted that Russia will naturally become more aware of its flagship project of CPEC, and with that, a new trend of research into Pakistan might commence shortly thereafter.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.02

РОЛЬ ПАКИСТАНА В БОЛЬШОМ ЕВРАЗИЙСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ РОССИИ

Э. Корыбко, В.М. Морозов

КОРЫБКО Эндрю, независимый исследователь (США), научный сотрудник МГИМО МИД России, Москва, email: korybko.e@my.mgimo.ru; **МОРОЗОВ Владимир Михайлович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатии, проректор по кадровой политике, МГИМО МИД России, Москва, email: morozov@inno.mgimo.ru

Korybko A., Morozov V.M. Pakistan's Role In Russia's Greater Eurasian Partnership. – Polis. Political Science. 2020. No. 3. P. 9-22. (In Eng.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.02

Статья поступила в редакцию: 05.12.2019. Принята к публикации: 12.02.2020

Аннотация. Взаимосвязь между различными акторами современных международных отношений – одна из ключевых тенденций XXI в., которую Россия последовательно воплощает в политике

[31] Uzbekistan, Pakistan Have Big Economic Potential: Envoy. – *The News International*. 07.01.2020. URL: https://www.thenews.com.pk/print/594850-uzbekistan-pakistan-have-big-economic-potential-envoy (accessed 10.03.2020).

[32] Rana I. Trade between Pakistan, Uzbekistan Doubles. – *The Express Tribune*. 18.09.2019. URL: https://tribune.com.pk/story/2058798/2-trade-pakistan-uzbekistan-doubles/ (accessed 10.03.2020).

[33] Rohullah A. Afghanistan-Pakistan Trade Volume Shrinks by 20 Percent. – *TOLOnews*. 22.12.2018. URL: https://tolonews.com/business/afghanistan-pakistan-trade-volume%C2%A0shrinks%C2%A0-20-percent (accessed 10.03.2020).

Большого Евразийского партнерства. Эти усилия направлены на то, чтобы противостоять хаотическим процессам, протекающим на фоне длительного системного перехода от однополярности к многополярности. Стратегическая задача инициативы Большого Евразийского партнерства – интеграция с рядом стран бывшего Советского Союза посредством Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а затем и установление более тесного сотрудничества с другими регионами Евразии для получения преимуществ от набирающей обороты торговли между Европой и Азией. В ходе второго форума инициативы "Один пояс – один путь" в апреле 2019 г. президент Путин заявил, что возглавляемый Китаем проект импонирует идее России по созданию Большого Евразийского партнерства и что пять государств – членов ЕАЭС единодушно поддержали идею расширения сотрудничества с проектом "Экономического пояса Шелкового пути". Из этого следует, что данная интенсификация взаимодействия между ЕАЭС и инициативой "Один пояс – один путь" будет способствовать усилению связей России с флагманским проектом Китая по китайско-пакистанскому экономическому коридору в Южной Азии, что обеспечит Пакистану важную роль в Большом Евразийском партнерстве. Интенсивно развивающиеся отношения между Россией и Пакистаном, а также миротворческие усилия, предпринятые двумя странами и другими заинтересованными сторонами в Афганистане в 2019 г., открывают перспективу будущего торгового коридора, который пройдет через граничащие государства и тем самым создаст новую "ось" интеграции в Евразии. Это стало бы важным шагом по сближению ЕАЭС и инициативы "Один пояс – один путь". Авторы приводят теоретические и практические основания жизнеспособности этого проекта и дают обоснования его потенциальной выгодности для всех сторон, а также выдвигают политические рекомендации по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: Большое Евразийское партнерство, Один пояс – один путь, Евразийский экономический союз, Пакистан, китайско-пакистанский экономический коридор, Китай, Шелковый путь.

References

Huntington S. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.

Khan H.U. 2019. Pakistan–Russia Relations and the Changing Paradigm. – *Journal of Political Studies*. Vol. 26. No. 1. P. 231–241. URL: http://pu.edu.pk/images/journal/pols/pdf-files/15-v26_1_19.pdf (accessed 10.03.2020).

Khan M.T.F. 2019. Pakistan's Foreign Policy towards Russia: New Directions. – *Strategic Studies*. Vol. 39. No. 3. P. 89-104. URL: http://issi.org.pk/wp-content/uploads/2019/11/6-SS_Muhammad_Taimur_Fahad_Khan_No-3_2019.pdf (accessed 10.03.2020).

The Western Tribal Region in South Asia. The Limits of Our Knowledge. 2014. – *Open Pages in South Asian Studies*. California: South Asian Studies Association. P. 77-110.

Литература на русском языке

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. 2008. *История Пакистана. XX век*. М.: Крафт+.

Борисов Т.И. и др. 2019. *Пакистан: за рамками стереотипов*. Центр анализа стратегий и технологий. URL: http://cast.ru/books/pakistan-za-ramkami-stereotipov.html (accessed 10.03.2020).

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03

"КВАД 2.0": ЧЕТЫРЕХСТОРОННИЙ ДИАЛОГ ДЛЯ КОНТРБАЛАНСИРОВАНИЯ КНР В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

А.В. Худайкулова, М.С. Рамич

ХУДАЙКУЛОВА Александра Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем, МГИМО МИД России, Москва, email: Alexandra_77@mail.ru;
РАМИЧ Мирзет Сафетович, аспирант кафедры теории и истории международных отношений, РУДН, Москва, email: ramich_ms@mail.ru

Худайкулова А.В., Рамич М.С. "Квад 2.0": четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе. – Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 23-43. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.03

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31389 "Традиционные и восходящие центры силы: дискуссии относительно суверенитета и управления конфликтами".

Статья поступила в редакцию: 01.12.2019. Принята к публикации: 25.12.2019

Аннотация. "Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион" (ИТР) – это внешнеполитическая концепция США, реализация которой началась с приходом администрации Д. Трампа и активно форсируется в настоящее время. В американском исполнении концепт имеет ярко выраженную геостратегическую направленность с опорой на крупнейшие региональные державы – Японию, Австралию и Индию, которые одновременно выступают партнерами США. Несмотря на имеющиеся различия в оценке приоритетных векторов формирования новой региональной структуры безопасности, "четверка" (Quad, "Квад") обеспокоена растущим экономическим влиянием и потенциальным военным доминированием КНР не только в АТР, но и в Индийском океане. В этой логике фактор сдерживания китайского мощи и поддержание регионального баланса сил является первоосновой нового четырехстороннего диалогового формата по вопросам безопасности в ИТР. На данный момент концепт ИТР только получает свое институциональное оформление. При этом устоявшийся тренд на укрепление экономической и военно-политической взаимосвязи между участниками диалога, вне зависимости от их в*и*дения формата и темпов реализации ИТР, поступательно развивается. В подобных условиях проблематика развития ИТР и перспективы дальнейшего формирования "Бриллианта безопасности" будут оставаться в центре приоритетной повестки, тем более что спада американо-китайской напряженности ожидать не приходится. В статье анализируется становление ИТР в качестве нового геополитического региона, рассматриваются изменения в доктринальных документах и динамика двусторонних связей между членами "Квад", а также предлагается прогноз по оформлению новой региональной системы безопасности.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, АТР, Квад, США, Австралия, Индия, Япония, сообщество безопасности, баланс сил, федеративная модель обороны, мини-сторонность, Морской шелковый путь, стратегическое сдерживание.

Если в начале XXI в. в отношениях с Китаем США еще делали ставку на политику "вовлечения", "трансформационную дипломатию" (инициатива госсекретаря К. Райс 2006 г.) и возможность формирования G2 при главенствующей роли американцев, то к 2010-м годам они стали все больше переходить к стратегическому сдерживанию КНР. В этом контексте следует

рассматривать наступление "Тихоокеанского века Америки" [Clinton 2011], разворот (*pivot*) США в сторону Азии и политику "перебалансировки" (*rebalancing*, 60% американского флота ныне находится в регионе) для "восстановления равновесия в АТР". В экономической сфере это заключалось в создании исключающего Китай торгового мегаблока – Транстихоокеанского партнерства (ТТП) *(Trans-Pacific Partnership, TPP)*.

Приход Д. Трампа ознаменовал отказ от "либерального интервенционизма" Б. Обамы, выход США из ТТП, бо́льшую опору на региональные державы для обеспечения международной безопасности. Новыми инструментами американской политики сдерживания КНР стала концепция "Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона" (ИТР), а также создание четырехстороннего диалога (США, Япония, Индия, Австралия), получившего название "Квад" (*Quadrilateral Security Dialogue*) или "Бриллиант безопасности" [Локшин 2018]. В рамках федеративной модели обороны (*federated defence*) США вовлекают три региональных державы в противодействие КНР, потворствуя их лидерским амбициям в ИТР и стимулируя увеличение расходов на выполнение соответствующих задач.

МЕТОДОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Формирование Индо-Тихоокеанского региона можно представить через призму теории комплекса региональной безопасности, разработанной представителями Копенгагенской школы Б. Бузаном и О. Вейвером [Buzan, Wæver 2003]. Выделение ИТР с геостратегической точки зрения позволяет в рамках одного мегарегиона расположить крупнейших поставщиков энергоносителей (страны Персидского залива) и крупнейших мировых производителей (страны Восточной Азии) [Лебедева 2018]. Контроль над путями доставки энергоресурсов из Персидского залива в Восточную Азию – основа стратегического сдерживания КНР. На нынешнем этапе, пока потенциал глобального развертывания китайского флота недостаточен, необходимость контроля Индийского океана обосновывается угрозой блокирования Ормузского пролива иранцами. При этом отмечается, что в перспективе, после решения тайваньского вопроса, КНР сможет высвободить свой военный флот и перенаправить его в Индийский океан [Green, Shearer 2012].

В свою очередь, создание "квартета безопасности" в рамках американской "большой стратегии" – это классический пример балансирования в русле реалистской традиции [Waltz 1979], когда укрепление КНР стимулирует формирование антикитайской коалиции с учетом фактора географической близости [Walt 1987] к "новому гегемону". Призыв Д. Трампа к евроатлантическим союзникам на 70-м саммите НАТО в декабре 2019 г. коллективно сдерживать КНР[1] – это свидетельство того, что американское контрбалансирование не ограничивается только ИТР. Неформальный характер создаваемого альянса, негласность целого ряда соглашений, а также начальный период формирования "Квад" затрудняет проведение исследования с применением традиционного инструментария (например, оценку относительных и абсолютных выгод), характерного для анализа международных военно-политических альянсов [Истомин 2017].

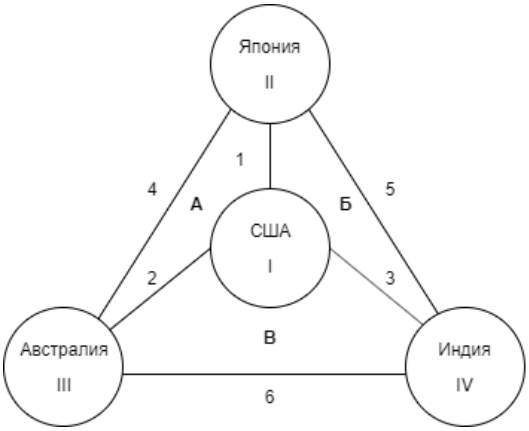
[1] *Remarks by President Trump and NATO Secretary General Stoltenberg After 1:1 Meeting.* London, UK. 03.12.2019. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-nato-secretary-general-stoltenberg-11-meeting-london-united-kingdom/ (accessed 04.02.2020).

На тактическом (инструментальном) уровне усилия США по формированию регионального "сообщества безопасности" (*Security Community*) можно интерпретировать в контексте одноименной работы под ред. Э. Адлера и М. Барнетта [Security Communities... 1998], написанной на стыке неолиберального институционализма и конструктивизма. США пытаются сформировать у стран "Квад" чувство общей идентичности, ценностей и смыслов, развивая сотрудничество сначала в гуманитарной сфере и постепенно смещаясь в сторону *casus foederis* для переформатирования системы международных отношений в регионе [Переформатирование системы... 2018; 2019]. При этом от сугубо двусторонних отношений они последовательно переходят к треугольному взаимодействию и собственно к "квартету безопасности" (см. рис.), что является примером клубной дипломатии (ряд экспертов говорит о некоторой аналогии с БРИКС[2]) или так называемого формата *мини-сторонности* (*mini-lateral*)[3].

Рисунок (Figure)

Анализ "треугольника влияния" США в ИТР

Analysis of the "Triangle of Power" of USA in Indo-Pacific Region



Мини-сторонность ("узкая многосторонность", мини-многосторонность, мини-латерализм, многосторонность *à la carte*) – это новая форма мультилатерализма в постгегемонистскую эпоху, набирающая силу по мере того, как США для сохранения своего лидерства не могут опираться на столь широкую коалицию государств как ранее, ведь часть из них все больше ориентируется на КНР. С точки зрения становления политического дискурса, это разумный компромисс между декларируемой политикой Д. Трампа по радикальному отказу от либерального миропорядка и невозможностью продвижения серьезных международных инициатив сугубо в двустороннем формате[4]. При

[2] Торопчин Г. Quo vadis, Quad? – *РСМД*. 28.01.2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-quad-istoriya-i-perspektivy-chetyryekhugolnika/?sphrase_id=34263547 (accessed 04.02.2020).

[3] Употребление термина на русском языке именно в таком переводе встречается, например, в докладе Валдайского клуба С. Патрика [Патрик 2015: 3].

[4] Brummer Ch. Populism's Minilateral Foreign Policy. – *Huffington Post*. 02.06.2017. URL: https://www.huffpost.com/entry/populisms-minilateral-foreign-policy_b_59318304e4b00573ab57a2ba?guccounter=1 (accessed 04.02.2020).

том что этот термин в последние годы набирает популярность в зарубежной науке [Brummer 2014; Patrick 2014][5], он пока не получил должного развития в отечественных исследованиях клубной дипломатии.

Для анализа формирующейся структуры четырехстороннего диалога в статье показана эволюция национальных стратегий в вершинах фигуры, в том числе в I (США), II (Японии), III (Австралия) и IV (Индия). Национальные стратегии оцениваются на предмет восприятия концепта ИТР (используется частотный контент-анализ) как первоначального индикатора формирования общей идентичности, а также упоминания формата "четырехугольника безопасности" в явном ("Квад") или неявном видах.

После этого оцениваются все шесть *диад*, так называемых двусторонних треков взаимодействия между ее участниками, в том числе с участием США: *(1) США – Япония, (2) США – Австралия, (3) США – Индия, – а также региональных участников между собой: (4) Австралия – Япония, (5) Япония – Индия, (6) Австралия – Индия* (см. рис. 1). Особое значение в контексте формирования "сообщества безопасности" уделяется сотрудничеству в рамках треугольников с участием США, в том числе с Австралией и Японией (*А*), с Японией и Индией (*Б*), с Австралией и Индией (*В*), а также, собственно, в рамках "четверки". В заключение делается вывод о роли "Квад" и перспективах его дальнейшей институционализации.

Проблематика, рассматриваемая в статье, нашла частичное отражение в трудах российских исследователей по Восточной и Южной Азии [Богатуров 1997; Канаев, Шумкова 2017; Каримова 2019; Кистанов 2018; Куприянов 2018, 2019; Лебедева 2018; Локшин 2018; Панов, Нелидов 2018; Стрельцов 2018; Чугров 2008], а также в работах американистов [Истомин 2019; Лексютина 2019] и др. Из зарубежных работ стоит отметить труды американских экспертов из Центра стратегических и международных исследований [Green, Shearer 2012; Green, Hicks, Copper 2014], из Военно-морского колледжа США, Центра Стимсона [International Disaster... 2019]; ряда индийских ученых [Khurana 2007; Thankachan 2017; Gopal 2017], австралийских экспертов, особенно Р. Медкалфа [Medcalf 2014]. Особое внимание уделяется анализу программных выступлений и статей Д. Трампа, С. Абэ и других политических деятелей, а также доктринальных документов четырех стран.

У ИСТОКОВ "КВАД"

Как и в случае с ТТП, инициатива "Квад" первоначально шла от самих стран региона, но впоследствии была признана отвечающей соображениям национальной безопасности США и поддержана в Вашингтоне, что и предопределило ее дальнейшее поступательное развитие. Важной предпосылкой создания квартета также послужили Трехсторонний стратегический диалог США – Япония – Австралия (*треугольник А*), учрежденный в 2002 г. и к 2005 г. переведенный на министерский уровень, и *ad hoc* группа "четверки" (*Core Group*), сформированная для ликвидации последствий цунами в Индийском океане, которое было вызвано подводным землетрясением 26 декабря 2004 г. у берегов Юго-Восточной Азии и стало причиной огромных разрушений.

Региональные импульсы. На экспертном уровне идея формирования единого геостратегического пространства Индийского и Тихого океана с опорой на

[5] Naim M. Minilateralism. The Magic Number to Get Real International Action. – *Foreign Policy*. 21.06.2009. URL: https://foreignpolicy.com/2009/06/21/minilateralism/ (accessed 04.02.2020).

Индию, Австралию с Новой Зеландией и Китай с Японией прорабатывалась еще в конце 1990-х годов в Японии и Индии [Лебедева 2018: 402], а также в ряде более ранних геополитических построений [Каримова 2019; Стрельцов 2018; Medcalf 2014]. На официальном уровне впервые она была озвучена японским премьером С. Абэ в 2007 г. во время его выступления в индийском парламенте, и предполагала "Слияние двух морей" (Индийского и Тихого океана), создание "Дуги стабильности и процветания" в Евразии и формирование "большой Азии"[6]. 24-25 мая 2007 г. "на полях" Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ) прошла неформальная встреча глав "четверки" на уровне официальных представителей МИД, проведение которой было согласовано во время визита в Токио вице-президента США Д. Чейни в феврале 2007 г.

Однако создание "Квад 1.0" не получило дальнейшей поддержки по ряду причин [Hosoya 2019: 20-21]. Накануне встречи "четверки" Китай заявил, что в АТР предпринимается попытка создания "азиатского НАТО". МИД КНР не замедлил направить ноты протеста каждой из стран, участвующих в диалоге[7]. Вскоре С. Абэ ушел в отставку, новый премьер Я. Фукуда был больше настроен на сотрудничество с КНР, как и новый премьер-министр Австралии К. Радд. Вместе с этим на тот момент отсутствовала теоретическая база, обосновывающая необходимость такого сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе. Основной причиной провала "Квад 1.0" стало отсутствие заинтересованности в этом формате как со стороны лиц, отвечающих за принятие внешнеполитических решений, так и со стороны экспертного сообщества. Бо́льшая часть исследовательских работ, посвященных ИТР, была выпущена в 2010-е годы, что позволило снова обратить внимание политиков на проблему регионального сотрудничества и возродить идею создания четырехстороннего формата взаимодействия.

В 2007-2012 гг. идея формирования ИТР и "Квад" как каркаса новой архитектуры безопасности стала прорабатываться в академических кругах. В 2007 г. индийский исследователь Г. Хурана в статье использовал термин "Индо-Тихоокеанский регион" [Khurana 2007]. В 2010 г. вышла в свет монография Р. Каплана о роли Индийского океана в обеспечении национальной безопасности США [Kaplan 2010], написанная в традиционном геополитическом ключе и переведенная на русский язык [Каплан 2015]. Тогда же был опубликован доклад по ИТР М. Ослин (Американский институт предпринимательства), а в 2011 г. – доклад Р. Медкалфа [Hosoya 2019: 21-22; Medcalf 2014]. В 2012 г. вышли статьи Д. Скотта о геостратегическом значении ИТР [Scott 2012] и М. Грина [Green, Shearer 2012] о роли "Квад" для стратегического балансирования Китая.

В 2012 г. идея формирования "Квад" для контроля над ИТР стала возвращаться в официальный политический дискурс. Накануне парламентских выборов в Японии в 2012 г. премьер-министр С. Абэ опубликовал небольшой комментарий, в котором предлагалось сформировать в АТР четырехстороннюю структуру безопасности с участием Японии, Австралии, Индии и США

[6] "Confluence of the Two Seas". Speech by Prime Minister Shinzo Abe at the Parliament of the Republic of India. – *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. 22.08.2007. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html (accessed 18.10.2019).

[7] Nicholson B. China Warns Canberra on Security Pact. – *The Age*. 15.06.2007. URL: https://www.theage.com.au/national/china-warns-canberra-on-security-pact-20070615-ge54v5.html (accessed 30.10.2019).

под общим названием – "азиатский демократический бриллиант безопасности"[8]. Подобная структура должна была служить сдерживающим фактором, чтобы не допустить превращения Южно-Китайского моря в "Пекинское озеро" (*Lake Beijing*)[9]. В июне 2012 г. министр обороны Австралии С. Смит в ходе "Диалога Шангри-Ла", и позднее в 2013 г., презентуя Белую книгу Австралии по обороне, неоднократно говорил о роли ИТР в обеспечении региональной безопасности [Scott 2012: 85-86].

Наконец, в 2016 г. в Кении, на шестом саммите "ТИКАД" (Токийская международная конференция по африканскому развитию) С. Абэ заявил, что Япония несет ответственность за содействие слиянию Индийского и Тихого океанов в новое политическое пространство, которое объединит Азию и Африку[10]. Фактически Япония "вышла на оперативный простор", а инициатива по масштабности замысла (два континента и два океана) стала конкурировать с китайским "Морским шелковым путем", так как зона ее реализации накладывается на транспортные маршруты, создаваемые Китаем из Азии в Африку и Европу [Кистанов 2018]. При этом сам С. Абэ неоднократно высказывался за поддержку проекта "Один пояс – один путь", и в целом с 2014 г. успешно выстраивает сотрудничество с Си Цзиньпинем [Hosoya 2019: 24]. КНР в свою очередь заявляет, что Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и другие инфраструктурные проекты КНР не конкурируют с проектами Азиатского банка развития, а дополняют их.

Федеративная модель обороны. Еще до избрания Д. Трампа США стали прорабатывать вопрос сохранения своего лидерства с большей опорой на региональные силы. Это и вошедшая в оборот концепция "лидерство из тыла" (*leading from behind*), в основе которой заметка гарвардского профессора Л. Хилл[11], сравнивающая лидера с пастухом овец и позволяющая обеспечить "умное сдерживание" КНР с опорой на региональные державы. Это и "принципиальная сеть безопасности" (*principled security network*) в АТР министра обороны США (2015-2017 гг.) Э. Картера, о которой он говорил на 15-м "Диалоге Шангри-Ла" в Сингапуре[12]. Совершенно справедливым представляется комментарий российского востоковеда А. Цветова о том, что США могут стать "соединяющим клеем нового-старого формата" "Квад"[13].

В 2014-2016 гг. Центр стратегических и международных исследований активно разрабатывал модель федеративной обороны США "с целью оценки и выработки конкретных рекомендаций для Соединенных Штатов и их парт-

[8] Abe Sh. Asia's Democratic Security Diamond. – *Project Syndicate*. 27.12.2012. URL: https://www.project-syndicate.org/onpoint/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe?barrier=accesspaylog (accessed 18.10.2019).

[9] Ibidem.

[10] *Address by Prime Minister Shinzo Abe at the Opening Session of the Sixth Tokyo International Conference on African Development (TICAD VI). – Ministry of Foreign Affairs of Japan*. 27.08.2016. URL: https://www.mofa.go.jp/afr/af2/page4e_000496.html (accessed 18.10.2019).

[11] Hill L. Leading from Behind. – *Harvard Business Review*. 05.05.2010. URL: https://hbr.org/2010/05/leading-from-behind (accessed 18.10.2019).

[12] Asia-Pacific's Principled Security Network. Secretary of Defense. – *The Medium*. 04.06.2016. URL: https://medium.com/@SecDef/asia-pacifics-principled-security-network-b73204f2a3f2 (accessed 18.10.2019).

[13] Цветов А. Индо-Тихоокеанский фронт: зачем на геополитической карте появился новый регион и что это сулит России? – *Московский Центр Карнеги*. 22.03.2018. URL: https://carnegie.ru/commentary/75706 (accessed 18.10.2019).

неров для интеграции своих оборонных возможностей в поддержку общих интересов”[14]. Важным направлением в рамках данного проекта стала модель федеративной обороны в Азии, которую исследовали М. Грин и соавторы [Green, Hicks, Cooper 2014].

После окончания Второй мировой войны США сформировали в Азии сеть альянсов, включающую Японию, Республику Корея, Австралию, Филиппины, Таиланд. Для укрепления безопасности также выстраивался диалог с такими партнерами, как Индия, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Тайвань и Вьетнам. С ними регулярно проводятся совместные учения; кроме того, навыки взаимодействия в сфере обеспечения безопасности отрабатывались в ходе кризисных ситуаций, например, в 2004-2005 гг., во время устранения последствий цунами [Rai 2018: 138-139]. Происходит обмен разведывательными данными, а также участие в программах военно-технического сотрудничества [Green, Shearer 2012]. Проведенный американскими исследователями анализ показал, что в наибольшей степени стороны готовы к сотрудничеству по вопросу оказания гуманитарной помощи [International Disaster... 2019].

В наименьшей степени это касается противодействия КНР в его политике ограничения доступа в Восточно- и Южно-Китайском морях (ЮКМ) (введение зон *Anti-Access/Area Denial*, A2/AD). Ряд стран, имеющих достаточный военный потенциал для этого (например, РФ) по политическим причинам не готовы к этому, ряд стран не имеют достаточного военного потенциала, у них не развиты ни подводный флот, ни ВВС, ни другие важные компоненты вооруженных сил. Готовы к сотрудничеству с США по всем выделенным направлениям (по мнению американцев) лишь четыре страны (в таблице это затемненные строки): Австралия, Индия, Япония (т.е. участники “Квад”), а также Р. Корея. Однако Р. Корея находится в одном субрегионе (Северо-Восточная Азия) с Японией, поэтому включение ее в координирующую структуру нецелесообразно. Индия присутствует преимущественно из-за геостратегического положения, хотя ее военно-морской потенциал по ряду направлений даже меньше, чем у Р. Кореи или Тайваня [Pant, Rej 2018: 50]. Готовность противодействовать КНР в ЮКМ носит скорее вербальный характер – лишь США в 2017-2019 гг. провели более десяти так называемых операций по свободе судоходства (*Freedom of navigation operations, FONOP*), остальные страны “Квад” не рискнули к ним присоединиться [Choong 2019: 7].

С оперативной точки зрения переход от АТР к ИТР в системе военного планирования США не вносит принципиальных изменений, хотя с мая 2018 г. вместо Тихоокеанского командования ВС США (*USPACOM*) создано Индо-Тихоокеанское командование (*USINDOPACOM*). Однако зона его ответственности остается прежней – от Индии до восточной части Тихого океана (*“от Болливуда до Голливуда”* в трактовке бывшего главкома Г. Гарриса [Pant, Rej 2018: 53]), с включением третьего и седьмого флотов ВМС США. Примечательно, что в речи Х. Клинтон о “тихоокеанском веке США” речь идет об АТР, “растянувшемся от индийского субконтинента до западных берегов Америк” и охватывающем два океана – Индийский и Тихий [Clinton 2011].

Администрация Д. Трампа фактически вывела из обихода термин АТР, заменив его Индо-Тихоокеанским регионом. Во время выступления на сам-

[14] Federated Defense Project. – *Center for Strategic and International Studies.* URL: https://www.csis.org/programs/international-security-program/global-threats-and-regional-stability/federated-defense (accessed 18.10.2019).

мите АТЭС в Дананге (Вьетнам, 2017 г.) американский президент впервые официально озвучил идею создания новой конструкции безопасности в рамках "открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона"[15]. В эти же дни в Маниле, "на полях" саммита АСЕАН прошла встреча лидеров "Квад"[16]. В январе 2018 г. "на полях" "диалога Райсина" в Дели прошла встреча главнокомандующих ВМФ стран-участниц "Квад". В общей сложности в 2017-2019 гг. прошло не менее пяти встреч "четверки". Последняя состоялась 26 сентября 2019 г. на "полях" ГА ООН.

Взаимодействие стран-участниц "Квад" охватывает не только обеспечение региональной безопасности, но и противодействие усиливающейся экономической и инфраструктурной зависимости от КНР [Thankachan 2017]. Однако для всех членов "Квад" КНР является крупнейшим торговым партнером, поэтому данное направление противодействия носит явно запоздалый, реактивный характер [Gopal 2017]. "Антикитайская коалиция" может создавать альтернативные КНР транспортные хабы, либо брать под свой экономический контроль ряд элементов инфраструктуры в создаваемых Китаем хабах[17], либо увеличивать расходы на обеспечение безопасности при реализации инфраструктурных проектов, как это происходит, например, в Гвадаре (Пакистан) [Khudaykulova 2019].

ИЗМЕНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Термин "Индо-Пацифика" не только активно входит в официальный и академический дискурс, но и последовательно имплементируется во все основные доктринальные документы США и других стран-участниц "Квад".

США (I). В Стратегии национальной безопасности США от 2017 г. особый акцент сделан на безопасности в ИТР – фактически, это первый географический приоритет. Отмечается, что США будут "искать возможности усиления четырехстороннего сотрудничества с Японией, Австралией и Индией"[18]. Указываются и другие союзники в регионе (Р. Корея, три члена "Квад" по отдельности и Новая Зеландия), а также партнеры из числа стран АСЕАН. В качестве направлений противодействия китайской экспансии отмечается политическая сфера, экономическая и военная (безопасность). В таком же ключе мыслят авторы Стратегии национальной обороны (2018 г.), утверждающие, что "Китай использует свою военную модернизацию, которая ставит своей целью добиться региональной гегемонии в Индо-Тихоокеанском регионе". Обеспечение благоприятного баланса сил в ИТР является первым региональным приоритетом. О "Квад" напрямую не говорится, но отмечается, что

[15] Remarks by President Trump at APEC CEO Summit. – *The White House.* 10.11.2017. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/ (accessed 18.10.2019).

[16] Australia-India-Japan-U.S. Consultations on the Indo-Pacific. US State Department, Press Statement, Heather Nauert, Department Spokesperson. – *U.S. Department of State.* 12.11.2017. URL: https://www.state.gov/australia-india-japan-u-s-consultations-on-the-indo-pacific/ (accessed 18.10.2019).

[17] Australia, U.S., India and Japan in Talks to Establish Belt and Road Alternative: Report. – *Reuters.* 19.02.2018. URL: https://www.reuters.com/article/us-china-beltandroad-quad/australia-u-s-india-and-japan-in-talks-to-establish-belt-and-road-alternative-report-idUSKCN1G20WG (accessed 18.10.2019).

[18] National Security Strategy of the United States of America. – *The White House.* 2017. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf (accessed 18.10.2019).

альянсы и партнерства в регионе будут усилены посредством формирования "сетевой архитектуры безопасности" (*networked security architecture)*[19].

Помимо основных доктринальных документов, только за 2019 г. появилось два стратегических доклада (Пентагона и Госдепа), посвященных ИТР. В докладе Пентагона подчеркивается приоритетность ИТР и поддержка усилий по возобновлению "четырехсторонних дипломатических консультаций" ("Квад"), которые проводились трижды с ноября 2017 г. Отмечается, что в своей деятельности "Квад" исходит из центральности АСЕАН и нацелен на развитие партнерства в треугольнике Япония – Индия – Австралия (*Г*). Среди сфер деятельности – поддержание "основанного на правилах порядка в ИТР", увеличение связанности (т.е. развитие инфраструктуры) "согласно международному праву и стандартам", а также антитеррор и обеспечение морской безопасности[20].

В докладе Госдепа несколько раз упоминается "Квад", подчеркивается, что в сентябре 2019 г. в ходе встречи "на полях" ГА ООН уровень взаимодействия впервые повышен до министерского и это "новая важная веха для дипломатического взаимодействия США с регионом". В ходе встречи обсуждались сотрудничество в сфере обеспечения морской безопасности, строительство качественной инфраструктуры и региональной связанности, а также антитеррор и кибербезопасность. Отмечается, что вооруженные силы стран "Квад" совместно тренируют африканских миротворцев. То есть в задачи "Квад" входит сдерживание КНР не только в ИТР, но и в Африке. В данной стратегии также делается оговорка насчет АСЕАН – это организация выступает "основой (*backbone*) для региональных дискуссий в области политики и безопасности, в то время как форматы "мини-сторонности" позволяют более оперативно координировать действия 'мыслящих одинаково' партнеров". К таким форматам отнесены Трехсторонний стратегический диалог (США – Япония – Австралия), встречи в формате США – Япония – Индия (прошли в ноябре 2018 и июне 2019 гг.), а также "Квад" [21].

В целом определившись с параметрами военного сдерживания КНР, США пока не конкретизировали шаги по экономическому противодействию Китаю, в том числе в Африке[22]. По состоянию на конец 2019 г. Финансовая корпорация по международному развитию (*United States International Development Finance Corporation*) с планируемым объемом инвестиций в 60 млрд долл. США находится на этапе создания.

---

[19] *Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge.* URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf (accessed 09.11.2019).

[20] Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. US Department of Defense. – *Department of Defence.* 01.06.2019. URL: https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF (accessed 09.11.2019).

[21] Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. – *U.S. Department of State.* 04.11.2019. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf (accessed 09.11.2019).

[22] Remarks by National Security Advisor Ambassador John R. Bolton on the Trump Administration's New Africa Strategy. – *The White House.* 13.12.2018. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-national-security-advisor-ambassador-john-r-bolton-trump-administrations-new-africa-strategy/ (accessed 09.11.2019).

Япония (II). При определении оборонной политики Японии в 2011 г. отмечалась необходимость выстраивания многоуровневого (*multi-layered*) сотрудничества в сфере безопасности. В качестве приоритетных партнеров указывались США, затем – Р. Корея и Австралия, далее – АСЕАН, а после отмечалось, что Япония будет усиливать сотрудничество с Индией и другими странами, "которые разделяют общие интересы в обеспечении безопасности морской навигации от Африки и Ближнего Востока до Восточной Азии"[23]. То есть "Квад" и Индо-Пацифика эксплицитно не фигурировали, но были обозначены контуры структуры с участием Индии, которая будет отвечать за контроль морских путей в Индийском и Тихом океане.

В 2013 г. по инициативе премьер-министра С. Абэ со второй попытки (первая, как и с "Квад", была в 2006-2007 гг.) был создан Совет национальной безопасности страны и в декабре принята первая Стратегия национальной безопасности, что является свидетельством перехода страны к политике "активного пацифизма"[24]. В данном документе также не фигурирует ИТР, но отмечена важность контроля морских коммуникаций от Персидского залива, Ормузского пролива, Красного моря и Аденского залива до берегов Японии, "проходящих через Индийский океан, Малаккский пролив и ЮКМ". Список партнеров по обеспечению безопасности тот же: США, Р. Корея, Австралия, АСЕАН и Индия. Но помимо ряда региональных организаций появляется формат "мини-сторонности" в виде "треугольников" Япония – США – Р. Корея, Япония – США – Австралия (*А*), Япония – США – Индия (*Б*), а также Япония – КНР – Р. Корея (как "группа трех крупнейших соседних экономических держав"). Отмечается будущий вклад Японии в создание более институционализированной структуры в сфере безопасности в Восточной Азии[25].

В доктринальном документе по национальной оборонной политике 2019 г. неоднократно упоминается "открытый и свободный ИТР", а в разделе про оборонное сотрудничество после США отмечается важность сотрудничества с Австралией как на двусторонней основе, так и в формате Япония – Австралия – США; а также с Индией – как на двусторонней основе (включая диалог "2+2"), так и в формате Япония – Индия – США. Далее среди приоритетных партнеров упомянуты АСЕАН, Р. Корея и другие страны[26].

МИД Японии в разделе о "многоуровневом сотрудничестве в сфере безопасности" своего сайта, по состоянию на конец 2019 г. особо отмечает политико-военный диалог (2+2) с Индией, схожие консультации в треугольнике Япония – США – Р. Корея, в треугольнике Япония – США – Австралия (Трехсторонний стратегический диалог, *А*), Япония – США – Индия (*Б*),

---

[23] *Japan National Defense Program Guidelines for FY 2011 and Beyond.* Approved by the Security Council and the Cabinet on December 17, 2010. URL: https://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/guidelinesFY2011.pdf (accessed 09.11.2019).

[24] Стрельцов Д.В. Япония: новая политика национальной безопасности. – *РСМД.* 05.02.2014. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-novaya-politika-natsionalnoy-bezopasnosti/ (accessed 09.11.2019).

[25] *National Security Strategy.* 17.12.2013. URL: https://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf (accessed 09.11.2019).

[26] *National Defense Program Guidelines for FY 2019 and Beyond*. Approved by the Security Council and the Cabinet on December 18, 2018. URL: http://www.cas.go.jp/jp/siryou/pdf/2019boueikeikaku_e.pdf (accessed 09.11.2019).

а также в рамках консультаций Япония – Австралия – Индия – США (т.е. фактически, "Квад"), для создания "сети мира и процветания в регионе"[27].

Анализ японских доктринальных документов в сфере безопасности 2011-2019 гг. показывает формирование тренда на выстраивание в ИТР "треугольников безопасности" с участием Японии и США, однако "Квад" как отдельный формат, так и не прописан. Возможно, это связано с нежеланием преуменьшать роль Японии как основного стратегического союзника США в регионе, равно как и провоцировать КНР [Панов, Нелидов 2018; Чугров 2008].

Продвижение "Свободного и открытого ИТР" через усиление связанности Азии и Африки становится первым приоритетом и в рамках японской политики сотрудничества в целях развития согласно доктринальному документу 2017 г. Особое внимание также уделяется борьбе с международным терроризмом и экстремизмом (в 2009 г. Япония открыла военную базу в Джибути, а также выделила 200 млн долл. США Египту на борьбу с терроризмом)[28]. В более ранних документах 2013-2016 гг. ИТР не фигурировал, а первым географическим приоритетом для японских программ помощи традиционно выступал регион Австралии и Океании[29].

Президент Японского агентства по международному сотрудничеству (*JICA*) С. Китаока особо отмечает, что "свободный и открытый ИТР" – это именно японское в*и*дение (которое позже стали разделять американцы), а не конкретная стратегия. Он признает, что оно направлено против КНР, но исключает острое противостояние Японии с Китаем. Для противодействия китайской инициативе "Один пояс – один путь" в 2015 г. Япония запускает "Партнерство для качественной инфраструктуры"[30] при поддержке Азиатского банка развития объемом в 100 млрд долл. США (в пику проектов АБИИ). Японцы существенно проигрывают КНР по экономическим параметрам при создании объектов инфраструктуры, поэтому делают акцент на качестве [Kitaoka 2019].

Австралия (III). В 2012 г. вышла Белая книга "Австралия в Азиатском веке", где стабильность в регионе увязывалась с отношениями между великими державами – КНР, Индией, Японией и США. Особо отмечалось налаживание приоритетного сотрудничества с Китаем[31].

В Стратегии национальной безопасности 2013 г. понятие "ИТР" только вводится и поясняется, что это новый термин, который объединяет Индийский океан и западную часть Тихого океана. Отмечается важность партнерства с США, а также с региональными державами – КНР, Индией, Индонезией, Японией и Р. Корея. Из форматов "мини-сторонности" присутствует лишь Трехсторонний стратегический диалог Австралия – Япония – США[32].

---

[27] Japan Security Policy. Multilayered Security Cooperation. – *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1we_000085.html (accessed 09.11.2019).

[28] Priority Policy for Development Cooperation. FY 2017. – *Ministry of Foreign Affairs of Japan. International Cooperation Bureau*. April 2017. URL: https://www.mofa.go.jp/files/000259285.pdf (accessed 09.11.2019).

[29] Priority Policy for Development Cooperation (Archives). – *Ministry of Foreign Affairs of Japan. International Cooperation Bureau*. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/oda/page23e_000435.html (accessed 09.11.2019).

[30] Announcement of "Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future". – *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. 21.05.2015. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/oda/page18_000076.html (accessed 09.11.2019).

[31] Australia in the Asian century: White paper. – *Australian Government*. 29.10.2012. URL: https://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/australia_in_the_asian_century_white_paper.pdf (accessed 09.11.2019).

[32] *Strong and Secure: A Strategy for Australia's National Security 2013*. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/167267/Australia%20A%20Strategy%20for%20National%20Securit.pdf (accessed 09.11.2019).

ИТР – главный географический приоритет для военной стратегии Австралии. Он упомянут в Белой книге по обороне 2013 г. более полусотни раз, хотя и отмечается, что регион только формируется как "стратегическая система" [Medcalf 2014: 471-473]. В числе основных партнеров по обеспечению региональной безопасности названы США, КНР, Индия, Индонезия, Япония и Р. Корея. Особо отмечается необходимость развития стратегического партнерства с Индией и сотрудничества с другими державами "для противодействия пиратству и возможному соперничеству с великими державами, которые разворачивают военно-морские возможности в регионе"[33].

В Белой книге по обороне 2016 г. ИТР упоминается 70 раз, в том числе как "широкий ИТР" (*wider* или *broader*). Подчеркивается, что это центральный регион для национальной безопасности и экономического процветания Австралии. Ключевыми международными партнерами названы США, Н. Зеландия, Япония, Индонезия, Индия, Сингапур, Р. Корея и КНР. Отмечается, что Австралия будет работать вместе с США по стратегической ребалансировке для стабилизации ИТР, в том числе в формате Австралия – Япония – США (трехсторонние учения "Южный Жакару" *(Southern Jackaroo)*, Форум по безопасности и оборонному сотрудничеству). "Квад" в документе не упоминается. Всякий раз, когда перечисляются основные партнеры в сфере безопасности, среди них фигурирует КНР. Более того, отмечается необходимость усиливать оборонное сотрудничество с КНР[34].

В разделе "Индо-Тихоокеанские партнерства" Белой книги по внешней политике 2017 г. фиксируется необходимость взаимодействия с "индо-тихоокеанскими демократиями", такими как Япония, Индонезия, Индия и Р. Корея как в двустороннем формате, так и в рамках "малых группировок" (*smaller groupings*) с участием данных стран, в том числе в рамках треугольника Австралия – США – Япония (*А*), и отдельно (особо подчеркнуто!) – в рамках треугольника Австралия – Индия – Япония (*Г*). В документе также подчеркивается необходимость углубления сотрудничества с КНР[35].

Активное использование концепта ИТР в контексте внутренней политики расценивается как увеличение экономического и политического влияния Западной Австралии, обращенной к данному мегарегиону [Tyler, Bhutoria 2015: 226].

В доктринальных документах Австралии "Квад" не фигурирует ни в каком виде, и австралийцы стараются балансировать сотрудничество с США расширением взаимодействия с КНР, уделяя при этом особое внимание роли Индонезии. Они максимально заинтересованы в региональной стабильности, ведь через ЮКМ проходит большая часть товарооборота. Для страны с достаточно высокой внешнеторговой квотой (более 30%) характерно сопряжение внешнеторговых интересов с внешнеполитическими, за которые отвечает Министерство иностранных дел и торговли.

Индия (IV). Индия – страна с несколько иной стратегической культурой, не предполагающей жесткую фиксацию своих политических приоритетов.

[33] Defence White Paper 2013. – *Australian Government. Department of Defence.* URL: https://www.defence.gov.au/Whitepaper/2013/docs/WP_2013_web.pdf (accessed 09.11.2019).

[34] *Defense White Paper. Commonwealth of Australia. – Australian Government.* 2016. URL: https://www.defence.gov.au/WhitePaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf (accessed 30.10.2019).

[35] 2017 Foreign Policy White Paper. Opportunity, Security, Strength. – *TimeBase.* 29.11.2017. URL: https://www.timebase.com.au/news/2017/AT04505-article.html (accessed 30.10.2019).

У страны отсутствуют стратегия национальной безопасности и военная доктрина. В существующих документах (в Морской доктрине 2009 г.[36], а также в Объединенной доктрине ВС Индии 2015 г.[37]) не содержится упоминания основных внешнеполитических партнеров страны. Чуть более эксплицитной является Стратегия морской безопасности 2015 г., в которой не упоминается ни одна страна (кроме информации о совместных военно-морских учениях, в том числе с РФ), однако отмечено, что курс "Действуй на Востоке" (*Act East*) призван укрепить сотрудничество в сфере экономики и безопасности в ИТР. ИТР также упоминается несколько раз и в других контекстах, хотя главный акцент все-таки делается на регион Индийского океана [Roy-Chaudhury, de Estrada 2018: 184-186]. В стратегии также выделены первичные зоны морского интереса (побережье Индии, Бенгальский залив, Персидский залив, Аденский залив, Восточное побережье Африки и основные проливы) и вторичные зоны (юго-восточная и южная часть Индийского океана, западная часть Тихого океана, Средиземное море и Гвинейский залив)[38].

Страна традиционно воздерживается от присоединения к военным блокам ("стратегическая автономность"), что было подтверждено в 2012 г. в докладе влиятельных индийских исследователей "Неприсоединение 2.0". В докладе особо подчеркивается важность сохранения баланса в треугольнике Индия – США – КНР [Khilnani et al. 2012: 32]. В сентябре 2019 г. "на полях" ГА ООН страна приняла участие как в консультациях "Квад", так и в консультациях по линии БРИКС[39]. В регионе ЮВА приоритетным партнером Индии является АСЕАН, она поддерживает асеаноцентричные форматы безопасности [Канаев, Шумкова 2017] и не хотела бы педалировать создание им альтернативы [Roy-Chaudhury, de Estrada 2018: 183].

С начала 1990-х годов индийское правительство проводило курс "Смотри на Восток" (*Look East*), направленный на активизацию сотрудничества со странами ЮВА, а также Восточной Азии. Третьей фазой данной политики, запущенной правительством Н. Моди, стала инициатива "Действуй на Востоке" [Лебедева 2018: 521-531]. Курс "Смотри на Восток", принятый в том числе по итогам консультаций с лидером Сингапура Ли Кван Ю, был направлен на контрбалансирование КНР в регионе. К концу 1990-х годов приоритеты внешнего развития Индии были расширены и выделено три стратегических кольца: "непосредственное соседство" (Южная Азия), "расширенное (*extended*) соседство" (большая часть ИТР) и остальной мир [Chacko 2014: 442].

Подход к ИТР у Индии отличается от целостного американского и задается национальными приоритетами [Куприянов 2019]. Кроме того, Индия не в полной мере поддерживает "свободу мореплавания" и операции США против

[36] Indian Maritime Doctrine 2009. – *Indian Navy.* URL: https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian-Maritime-Doctrine-2009-Updated-12Feb16.pdf (accessed 01.11.2019).

[37] Joint Doctrine. Indian Armed Forces. Headquarters Integrated Defence Staff. – *Bharat Shakti*. URL: https://bharatshakti.in/wp-content/uploads/2015/09/Joint_Doctrine_Indian_Armed_Forces.pdf (accessed 18.10.2019).

[38] Ensuring Secure Seas. Indian Maritime Security Strategy. – *Indian Navy*. 2015. URL: https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian_Maritime_Security_Strategy_Document_25Jan16.pdf (accessed 18.10.2019).

[39] Chaudhury D. India's Fine Balancing Act with Quad and BRICS Meet in New York. – *The Economic Times*. 28.09.2019. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/indias-fine-balancing-act-with-quad-and-brics-meet-in-new-york/articleshow/71338616.cms (accessed 18.10.2019).

КНР в ЮКМ, так как придерживается схожего с Китаем принципа расширительного толкования территориальных вод и исключительной экономической зоны вокруг Андаманских и Никобарских островов [Pant, Rej 2018: 50-51].

В ответ на китайскую инициативу "Морского шелкового пути XXI века" Индия запустила ряд контринициатив, в том числе "Муссон" (*Mausam*), "Дорога специй" (*Spice Road*), "Безопасность и рост для всех" (*Sagar Mala*). Данные инициативы направлены на укрепление сотрудничества Индии со странами бассейна Индийского океана [Лебедева 2018: 527-528]. Вместе с тем Индия является членом АБИИ с января 2016 г.

Продвижение концепции ИТР в политический дискурс Индии и отход от традиционной политики неприсоединения и "расширенного соседства" обеспечиваются в большей степени посредством ряда мозговых центров, тесно интегрированных с США и Австралией [Chacko 2014: 444]. Тем не менее, частичная имплементация концепта ИТР уже произошла. Так, в речи на "Диалоге Шангри-Ла" в июне 2018 г. премьер-министр Н. Моди более десяти раз упомянул концепт ИТР[40].

УКРЕПЛЕНИЕ ДВУСТОРОННИХ ТРЕКОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

США – Япония (1). Япония остается одним из *ключевых* союзников США, как в региональном, так и глобальном масштабе. Сотрудничество Японии и США закреплено Договором о сотрудничестве и гарантиях безопасности 1960 г. В Японии расположена самая крупная военная база США за рубежом (39 345 человек)[41]. США и Япония регулярно проводят совместные учения.

США – Австралия (2). Сотрудничество в военной сфере США и Австралии развивается с момента подписания в 1951 г. Договора о безопасности между Австралией, Новой Зеландией и США *(ANZUS)*[42]. В 2014 г. США и Австралия подписали Соглашение о размещении вооруженных сил (*Force Posture Agreement*)[43]. Договоренность о размещении 2,5 тыс. американских военных в Дарвине была достигнута в ходе визита Б. Обамы в Австралию в ноябре 2011 г.

С 2005 г. один раз в два года проводятся американо-австралийские военно-морские учения "Талисман Сабр" (с участием Японии и Новой Зеландии); учения морских пехотинцев США и австралийской армии "Кулендонг"; совместные учения ротационных сил США, сил самообороны Японии и вооруженных сил Австралии "Южный Джакаро" (треугольник *A*); учения ВВС "Алмазная буря"; совместные учения США, Филиппин и Австралии "Карабару"[44]. С 2014 г. Австралия ежегодно участвует в совместно американо-филиппинских учениях "Баликатан" в ЮКМ.

---

[40] Keynote Speech by Shri Narendra Modi, Prime Minister of India. – *International Institute for Strategic Studies*. 01.06.2018. URL: https://www.iiss.org/-/media/images/dialogues/sld/sld-2018/documents/narendra-modi-sld18.pdf?la=en&hash=522CA08245CC4EC79C601DC4939171A7170BC9BA (accessed 30.10.2019).

[41] Desjardins J. US Military Deployment by country. – *Visual Capitalist*. 18.03.2017. URL: https://www.visualcapitalist.com/u-s-military-personnel-deployments-country/ (accessed 30.10.2019).

[42] Security Treaty between Australia, New Zealand and the United States of America [ANZUS], 1951. – *Australasian Legal Information Institute*. URL: http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1952/2.html (accessed 30.10.2019).

[43] U.S.-Australia Force Posture Agreement. – *Australasian Legal Information Institute*. 12.08.2014. URL: http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/ATS/2015/1.pdf (accessed 30.10.2019).

[44] Marine Rotational Force. – *Darwin*. URL: https://www.defence.gov.au/Initiatives/USFPI/Marines.asp (accessed 30.10.2019).

США – Индия (3). США и Индия не имеют договора о совместных действиях в сфере безопасности, однако уже подписали три из четырех наиболее важных "технических" соглашения для военного сотрудничества: Соглашение об обмене информацией военного характера (*GSOMIA*) в 2002 г.; Меморандум о соглашении по логистическому обмену (*LEMOA*) в августе 2016 г. (позволяет использовать военные базы друг друга для заправки) и Соглашение о совместимости средств связи и безопасности (*COMCASA*) в сентябре 2018 г. [Roy-Chaudhury, de Estrada 2018: 189]. В ходе визита Б. Обамы в Индию в январе 2015 г. стороны подписали "Совместное стратегическое видение США – Индии для АТР и региона Индийского океана", в котором выразили намерение поддерживать свободу навигации в ЮКМ, а также развивать "трехсторонние консультации с третьими странами в регионе"[45].

С 1992 г. стороны проводят совместные военные учения "Малабар" (в 2018 г. учения впервые прошли уже в США), с 2015 г. к участию в них на постоянной основе присоединилась Япония (треугольник *Б*).

В СНБ США 2017 г. Индия провозглашалась главным партнером США в Индо-Тихоокеанском регионе[46]. Индия является одним из крупнейших импортеров американского вооружения и в 2016 г. получила статус основного оборонного партнера (*major defense partner*). Стратегическое сопряжение политики США и индийской "Делай на Востоке" позволяет нейтрализовать продвижение Китая в сторону африканского побережья. Проецирование Индией своей силы на юг, в том числе в рамках учений "ИБСАМАР" [Куприянов, 2018], способствуют формированию Южного пояса безопасности.

Между США и Индией начались политико-дипломатические консультации (2+2), однако отмечается расхождение позиций по ряду вопросов. Будучи в "Квад", Индия не отказывается от участия в БРИКС, а недавно вошла и в ШОС, что рассматривает как проявление своей "стратегической автономности" [Prasad 2019]. Индию не устраивает ужесточение позиции США по отношению к Ирану, так как с данной страной реализуется ряд совместных инфраструктурных проектов. Также ее не устраивает слишком тесное взаимодействие США с Пакистаном. Кроме того, зона ответственности Индо-Тихоокеанского командования США не включает территории на запад от Индии, в том числе Пакистан и Персидский залив (зона ответственности Центрального командования). Встает вопрос координации действий ВМС Индии сразу с двумя командованиями США [Pant, Rej 2018: 56-58].

Австралия – Япония (4). Сотрудничество Японии и Австралии в сфере безопасности развивается пропорционально расширению влияния КНР в регионе. Активизация взаимодействия произошла после подписания в 2007 г. Совместной декларации Японии и Австралии о сотрудничестве в сфере безопасности[47]. Это важный итог работы по сближению двух стран, активным сторонником которого является Дж. Говард, премьер-министр Австралии в 1996-2007 гг.

---

[45] US–India Joint Strategic Vision for Asia-Pacific and Indian Ocean Region. – *The White House. President Barack Obama*. 25.01.2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/01/25/us-india-joint-strategic-vision-asia-pacific-and-indian-ocean-region (accessed 30.10.2019).

[46] US National Security Strategy. – *The White House*. 2017. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (accessed 01.11.2019).

[47] Japan-Australia Joint Declaration on Security Cooperation. – *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. 2017. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/australia/joint0703.html (accessed 03.11.2019).

В последние годы стороны регулярно проводят консультации в формате 2+2. В 2013 г. вступили в силу двусторонние соглашения об информационной безопасности *(ISA)* и о закупках и перекрестном обслуживании (*ACSA*). С 2009 г. проводятся совместные военно-морские учения "Ничи Го Трайдент" [Ishihara 2013].

Отношения Японии и Австралии имеют характерную для "квазиальянса"[48] структуру, так как оформление полноценного союза может спровоцировать Китай [Satake, Hemmings 2018]. В то же время Австралия не желает быть втянутой в решение проблем региональной безопасности в Восточной Азии, в частности к этому можно отнести территориальные споры Японии с КНР и РФ, а также ситуацию на Корейском полуострове. В ряде случаев сотрудничество в рамках обеспечения региональной безопасности осуществляется непосредственно через США как общего союзника.

Япония – Индия (5). Двусторонние отношения Индии и Японии с 2006 г. перешли в статус "глобального и стратегического партнерства" [India and Japan... 2018], в основе которого лежит Соглашение о глобальном индийско-японском партнерстве в XXI в. от 2000 г. Через два года страны подписали Совместную декларацию о сотрудничестве в сфере безопасности, в которой были обозначены контуры и механизмы деятельности двух стран в этом направлении. Особое внимание Япония и Индия уделяют свободе судоходства, в преамбуле к декларации заявлено о заинтересованности в сохранении безопасности морских путей сообщений[49]. Сотрудничество с Индией поддерживает правое крыло Либерально-демократической партии Японии, усматривая в этом возврат к паназиатской миссии страны [Ishibashi 2017].

В 2015 г. Индия и Япония вновь подтвердили приверженность "глобальному и стратегическому партнерству" и опубликовали совместное "Видение специального стратегического и глобального партнерства 2025", в котором заявили, что структура безопасности в ИТР должна строиться с опорой на региональные межправительственные организации, такие как АСЕАН и АТЭС[50]. С 2012 г. стороны проводят совместные военно-морские учения *JIMEX*, а с 2015 г. Япония участвуют в индо-американских учениях "Малабар". Более того, в 2019 г. учения прошли на территории Японии.

Сотрудничество Индии и Японии не сводится к военно-политической сфере. В мае 2017 г. стороны запустили совместную инициативу "Коридор роста Азия – Африка" (*AAGC*), о чем было заявлено в декларации в ходе визита Н. Моди в Японию в ноябре 2016 г.[51] Сопряжение индийской инициативы

[48] Термин "квазиальянс" (*quasi-alliance*) был введен в оборот бывшим директором азиатского департамента Совета национальной безопасности США Виктором Чха. Данный термин означает состояние, когда между двумя странами не заключен союз, но в то же время они имеют общего союзника. Изначально В. Чха применял этот термин к характеристике отношений США, Южной Кореи и Японии [Cha 1999].

[49] Joint Declaration on Security Cooperation between Japan and India. – *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. 2014. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/india/pmv0810/joint_d.html (accessed 03.11.2019).

[50] Japan and India Vision 2025 Special Strategic and Global Partnership Working Together for Peace and Prosperity of the Indo-Pacific Region and the World. – *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. 2015. URL: https://www.mofa.go.jp/s_sa/sw/in/page3e_000432.html (accessed 03.11.2019).

[51] India-Japan Joint Statement during the visit of Prime Minister to Japan. – *Ministry of External Affairs. Government of India*. 11.11.2016. URL: https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/27599/IndiaJapan+Joint+Statement+during+the+visit+of+Prime+Minister+to+Japan (accessed 03.11.2019).

"Действуй на Востоке" и японской "Партнерство для качественной инфраструктуры" позволит совместными усилиями противостоять китайскому "Морскому поясу шелкового пути": японцы будут предоставлять технологии и финансирование, индийцы загрузят портовую инфраструктуру в рамках своих интенсивных торговых связей со странами региона.

Японцы не хотят передавать созданные при их участии объекты инфраструктуры местным властям, если есть хотя бы малейшая угроза дальнейшего их приобретения китайцами [Kitaoka 2019]. Однако загрузить самостоятельно такие порты они также не в состоянии. По сути, "инфраструктурная война" между КНР и коалицией из Японии – Индии (и "пастухом" в виде США) дошла уже и до Восточной Африки [Korybko 2018].

Австралия – Индия (6). В 2009 г. Австралия и Индия подписали Совместную декларацию о сотрудничестве в сфере безопасности, которой предшествовал Меморандум о сотрудничестве в сфере обороны 2006 г. В декларации было заявлено о совместных интересах государств в сфере обеспечения морской безопасности[52]. В том же году отношения Австралии и Индии были повышены до уровня стратегического партнерства [Thakur, Sharma 2018]. В 2014 г. стороны подписали рамочный документ о сотрудничестве в сфере безопасности, предполагающий координацию усилий в сфере обороны, борьбы с терроризмом, защиты побережья, разоружения, миротворчества и др.[53]. Стороны проводят консультации в формате 2+2.

С 2003 г. Австралия регулярно принимает участие в международных военно-морских учениях "Милан", проводимых Индией в районе Андаманских и Никобарских островов. Австралия приняла участие в учениях "Малабар" лишь один раз (в 2007 г.), что привело к протесту со стороны КНР. В 2017-2018 гг. Индия сама отклоняла просьбы об участии Австралии в учениях [Choong 2019: 6-7]. С 2015 г. Австралия и Индия также проводят совместные военно-морские учения *AUSINDEX*.

Стороны по-разному воспринимают роль КНР – Австралия более лояльно относится к усилению китайского влияния в Индийском океане и выступает за инклюзивный его статус (против доминирования Индии), в том числе за возможность приглашения Китая в Морской симпозиум Индийского океана. Это обусловливает пределы "стратегической конвергенции" двух стран в "Квад" [Tyler, Bhutoria 2015].

ДАЛЬНЕЙШАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ "КВАД"

Проведенный анализ показывает, что на данный момент не все страны – участницы "Квад" завершили оформление стратегического партнерства. Отсутствие в настоящее время отношений стратегического партнерства между Австралией и Японией, а также между США и Индией не должно вводить в заблуждение, так как взаимодействие в данных "диадах", в том числе военное сотрудничество, поступательно развиваются, однако пока не воспринимаются как стратегическое взаимодействие.

---

[52] PA5009 India-Australia Joint Declaration on Security Cooperation. – *Australian High Commission*. 12.11.2009. URL: https://india.embassy.gov.au/ndli/pa5009jsb.html (accessed on 03.11.2019).

[53] Framework for Security Cooperation between Australia and India 2014. – *Australian Government.* 18.11.2014. URL: https://www.dfat.gov.au/geo/india/Pages/framework-for-security-cooperation-between-australia-and-india-2014 (accessed 03.11.2019).

Изначально "Квад" создавался по инициативе С. Абэ, однако в дальнейшем США "перехватили" эту повестку. Стимулируя последовательное укрепление отношений в рамках треугольников *А*, *Б*, *В* и *Г* посредством подписания соглашений, совместных военных учений, интенсификации политического диалога, США ведут дело к институционализации "Квад" как ведущего формата для продвижения своих интересов в регионе и контрбалансирования КНР (прообраз "азиатского НАТО"). В доктринальных документах всех стран в той или иной степени уже имплементирован концепт ИТР и идет "стадия принятия" собственно концепта "Квад". В данный момент в рамках "четверки" проходят политические и военные консультации, обмен информацией и поиск согласованных решений по вопросу обеспечения безопасности морских путей и развитию транспортной инфраструктуры в мега-регионе ИТР.

Все четыре страны разделяют общее видение баланса сил в регионе и не скрывают, что первопричиной расширения многостороннего сотрудничества является усиление влияния Китая. При этом страны Азии, в отличие от США, выступают за более инклюзивный характер "Свободного и открытого ИТР", с возможностью постепенной интеграции КНР и при подчеркнутом сохранении роли АСЕАН, которая географически находится в центре данного региона.

В перспективе, по мере дальнейшей институционализации "четверки" как примера узкого многостороннего формата взаимодействия в регионе, будет сохраняться неформальный характер объединения, которое в большей степени призвано координировать действия участников в военно-политической, а также в экономической сферах.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03

"QUAD 2.0": QUADRILATERAL DIALOGUE FOR COUNTERBALANCING CHINA IN THE INDO-PACIFIC

A.V. Khudaykulova[1], M.S. Ramich[2]

[1]Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia

[2]Peoples' Friendship University of Russia. Moscow, Russia

KHUDAYKULOVA, Alexandra Victorovna, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Department of Applied International Analysis, MGIMO University, email: alexandra_77@mail.ru; **RAMICH, Mirzet Safetovich,** postgraduate student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, email: ramich_ms@mail.ru

Khudaykulova A.V., Ramich M.S. "Quad 2.0": Quadrilateral Dialogue for Counterbalancing China in the Indo-Pacific. – Polis. Political Studies. 2020. No. 3. P. 23-43. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.03

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 19-011-31389 "Traditional and emerging powers: discussions on sovereignty and conflict management".

Received: 01.12.2019. Accepted: 25.12.2019

Abstract. "Free and Open Indo-Pacific" (FOIP) is a US foreign policy concept. Its implementation started with President Trump's administration coming to power and is being actively promoted now. The concept has a strong geostrategic orientation and relies on the largest regional powers of Japan, Australia and India, – the closest partners of Washington in the region. Despite the ongoing differences in setting the priorities of a new regional security structure, members of "Quad" are mostly concerned about China's growing economic influence and potential military dominance, not only in the Asia-Pacific region, but also in the Indian Ocean. Therefore, the general basis of the Quadrilateral security dialogue in the Indo-Pacific region would be the deterrence of Chinese power and the maintenance of the regional balance of power. The IPR concept is currently at the institutionalization stage. At the same time, the

stable trend for strengthening economic, military and political interaction between "Quad" members is continuously developing, regardless of their vision of the framework and the pace of its implementation. In such conditions, the issues of the development of the Indo-Pacific region and the prospects for the further formation of this "Security Diamond" will remain the highest agenda, especially as there are no clear prerequisites for easing U.S.-Chinese tensions. This article analyzes the formation of the IPR as a new geopolitical region, examines changes in doctrinal documents and the dynamics of bilateral relations among "Quad" members, and proposes a forecast for the design of a new regional security system.

Keywords: Indo-Pacific region, APR, Quad, USA, Australia, India, Japan, security community, balance of power, federated defence, minilateralism, Maritime Silk Road, strategic deterrence.

References

Brummer Ch. 2014. *Minilateralism. How Trade Alliances, Soft Law and Financial Engineering are Redefining Economic Statecraft. Cambridge: Cambridge University Press.*

Buzan B., Wæver O. 2003. *Regions and Powers: The Structure of International Society*. Cambridge: Cambridge University Press.

Cha V.D. 1999. *Alignment Despite Antagonism: The US–Korea–Japan Security Triangle*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Chacko P. 2014. The Rise of the Indo-Pacific: Understanding Ideational Change and Continuity in India's Foreign Policy. – *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 68. No. 4. P. 433-452. http://dx.doi.org/10.1080/10357718.2014.891565

Choong W. 2019. The Return of the Indo-Pacific Strategy: An Assessment. – *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 73. No. 5. P. 415-430. https://doi.org/10.1080/10357718.2019.1639134

Clinton H. 2011. America's Pacific Century. – *Foreign Policy*. 11.10. URL: https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/ (accessed 25.03.2020).

Gopal P. 2017. Maritime Security in the Indo-Pacific: The Role of the US and its Allies. – *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. Vol. 13. No. 1. P. 27-40. https://doi.org/10.1080/09733159.2017.1321208

Green M., Hicks K., Cooper Z. 2014. *Federated Defense in Asia*. Report. CSIS, December 2014.

Green M., Shearer A. 2012. Defining U.S. Indian Ocean Strategy. – *The Washington Quarterly*. Vol. 35. No. 2. P. 175-189. http://dx.doi.org/10.1080/0163660X.2012.666925

Hosoya Y. 2019. FOIP 2.0: The Evolution of Japan's Free and Open Indo-Pacific Strategy. – *Asia-Pacific Review*. Vol. 26. No. 1. P. 18-28. https://doi.org/10.1080/13439006.2019.1622868

India and Japan. Assessing the Strategic Partnership. 2018. Ed. by R. Basrur, S.N. Kutty. Singapore: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-10-8309-9

International Disaster Response. Rebuilding the Quad? 2019. Ed. by Tatsumi Y., Li J. Stimson Center. URL: https://www.stimson.org/wp-content/files/file-attachments/Quad-R4-WEB.pdf (accessed 20.04.2020).

Ishibashi N. 2017. Japan's Policy Toward India Since 2000: For the Sake of Maintaining US Leadership in East Asia. – *The Pacific Review*. Published online. http://dx.doi.org/10.1080/09512748.2017.1396355

Ishihara Y. 2013. Japan-Australia Security Relations and the Rise of China: Pursuing the "Bilateral-Plus" Approaches. – *UNISCI Discussion Papers*. No. 32. P. 81-98. http://dx.doi.org/10.5209/rev_UNIS.2013.n32.4479

Kaplan R. 2010. *Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power*. New York: Random House.

Khilnani S., Kumar R., Mehta P.B., Menon P., Nilekani N., Raghavan S., Saran Sh., Varadarajan S. 2012. *NonAlignment 2.0. A Foreign and Strategic Policy for India in the 21 century*. Center for Policy Research.

Khudaykulova A.V. 2019. China as an Emerging Actor in Conflict Management: From Non-Interference to "Constructive Engagement". – *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 19. No. 3. P. 580-602. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-420-431

Khurana G.S. 2007. Security of Sea Lines: Prospects for India-Japan Cooperation. – *Strategic Analysis*. Vol. 31. No. 1. P. 139-153. https://doi.org/10.1080/09700160701355485

Kitaoka Sh. 2019. Vision for a Free and Open Indo-Pacific. – *Asia-Pacific Review*. Vol. 26. No. 1. P. 7-17. https://doi.org/10.1080/13439006.2019.1618592

Korybko A. 2018. The Competition Between China and India in East Africa As Expressed Through the Rival Silk Road and Asia-Africa Growth Corridor Projects. – *The Turn of Africa to the East and Russia's interests*. Moscow: Institute of African Studies. P. 97-112.

Medcalf R. 2014. In Defence of the Indo-Pacific: Australia's New Strategic Map. – *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 68. No. 4. P. 470-483. http://dx.doi.org/10.1080/10357718.2014.911814

Pant H.V., Rej A. 2018. Is India Ready for the Indo-Pacific? – *The Washington Quarterly*. Vol. 41. No. 2. P. 47-61. https://doi.org/10.1080/0163660X.2018.1485403

Patrick S. 2014. The Unruled World. The Case for Good Enough Global Governance. – *Foreign Affairs*. Vol. 93. No. 1. P. 58-73.

Rai A. 2018. Quadrilateral Security Dialogue 2 (Quad 2.0) – a Credible Strategic Construct or Mere "Foam in the Ocean"? – *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. Vol. 14. No. 2. P. 138-148. https://doi.org/10.1080/09733159.2019.1572260

Roy-Chaudhury R., de Estrada K.S. 2018. India, the Indo-Pacific and the Quad. – *Survival*. Vol. 60. No. 3. P. 181-194. https://doi.org/10.1080/00396338.2018.1470773

Satake T., Hemmings J. 2018. Japan–Australia Security Cooperation in the Bilateral and Multilateral Contexts. – *International Affairs*. Vol. 94. No. 4. P. 815-834. https://doi.org/10.1093/ia/iiy028

Security Communities. 1998. Ed. by E. Adler, M. Barnett. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511598661

Scott D. 2012. The "Indo-Pacific" – New Regional Formulations and New Maritime Frameworks for US-India Strategic Convergence. – *Asia-Pacific Review*. Vol. 19. No. 2. P. 85-109. http://dx.doi.org/10.1080/13439006.2012.738115

Thakur R., Sharma A. 2018. India in Australia's Strategic Framing in the Indo–Pacific. – *Strategic Analysis*. Vol. 42. No. 2. P. 69-83. https://doi.org/10.1080/09700161.2018.1439328

Thankachan Sh. 2017. Japan's "Free and Open Indo-Pacific Strategy": Reality before the Rhetoric? – *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. Vol. 13. No. 2. P. 84-91. https://doi.org/10.1080/09733159.2017.1414831

Tyler M.H.C., Bhutoria A. 2015. Diverging Australian and Indian Views on the Indo-Pacific. – *Strategic Analysis*. Vol. 39. No. 3. P. 225-236. http://dx.doi.org/10.1080/09700161.2015.1022314

Walt S. 1987. *The Origins of Alliances. London: Cornell University Press.*

Waltz K. 1979. Theory of International Politics. Boston: McGraw-Hill.

Bogaturov A.D. 1997. *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle Vtoroi mirovoi voiny (1945-1995)* [Great Powers in the Pacific. The History and Theory of International Relations in East Asia After the Second World War (1945-1995)]. Moscow: Konvert-MONF. (In Russ.)

Chugrov S.V. 2008. Japan: Hybridization and Harmonization. – *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 59-67. (In Russ.) URL: https://www.politstudies.ru/article/3987 (accessed 04.02.2020).

Istomin I.A. 2017. Western Theory of International Military Alliances. The State of the Discipline. – *International Trends*. Vol. 15. No. 4. P. 93-114. (In Russ.) https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.4.51.6

Istomin I.A. 2019. *Politika SShA v Indo-Tikhookeanskom Regione: Posledstviya Dlya Rossii*. Rabochaya Tetrad' RSMD № 49 [US Policy in the Indo-Pacific Region: Implications for Russia. RIAC Workbook No. 49]. Moscow: NP RIAC. 44 p. (In Russ.)

Kanaev E.A., Shumkova V.A. 2017. ASEAN-led Multilateral Security Dialogue: Eurasian Priorities. – *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 17. No. 3. P. 458-468. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-3-458-468

Kaplan R.D. Indian Ocean and the Future of American Power. (Russ. ed.: Kaplan R.D. *Musson: Indiiskii okean i budushchee amerikanskoi politiki*. Moscow: KoLibri, Azbuka-Atikus).

Karimova A.B. 2019. Connecting the Indian and the Pacific, or Influence Tools Modernization. – *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 6. P. 13-24. (In Russ.). https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-6-13-24

Kistanov V.O. 2018. Japan's Anti-China Strategy in the Indo-Pacific Region. – *Actual Problems of Modern Japan*. No. 32. P. 31-44. (In Russ.)

Kupriyanov A.V. 2018. IBSAMAR: India's Imperatives, Transformation Prospects. – *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 18. No. 3. P. 628-641. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-628-641

Kupriyanov A.V. 2019. Geopolitics of the Sea: the Idea of Ocean Control in the Political Discourse of Independent India. – *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 19. No. 2. P. 234-246. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-234-246

Lebedeva N.B. 2018. *Indiiskii okean: vyzovy XXI v. i Indiya. Ocherki mezhdunarodnykh otnoshenii* [Indian Ocean: Challenges of the 21st Century and India. Essays on International Relations]. Moscow: IV RAN. (In Russ.)

Leksyutina Y.V. 2019. China in D. Trump's Free and Open Indo-Pacific Strategy. – *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 19. No. 1. P. 22-34. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-22-34

Lokshin G.M. 2018. Trump''s Doctrine as a Course to Create a New Bloc in Asia. – *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 3. P. 4-16. (In Russ.)

Panov A.N., Nelidov V.V. 2018. Japan's Foreign Policy in the Context of Military-Political Situation in North East Asia. – *Japanese Studies in Russia*. No. 4. P. 78-91. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2500-2872-2018-10029

Patrick S. 2015. *Vybor à la carte: novyi mir global'nogo upravleniya*. Valdaiskie zapiski № 22 [À La Carte Choice: A New World of Global Governance. Valdai Notes No. 22.]. (In Russ.) URL: https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-22/ (accessed 04.02.2020).

Reformatting the System of International Relations in Pacific Asia: Vectors and Dynamics of Changes (Part I). 2018. – *World Economy and International Relations*. Vol. 62. No. 12. P. 100-108. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-12-100-108

Reformatting the System of International Relations in Pacific Asia: Vectors and Dynamics of Changes (Part II). 2019. – *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 1. P. 112-122. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-112-122

Strel'tsov D.V. 2018. Indo-Pacific Region as a New Reality of the Global System of International Relations. – *The International Affairs*. No. 9. P. 65-74. (In Russ.)

Литература на русском языке

Богатуров А.Д. 1997. *Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995)*. М.: Конверт-МОНФ.

Истомин И.А. 2017. Современная западная теория военно-политических альянсов. Достижения и лакуны. – *Международные процессы*. Т. 15. № 4. С. 93-114. https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.4.51.6

Истомин И.А. 2019. *Политика США в Индо-Тихоокеанском регионе: последствия для России*. Рабочая тетрадь РСМД № 49. М.: НП РСМД. 44 с.

Канаев Е.А., Шумкова В.А. 2017. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 17. № 3. С. 458-468. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-3-458-468

Каплан Р. 2015. *Муссон: Индийский океан и будущее американской политики*. М.: КоЛибри, Азбука-Атикус.

Каримова А.Б. 2019. Связывая Индийский с Тихим, или модернизация инструментов влияния. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 6. С. 13-24. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-6-13-24

Кистанов В.О. 2018. Антикитайская стратегия Японии в Индо-Тихоокеанском регионе. – *Актуальные проблемы современной Японии*. № 32. С. 31-44.

Куприянов А.В. 2018. Учения IBSAMAR: императивы Индии и перспективы трансформации. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 18. № 3. С. 628-641. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-628-641

Куприянов А.В. 2019. Геополитика моря: идея контроля над океаном в политическом дискурсе независимой Индии. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 19. № 2. С. 234-246. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-234-246

Лебедева Н.Б. 2018. *Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия. Очерки международных отношений*. М.: ИВ РАН.

Лексютина Я.В. 2019. Роль Китая в стратегии "Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион" Д. Трампа. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 19. №. 1. С. 22-34. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-22-34

Локшин Г.М. 2018. Доктрина Трампа – курс на создание нового блока в Азии. – *Проблемы Дальнего Востока*. № 3. С. 4-16.

Панов А.Н., Нелидов В.В. 2018. Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии. – *Японские исследования*. № 4. С. 78-91. https://doi.org/10.24411/2500-2872-2018-10029

Патрик С. 2015. *Выбор à la carte: новый мир глобального управления*. Валдайские записки № 22. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-22/ (accessed 04.02.2020).

Переформатирование системы международных отношений в Тихоокеанской Азии: векторы и динамика изменений (часть I). 2018. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 12. С. 100-108. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-12-100-108

Переформатирование системы международных отношений в Тихоокеанской Азии: векторы и динамика изменений (часть II). 2019. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 1. С. 112-122. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-112-122

Стрельцов Д.В. 2018. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений. – *Международная жизнь*. № 9. С. 65-74.

Чугров С.В. 2008. Япония: гибридизация и гармонизация. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 59-67. URL: https://www.politstudies.ru/article/3987 (accessed 04.02.2020).

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.04

АСЕАН КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

К.А. Ефремова

ЕФРЕМОВА Ксения Александровна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов, МГИМО МИД России, Москва, email: efremova@mgimo.ru

Ефремова К.А. АСЕАН как потенциальный субъект глобального управления: предпосылки, возможности и перспективы. – Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 44-55. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.04

Статья поступила в редакцию: 08.12.2018. Принята к публикации: 26.12.2019

Аннотация. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), образованная в 1967 г., является старейшей и наиболее развитой региональной группировкой за пределами Западного мира. В последние десятилетия она претендует на то, чтобы стать локомотивом межрегионального сотрудничества и региональной интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Концепция центральности АСЕАН (или, как ее еще называют, концепция асеаноцентричности) предполагает, что АСЕАН должна принадлежать ведущая роль в процессах регионального – а возможно, и глобального, – управления. Вместе с тем возникают обоснованные сомнения в том, что АСЕАН способна справиться с этой ролью. Рассматриваются проблемы субъектности АСЕАН, ее способности (или неспособности) участвовать в процессах глобального управления. Предварительный анализ показывает, что предпосылки для того, чтобы рассматривать АСЕАН в числе потенциальных субъектов глобального управления, действительно существуют. Однако вопрос заключается в том, сможет ли (и захочет ли) АСЕАН актуализировать имеющийся у нее потенциал с тем, чтобы разделить с другими членами международного сообщества ответственность за принятие глобальных по своей значимости решений, и согласятся ли другие государства – причем не только мировые лидеры, но и развивающиеся страны, – признать эту новую, глобальную роль АСЕАН. В настоящее время Ассоциация не может претендовать на статус полноценного субъекта глобального управления. Тем не менее созданные АСЕАН межрегиональные структуры дают ей возможность кулуарно лоббировать свои интересы, касающиеся решения общемировых проблем, затрагивающие, в том числе, и регион Юго-Восточной Азии. Представляется, что эта организация не способна стать классическим мировым центром силы наподобие США, России или Китая, но она вполне может при удачном стечении обстоятельств превратиться в будущем в новый центр глобального притяжения вроде того, каким является современный Европейский союз. Таким образом, у АСЕАН есть все шансы со временем стать полноценным субъектом глобального управления.

Ключевые слова: АСЕАН, глобальное управление, нормативная сила, регионализм, межрегионализм, глобализация, Юго-Восточная Азия.

Глобальное управление принято рассматривать как прерогативу крупных и влиятельных государств – таких, например, как пять постоянных членов Совета Безопасности ООН, страны G7, G20 или БРИКС. Страны АСЕАН (за исключением, пожалуй, Индонезии, являющейся членом G20) не попадают

в эту категорию. Тем не менее значение АСЕАН в современном мире неуклонно возрастает, а ее международное влияние выходит далеко за пределы региона Юго-Восточной Азии. Это дает некоторым аналитикам основание полагать, что в случае АСЕАН мы имеем дело с претендентом на роль нарождающегося центра силы, способного активно участвовать в управлении процессами глобального мира [Леонова 2013: 61-62]. Но насколько оправданы эти предположения? Правомерно ли рассматривать АСЕАН в качестве потенциального субъекта глобального управления? Есть ли для этого предпосылки, и если да, то какие? Эти вопросы, безусловно, волнуют не только специалистов по региону Юго-Восточной Азии, но и политологов-международников и, шире, политологов-глобалистов.

Статья посвящена исследованию процессов *субъективации* АСЕАН, т.е. превращения ее из пассивного объекта в самостоятельный субъект мировой политики. О возможности такого перехода первым заговорил известный российский востоковед и теоретик МО А.Д. Богатуров, который ввел в научный оборот понятие "лидерской" и "пространственной" структур международных отношений. Лидерская структура характеризуется доминированием традиционных центров силы – мощных государств, обладающих способностью оказывать непосредственное влияние на региональную и мировую политику. Пространственная структура, напротив, отличается высокой степенью самоорганизации малых и средних государств, которые выступают в качестве "коллективного лидера", проводя согласованную линию в отношении более крупных стран [Богатуров 2002: 272-273]. В той степени, в которой региональное пространство "уплотняется", можно говорить о субъективации составляющих его элементов.

Ниже мы рассмотрим те факторы и механизмы, которые позволили АСЕАН приобрести определенный международный вес, свидетельствующий о ее постепенном переходе из категории "объектов" в разряд "субъектов" мировой политики. В частности, мы проанализируем, в чем проявляется международное влияние АСЕАН и каковы перспективы превращения этой региональной организации в новый самостоятельный субъект глобального управления. Для этого необходимо ответить на ряд вопросов:

1. Что такое глобальное управление? Какие существуют институты и модели глобального управления? В чем заключается его цель?

2. Какую роль играет АСЕАН в глобальном управлении? Почему она способна играть эту роль? Какие исторические процессы предшествовали установлению роли АСЕАН?

3. Каковы механизмы влияния АСЕАН на глобальные процессы? Что дает ей межрегионализм? Каковы перспективы превращения АСЕАН в новый мировой центр силы?

4. Какие существуют ограничения, не позволяющие АСЕАН стать полноценным субъектом глобального управления? Как их можно преодолеть?

Очертив базовые контуры нашего исследования, перейдем к непосредственному анализу предпосылок, возможностей и перспектив становления международной субъектности АСЕАН.

Предпосылки

Термин "глобальное управление" вошел в широкое употребление в середине 1990-х годов, хотя зачатки регулирования общемировых процессов

государствами и их международными объединениями существовали и ранее [International Organization... 2014: 23-24]. Исследователи предлагают широкий спектр определений данного понятия, таких как "управление глобальными процессами в отсутствие мирового правительства" [Global Governance from Regional... 2017: 10], "коллективное решение общих проблем на международном уровне" [Global Governance 2025... 2010: 11], "попытки предложить более упорядоченные и надежные ответы на социальные и политические проблемы, которые выходят за рамки возможностей отдельных государств" [Whitman 2009: 8], и др.

Авторы коллективной монографии "Глобальное управление: возможности и риски" под редакцией академиков РАН В.Г. Барановского и Н.И. Ивановой определяют этот феномен как "систему институтов, принципов, политических и правовых норм, поведенческих стандартов, которыми определяется регулирование по проблемам транснационального и глобального характера в природных и социальных пространствах" [Глобальное... 2015: 7]. Здесь важно подчеркнуть три аспекта:

– наличие *субъектов* глобального управления, т.е. государств и международных организаций, разделяющих общие принципы, нормы и поведенческие стандарты;

– специфику *объектов* глобального управления, т.е. природных и социальных проблем транснационального и глобального характера, с которыми государства не могут справиться в одиночку (изменение климата, международный терроризм и т. д.);

– особенности *методов* глобального управления, т.е. коллективных действий, направленных на совместное регулирование вышеозначенных проблем.

Очевидно, что субъектами глобального управления выступают не все государства и международные организации, а только те из них, которые способны внести весомый (или, как еще говорят, "системно значимый") вклад в совместные усилия международного сообщества по регулированию глобальных политических, экономических и социальных процессов. Возникает закономерный вопрос: является ли АСЕАН субъектом глобального управления? Если да, то какие факторы обусловили становление ее субъектности? Если нет, то способна ли она стать таким субъектом в обозримой перспективе?

На первый взгляд, предпосылок для подобной роли у АСЕАН немного. Это становится ясно, если проанализировать список государств-членов организации: ни одно из них не входит в когорту развитых стран; более того, три государства-члена АСЕАН (Камбоджа, Лаос и Мьянма) относятся к числу наименее развитых стран по классификации ООН. Влияние стран АСЕАН в международных институтах глобального управления – Международном валютном фонде, Мировом банке, Всемирной торговой организации – так незначительно, что им практически можно пренебречь. Большинство ключевых структур глобального управления были созданы великими державами задолго до того, как АСЕАН накопила достаточно сил, чтобы заявить о своем желании как-то повлиять на их деятельность, не говоря уже о том, чтобы иметь возможность изменить давно устоявшиеся практики и процедуры [Stubbs 2008: 452]. Поэтому говорить о международной субъектности АСЕАН в этом контексте представляется преждевременным. Остается лишь согласиться с отечественными экспертами, полагающими, что "АСЕАН сегодня едва

ли можно считать субъектом, определяющим масштабы, динамику и характер процессов глобального управления" [Глобальное... 2015: 250].

Вместе с тем наш анализ был бы неполным, если бы мы не приняли во внимание тот позитивный потенциал, который АСЕАН накопила за полвека своего существования. Начать следует с того, что эта региональная организация объединяет десять из одиннадцати стран Юго-Восточной Азии общей площадью 4,5 млн кв. км. Ее население составляет более 660 млн человек[1], а совокупный внутренний валовый продукт (ВВП) – 2,95 трлн долл. США[2], что, по оценкам Секретариата АСЕАН, делает Ассоциацию "шестой по величине экономикой мира и третьей экономикой Азии". Зародившись как интеграционная инициатива пяти стран-основательниц – Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин, – АСЕАН прошла через четыре этапа расширения: в январе 1984 г. к ней присоединился Бруней-Даруссалам, в июле 1995 г. – Вьетнам, в июле 1997 г. – Лаос и Мьянма, а в апреле 1999 г. – Камбоджа. За пределами Ассоциации остался лишь Тимор-Лешти, добившийся независимости от Индонезии в мае 2002 г. Не исключено, что со временем состоится и пятый этап расширения АСЕАН.

Следует также отметить, что АСЕАН занимает стратегически важное геополитическое положение на перекрестке морских путей сообщения, ведущих из Индийского в Тихий океан. По этому маршруту нефть из Персидского залива доставляется в крупнейшие экономики Тихоокеанской Азии – Японию, Южную Корею и Китай. Любые перебои в поставках углеводородов могут стать причиной регионального энергетического кризиса, чреватого глобальными последствиями. В таком контексте усилия Ассоциации по превращению Юго-Восточной Азии в мирный, процветающий и предсказуемый регион, свободный от ядерного оружия, свидетельствуют о той без преувеличения значимой роли, которую АСЕАН играет в международных делах. Этой же цели служит военное сотрудничество государств Ассоциации с ведущими внерегиональными державами – Россией, США, Китаем, Индией, Японией, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией – в формате ежегодных совещаний министров обороны ("СМОА плюс").

Интересно проследить эволюцию АСЕАН как региональной организации, сумевшей за полвека занять важное место в структуре Азиатско-Тихоокеанской подсистемы международных отношений. В частности, особенно интересно рассмотреть, какие факторы обеспечили рост международной субъектности АСЕАН – той самой субъектности, которая позволяет ей развивать равноправные партнерские отношения как с внерегиональными державами, так и с другими региональными объединениями.

В качестве главного фактора следует назвать концепцию центральности АСЕАН (или концепцию асеаноцентричности), предполагающую выстраивание межрегиональных отношений вокруг асеановского "ядра". Идея о центральной роли АСЕАН восходит к середине 1970-х годов, когда на базе ежегодных конференций министров иностранных дел стран-членов Ассоциации начали проводиться встречи с их коллегами из Австралии, Европы, США, Японии,

[1] Asean Countries 2020. – *World Population Review*. URL: https://worldpopulationreview.com/countries/asean-countries/ (accessed 02.04.2020).

[2] Gross Domestic Product (GDP) of the ASEAN Countries from 2008 to 2018. – *Statista*. URL: https://www.statista.com/statistics/796245/gdp-of-the-asean-countries/ (accessed 02.04.2020).

получившие название "постминистерских конференций". Так был заложен механизм привилегированного взаимодействия АСЕАН с ведущими западными державами, который был расширен в середине 1990-х годов за счет подключения к нему Китая, Индии и России [Сумский 2017: 8]. Этот механизм способствовал тому, что малые и средние государства Юго-Восточной Азии, которые взяли на себя лидерскую функцию в организации многостороннего сотрудничества с существенно превосходящими их по мощи и влиянию внерегиональными акторами, постепенно превратились в движущую силу макрорегиональной интеграции.

Как отмечает ведущий эксперт Центра АСЕАН при МГИМО МИД России Е.В. Колдунова, "XX век АСЕАН завершила с широким инструментарием влияния на макрорегиональные процессы и в статусе (по крайней мере формальном) равноправного партнера ведущих международных игроков" [Колдунова 2017: 60]. Благодаря доверительным контактам с лидерами великих держав, распространяющимся на политическую, экономическую и военную сферы, страны АСЕАН сумели значительно повысить свой международный престиж и даже выступить в качестве локомотива азиатско-тихоокеанского сотрудничества в сфере экономики и безопасности. Это позволило политикам и аналитикам отнести "центральность" АСЕАН к ключевым аспектам ее функционирования. В частности, в Хартии АСЕАН "поддержание центральности и проактивной роли АСЕАН как ведущей движущей силы во взаимоотношениях и сотрудничестве с внешними партнерами в рамках открытой, прозрачной и инклюзивной региональной архитектуры" названо одной из первоочередных целей Ассоциации [The ASEAN Charter 2007: 5].

Тем не менее, как это часто бывает с политизированными терминами, понимание того, в чем же заключается "центральность" АСЕАН, так и не было выработано. Тан Си Сенг выделяет по меньшей мере пять вариантов употребления термина [Tan 2017: 721-723]:

– как принцип лидерства или ведущей роли АСЕАН;

– как роль инициатора или медиатора интеграционных процессов в Восточной Азии;

– как функция "центрального узла", вокруг которого концентрируются возникающие институты регионального сотрудничества;

– как механизм, обеспечивающий прогресс (а не только процесс) региональной интеграции;

– как инструмент, используемый странами АСЕАН для того, чтобы защитить свои корпоративные интересы и сохранить приоритет в процессах восточноазиатской интеграции, предотвращая появление невыгодных для себя структурных изменений.

К этому обширному перечню можно добавить еще один пункт – понимание "центральности" АСЕАН как ее основополагающего принципа, который подразумевает выполнение организацией функции агрегатора интересов внерегиональных игроков, сводящего их воедино в рамках созданных под эгидой и/или при посредничестве АСЕАН макрорегиональных структур. В частности, в соответствии с этим принципом АСЕАН получила право определять повестку дня и координировать деятельность таких международных институтов, как форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Восточноазиатский

саммит (ВАС) и, в перспективе, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) [Сумский 2017: 8].

Несмотря на то, что каждая из стран АСЕАН по отдельности обладает несоизмеримым международным весом по сравнению со своими странами-партнерами, объединенными усилиями асеановской "десятки" им удается вырабатывать согласованную позицию, которую приходится принимать во внимание их визави при решении возникающих между ними проблем. По меткому выражению обозревателей *International Herald Tribune*, лидерство АСЕАН в Восточноазиатском саммите можно охарактеризовать как ситуацию, когда, как в известном голливудском фильме, "хвост вертит собакой" [цит. по: Стрельцов 2007]. Понятно, что эта ситуация сложилась с молчаливого согласия крупных внерегиональных держав, которых устраивает стремление АСЕАН соблюсти равноудаленность в отношениях между ними, не допустив открытого соперничества в регионе. Можно утверждать, что "центральность" АСЕАН является в первую очередь следствием ее продуманной и взвешенной политики по отношению к внерегиональным партнерам.

Итак, предварительный анализ показывает, что предпосылки для того, чтобы рассматривать АСЕАН в числе потенциальных субъектов глобального управления, действительно существуют. Вопрос в том, сможет ли (и захочет ли) АСЕАН актуализировать имеющийся у нее потенциал, чтобы разделить с другими членами международного сообщества ответственность за принятие глобальных решений, и согласятся ли другие государства – причем не только мировые лидеры, но и развивающиеся страны, – признать эту новую, глобальную роль АСЕАН. Изучим особенности современного развития данной региональной организации.

ВОЗМОЖНОСТИ

"Центральность" АСЕАН и соответствующий ей статус "коллективного лидера" (в терминологии А.Д. Богатурова) позволяют странам – членам Ассоциации реализовывать новые возможности, которыми не обладает ни одна из них, взятая по отдельности. Это касается возможностей, связанных с их потенциальным участием в глобальном управлении. Как отмечает канадский политолог Амитав Ачарья, "центральность АСЕАН – это наиболее амбициозное и разработанное проецирование субрегионального явления на более широкую региональную и глобальную сцену" [Acharya 2017: 274]. В данном контексте примечательны заявления, сделанные главами государств и правительств стран региона в совместной декларации "Балийское согласие III", где подчеркивается "необходимость усилить координацию и сотрудничество АСЕАН по ключевым глобальным проблемам, представляющим общий интерес и озабоченность, в рамках соответствующих многосторонних форумов и международных организаций, включая ООН"[3]. Таким образом, можно говорить о несомненном интересе лидеров АСЕАН к участию в управлении глобальными процессами.

Эффективность реализации идеи "центральности" АСЕАН ставится экспертами под сомнение. Вызывает вопросы способность Ассоциации хоть

[3] *Bali Declaration on ASEAN Community in a Global Community of Nations (Bali Concord III)*. Bali, 17.11.2011. URL: http://www.asean.org/storage/archive/documents/19th%20summit/Bali%20Concord%20III.pdf (accessed 02.12.2019).

сколько-нибудь значимо влиять на внешнюю политику своих авторитетных партнеров по диалогу, действующих в первую очередь исходя из собственных стратегических приоритетов. А. Ачарья выделяет четыре группы связанных с этим актуальных проблем [ibid: 277-278]:

– снижающееся согласие внутри самой АСЕАН (например, отсутствие единства позиций по ситуации в Южно-Китайском море);

– постепенный отход АСЕАН от политики строгого нейтралитета во взаимоотношениях с великими державами, преследующими свои геополитические интересы в Юго-Восточной Азии;

– более активная роль в процессах региональной интеграции внерегиональных игроков (например, Китая с его проектом "Один пояс – один путь"), перехватывающих инициативу у АСЕАН;

– позиция администрации Дональда Трампа, предпочитающей двусторонние связи многосторонним соглашениям и в целом игнорирующей "центральность" АСЕАН.

Главным вызовом, стоящим сейчас перед АСЕАН, является переход от деклараций своей "центральности", зависящей от доброй воли великих держав, к самостоятельной реализации ее основных положений на практике. Ассоциация уже довольно далеко продвинулась на этом направлении. Зримым доказательством растущего международного веса АСЕАН выступают ее регулярные контакты с другими международными организациями, в 1990-х – 2000-х годах оформившиеся в виде соответствующих межрегиональных соглашений. Из наиболее значимых асеановских инициатив в этой области следует упомянуть Форум "Азия – Европа" (АСЕМ), Форум восточноазиатско-латиноамериканского сотрудничества (ВАЗЛАФ) и Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА). Роль АСЕАН в создании переговорных площадок и многосторонних институтов межрегионального сотрудничества, без преувеличения, существенна. Она является зримым свидетельством того, насколько организация преуспела в деле укрепления своей международной субъектности.

Следует пояснить, каким образом международная субъектность АСЕАН связана с ее потенциальным участием в глобальном управлении. Отечественные исследователи А.В. Митрофанова и К.Н. Кулматов справедливо полагают, что межрегиональное сотрудничество способствует становлению многоуровневого управления глобальными процессами [Митрофанова, Кулматов 2010]. Так, создание целой сети "асеаноцентричных" интеграционных инициатив позволяет государствам АСЕАН согласовывать позиции с другими развивающимися странами "Юга" и доносить свои предложения до индустриально развитых стран "Севера". АСЕАН превращается в ключевое звено международного механизма выработки коллективных ответов на общемировые проблемы и вызовы глобализации.

Вместе с тем было бы неверным ставить знак равенства между "центральностью" АСЕАН и ее ролью в регулировании глобальных процессов. Безусловно, асеановские инициативы многостороннего сотрудничества по линии "Север – Юг" и "Юг – Юг" вносят вклад в процесс постепенного формирования новых механизмов глобального управления. Однако в том, что касается взаимодействия АСЕАН с уже сложившимися международными институтами глобального управления, говорить о какой-либо "центральности"

Ассоциации не представляется возможным. Даже если учесть то обстоятельство, что ведущие партнеры АСЕАН по диалогу входят в такие объединения, как G7, G20, а также БРИКС, считать, что они представляют интересы АСЕАН на мировой арене, было бы существенным преувеличением.

Характерен пример одной из стран – основательниц АСЕАН – Индонезии. Несмотря на то, что она является членом G20 с момента учреждения последней (декабрь 1999 г.), индонезийские дипломаты и аналитики неоднократно подчеркивали, что их страна входит в G20 в своем индивидуальном качестве, как "нарождающийся рынок" (*emerging market*), а не как представитель или выразитель интересов других государств Юго-Восточной Азии. Интересно то, что Индонезия активно лоббировала приглашение на саммиты G20 официальных представителей АСЕАН (Председателя и Генерального секретаря), аргументируя свою позицию именно тем, что она не уполномочена представлять другие страны своего региона на этом международном форуме [Hermawan et al. 2011: 80-81]. Некоторые эксперты заговорили даже о том, что Индонезия больше не нуждается в АСЕАН, а предпочитает вести диалог с великими державами один на один [Tay 2013: 12]. Впрочем, такие заявления пока преждевременны.

Индонезия регулярно информирует своих коллег по АСЕАН о результатах встреч G20 с тем, чтобы они были в курсе обсуждающихся вопросов [Arifin 2011: 15]. Кроме того, на 15-м саммите Ассоциации, прошедшем в октябре 2009 г. в Чааме (Таиланд), Индонезия предложила создать контактную группу "АСЕАН – G20" в составе: (1) представителя Индонезии как единственной страны – члена G20 из Юго-Восточной Азии, (2) Председателя АСЕАН, т.е. лидера государства, председательствующего в Ассоциации в текущем году, и (3) Генерального секретаря АСЕАН, назначающегося главами государств и правительств Ассоциации на пятилетний срок. В задачи контактной группы должна была входить координация позиций стран-членов АСЕАН по актуальным глобальным проблемам и выработка согласованной точки зрения, которая затем озвучивалась бы на заседаниях G20. Индонезия также предложила проводить регулярные совещания министров финансов АСЕАН, предваряющие саммиты G20 [Hermawan et al. 2011: 81]. Итак, официальная Джакарта сделала все от нее зависящее, чтобы представить интересы АСЕАН в структурах глобального управления.

Перспективы

Подводя итоги, остановимся на перспективах превращения АСЕАН в новый полюс полицентричного мира. В настоящее время Ассоциация не может претендовать на роль полноценного субъекта глобального управления. Ее способность контролировать общемировые процессы ограничена тремя институциональными механизмами: (1) диалоговым партнерством со странами-участницами G7, G20 и БРИКС, выступающими в своем индивидуальном качестве, (2) межрегиональным сотрудничеством в рамках выдвинутых АСЕАН инициатив: АСЕМ, ВАЗЛАФ, ДСА и др., и (3) членством Индонезии в G20. Ни один из этих механизмов (кроме, пожалуй, последнего) не позволяет Ассоциации напрямую влиять на ход глобальных процессов. Тем не менее созданные АСЕАН структуры дают ей возможность кулуарно лоббировать свои интересы, касающиеся решения общемировых проблем, затрагивающих и регион Юго-Восточной Азии. Также, разумеется, страны

Ассоциации могут принимать участие в управлении глобальными процессами через деятельность соответствующих институтов ООН.

Что же касается более активной роли в процессах глобального управления, на которую претендует АСЕАН, то говорить о ней пока преждевременно. Несмотря на статус "коллективного лидера" макрорегиональных и межрегиональных интеграционных процессов, Ассоциация все еще далека от того, чтобы превратиться в глобального игрока (наподобие Европейского союза). Впрочем, она уже способна оказывать некоторое влияние на решение вопросов, имеющих общемировое значение, – пока лишь в рамках своего региона, но с перспективой выхода за его пределы. Так, например, Ассоциация является структурообразующим элементом Регионального форума АСЕАН по безопасности, учрежденного в 1994 г., в задачи которого входит содействие конструктивному диалогу и консультациям по общезначимым вопросам политики и безопасности, а также установлению мер взаимного доверия и превентивной дипломатии в АТР.

Субъективации АСЕАН есть ряд объяснений. Во-первых, особая роль в регулировании глобальных политических и экономических процессов на региональном уровне связана с двойственной природой самого глобального управления: с одной стороны, оно иерархично (и это означает, что наиболее мощные государства, находящиеся на вершине неформальной силовой иерархии, устанавливают правила, по которым осуществляется регулирование международных процессов), а с другой, оно основано на сетевом принципе (и это означает, что у глобального управления нет единого центра и единого субъекта). Соответственно, АСЕАН, основываясь на принципе своей "центральности", играет роль одного из таких субъектов применительно к региону Юго-Восточной Азии.

Во-вторых, опыт АСЕАН опровергает представление о том, что глобальное управление может осуществляться лишь всемирными организациями и наднациональными институтами, которым государства делегируют часть своего суверенитета (именно по этому пути пошел Европейский союз). Скорее, речь идет о налаживании управляемости по линии "государство – международный регион – мировой/глобальный порядок" [Глобальное... 2015: 33]. Иными словами, глобальное управление представляет собой сопряжение усилий, которые государства прикладывают на национальном и региональном уровнях для решения общемировых проблем, затрагивающих ту или иную страну и тот или иной регион.

В-третьих, говоря о моделях глобального управления, следует отметить, что ни одна из них не отражает в полной мере реального положения дел в этой области. Эксперты выделяют, как минимум, четыре модели, различающиеся степенью интегрированности глобальных институтов и игроков: (1) формирование системы глобального управления по аналогии с национальными структурами, но в глобальном масштабе ("мировое правительство"); (2) представление о том, что глобальное управление осуществляется системой международных институтов (ООН, МВФ, Мировой банк, G7, G20 и др.); (3) концепция глобального управления, в основе которой лежит однополярная модель, подкрепленная экономической и военной мощью наиболее влиятельного государства в международной системе; и (4) концепция полицентричной системы глобального управления, основанной на сочетании межгосударственных институтов и региональных блоков [Колдунова 2014: 62-63]. Очевидно, что случай АСЕАН ближе всего к последней, полицентричной модели, однако не объясняется ею в полной мере, поскольку АСЕАН нельзя рассматривать как самостоятельный "полюс" или "центр силы".

В том, что касается регионального управления, АСЕАН успешно доказала свою эффективность, понимаемую как "способность членов института согласовать коллективные обязательства, обеспечить исполнение принятых решений и осуществить политические изменения, необходимые для решения коллективных проблем" [Ларионова 2016: 131]. Специфика асеановской модели регионального управления заключается в принципиальном отказе государств Юго-Восточной Азии от создания наднациональных институтов, которые будут ущемлять их национальный суверенитет. Все решения асеановской "десятки" принимаются коллегиально, методом консенсуса. Каждое государство сохраняет всю полноту суверенитета и обладает фактическим правом вето в отношении решений, затрагивающих его интересы.

Такой метод принятия решений имеет свои недостатки. Нередки примеры, когда государства – члены Ассоциации ставят свои национальные интересы выше интересов общерегиональных. К подобным казусам страны АСЕАН привыкли относиться предельно прагматично, не превращая частный конфликт интересов в общерегиональную проблему. Несмотря на зачастую возникающие разногласия по текущим вопросам, единство АСЕАН как перспективная цель развития Ассоциации не подвергается сомнению. Как отмечает сингапурский ученый Саймон Тай, "то, что страны АСЕАН смогут когда-либо заговорить в один голос, не является чем-то невозможным, хотя этого вряд ли удастся достичь в одночасье" [Tay 2013: 14].

Возвращаясь к аналогии между АСЕАН и ЕС, подчеркнем, что отсутствие экономической, политической и военной мощи, которая позволила бы Ассоциации встать вровень с признанными мировыми центрами силы, может быть компенсировано другими, нематериальными факторами. Важнейшим из них выступает понятие "нормативной силы", или способности задавать стандарты того, что является нормой в мировой политике (где под "нормой" понимается эффективное распространение собственных ценностей по всему миру) [International Organization... 2014: 259]. Идея о том, что Ассоциация может превратиться в "нормативную силу" наподобие той, на роль которой претендует ЕС, глубоко укоренилась в умах асеановских элит. Вопрос заключается лишь в том, сумеют ли страны АСЕАН предложить миру оригинальную и привлекательную систему ценностей, отличную от западного либерализма.

Нужно сказать, что такая система ценностей действительно существует: это так называемые *азиатские ценности* (*Asian values*), провозглашенные ведущими интеллектуалами и политиками стран Юго-Восточной Азии (Ли Куан Ю, Махатхир Мохамад, Го Чок Тонг, Кишор Махбубани, Билахари Каусикан и др.) в качестве идеологической основы мирного сосуществования и развития азиатских социумов. Им соответствует особый комплекс принципов межгосударственного взаимодействия, известный как "путь АСЕАН" (*The ASEAN Way*). В число этих принципов входят: невмешательство во внутренние дела друг друга, безусловное уважение национального суверенитета, соблюдение консенсуса при принятии решений, мягкая манера переговорного общения, поиски оптимального темпа движения к поставленной цели и т.д. [Сумский 2017: 7-8].

Оригинальные элементы дипломатической и политической практики АСЕАН, заложенные в Договоре о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (1976), успешно выдержали испытание временем, став своеобразной "визитной карточкой" Ассоциации. АСЕАН не только сама неукоснительно следует этим принципам, но и активно продвигает их во взаимоотношениях со

своими партнерами по диалогу, предлагая присоединиться к вышеупомянутому договору. Эти же принципы заложены в основу созданных при ее участии межрегиональных организаций. Потенциальная привлекательность АСЕАН как "нормативной силы" имеет под собой солидный фундамент [He 2016: 104].

Международная субъектность АСЕАН не вызывает сомнений. Можно, наверное, говорить о том, что данная организация не способна стать классическим мировым центром силы наподобие США, России или Китая, но вполне способна при удачном стечении обстоятельств превратиться в новый центр глобального притяжения вроде того, каким является современный ЕС. У АСЕАН есть все шансы для того, чтобы, опираясь на свою "нормативную силу", стать полноценным субъектом глобального управления.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.04

ASEAN AS A POTENTIAL ACTOR IN GLOBAL GOVERNANCE: PREREQUISITES, OPPORTUNITIES, AND PROSPECTS

K.A. Efremova[1]

[1]*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

EFREMOVA, Ksenia Aleksandrovna, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Professor at Asian and African Studies Department, School of International Relations; Research Fellow at the Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, email: efremova@mgimo.ru

Efremova K.A. ASEAN as a Potential Actor in Global Governance: Prerequisites, Opportunities, and Prospects. – Polis. Political Studies. 2020. No. 3. P. 44-55. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.04

Received: 08.12.2018. Accepted: 26.12.2019

Abstract. The Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), established in 1967, is the oldest and the most developed regional grouping outside the Western world. In recent decades, it has claimed the right to become the driver of interregional cooperation and regional integration in the Asia-Pacific region. The concept of ASEAN centrality implies that ASEAN should possess a leading role in the processes of regional, and maybe also global, governance. However, whether ASEAN is capable of playing this role or not is up for debate. This paper deals with the issues of ASEAN subjectivity, and its ability (or inability) to take part in the processes of global governance. Preliminary analysis shows that there are some prerequisites for considering ASEAN as a potential actor of global governance. However, it is debatable if ASEAN is able (or is willing) to actualize its potential in order to share the responsibility for conducting global-level decisions with other members of the global community, and whether other states – not only the global leaders, but developing countries as well – will agree to accept the new global role ASEAN plays. At the moment, ASEAN cannot claim status as a full-fledged actor in global governance. Nevertheless, it can lobby its interests related to the solution of global problems (which affect Southeast Asia as well) through interregional structures that it created. It may be argued that ASEAN will not become a classic world power like the U.S., China, or Russia, but it still will be able to transform itself into a global center of gravity as the EU currently does. Therefore, ASEAN has every chance to become an actor in global governance one day in the future.

Keywords: ASEAN, global governance, normative power, regionalism, interregionalism, globalization, Southeast Asia.

References

Acharya A. 2017. The Myth of ASEAN centrality? – *Contemporary Southeast Asia*. Vol. 39. No. 2. P. 273-280.

Arifin S. 2011. *Global Governance: Opportunities and Challenges for ASEAN Economic Community*. Paper presented at the workshop on "Managing Regional and Global Governance in Asia", Bank Indonesia, Definit, GIZ and DIE. Yogyakarta, Indonesia. 13 October 2011. Yogyakarta: Bank Indonesia.

Global Governance 2025: At a Critical Juncture. 2010. Paris: The EU Institute of Security Studies (EUISS).

Global Governance from Regional Perspectives: A Critical View. 2017. Ed. by A. Triandafyllidou. Oxford: Oxford University Press.

International Organization and Global Governance. 2014. T.G. Weiss, R. Wilkinson. N.Y.: Routledge.

He J. 2016. Normative Power in the EU and ASEAN: Why They Diverge. – *International Studies Review*. Vol. 18. No. 1. P. 92-105. https://doi.org/10.1093/isr/viv028

Hermawan Y.P., Sriyuliani W., Hardjowijono G.H., Tanaga S. 2011. *The Role of Indonesia in the G-20: Background, Role and Objectives of Indonesia's Membership*. Jakarta: Friedrich-Ebert-Stiftung Indonesia Office.

Stubbs R. 2008. The ASEAN Alternative? Ideas, Institutions and the Challenge to "Global" Governance. – *Pacific Review*. Vol. 21. No. 4. P. 451-468. https://doi.org/10.1080/09512740802294713

Tan S.S. 2017. Rethinking "Asean Centrality" in the Regional Governance of East Asia. – *The Singapore Economic Review*. Vol. 62. No. 3. P. 721-740. https://doi.org/10.1142/S0217590818400076

Tay S. 2013. *Growing an ASEAN Voice? A Common Platform in Global and Regional Governance*. Jakarta: Economic Research Institute for ASEAN and East Asia (ERIA).

The ASEAN Charter. 2007. Jakarta: ASEAN Secretariat.

Whitman J. 2009. *The Fundamentals of Global Governance*. Houndmills, N.Y.: Palgrave Macmillan.

Bogaturov A.D. 2002. Sreda – protiv liderov. "Prostranstvennaya struktura" samoorganizatsii mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii [Environment Against the Leaders. "Spatial Structure" of Self-Organization of International Relations in East Asia]. – *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii* [Essays on the Theory and Methodology of the Political Analysis of International Relations]. Moscow: NOFMO. P. 266-282. (In Russ.)

Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski. Pod red. V.G. Baranovskogo, N.I. Ivanovoi. 2015. [Global Governance: Opportunities and Risks. Ed. by V.G. Baranovskii, N.I. Ivanova]. Moscow: IMEMO RAN. (In Russ.).

Koldunova E.V. 2014. The Role of BRICS in Global Governance. – *Comparative Politics Russia*. Vol. 5. No. 1. P. 60-64. (In Russ.) https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-60-64

Koldunova E.V. 2017. "Dialogue Partnerships" in ASEAN's External Relations. – *International Trends*. Vol. 15. No. 3. P. 55-66. (In Russ.) https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.3.50.5

Larionova M. 2016. Evaluating Global Institutions' Effectiveness. Assessing Summit Institutions Engagement with Other International Organizations in the Process of Global Governance. – *International Organizations Research Journal*. Vol. 11. No. 1. P. 126-152. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/1996-7845/2016-01-126

Leonova O.G. 2013. Global Regionalization as a Phenomenon of Global Peace Development. – *Age of Globalization*. No. 1. P. 59-66. (In Russ.)

Mitrofanova A.V., Kulmatov K.N. 2010. Interregionalism and Global Governance. – *Mir i politika*. No. 2. P. 59-69. (In Russ.)

Strel'tsov D.V. 2007. Japan and the East Asian Community: A Side View. – *World Economy and International Relations*. No. 2. P. 57-66. (In Russ.)

Sumsky V.V. 2017. Record and Challenges of Regionalism in Southeast Asia. – *International Trends*. Vol. 15. No. 3. P. 5-11. (In Russ.) https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.3.50.1

Литература на русском языке

Богатуров А.Д. 2002. Среда – против лидеров. "Пространственная структура" самоорганизации международных отношений в Восточной Азии. – *Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений*. М.: НОФМО. С. 266-282.

Глобальное управление: возможности и риски. 2015. Под ред. В.Г. Барановского, Н.И. Ивановой. М.: ИМЭМО РАН.

Колдунова Е.В. 2014. Роль стран БРИКС в глобальном управлении. – *Сравнительная политика*. Т. 5. № 1. С. 60-64. https://doi.org/10.18611/2221-3279-2014-5-1(14)-60-64

Колдунова Е.В. 2017. "Диалоговые партнерства" во внешней политике АСЕАН. – *Международные процессы*. Т. 15. № 3. С. 55-66. https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.3.50.5

Ларионова М.В. 2016. Новый подход к оценке эффективности международных институтов. Оценка эффективности взаимодействия международных институтов в процессе глобального управления. – *Вестник международных организаций*. Т. 11. № 1. С. 126-152. https://doi.org/10.17323/1996-7845/2016-01-126

Леонова О.Г. 2013. Глобальная регионализация как феномен развития глобального мира. – *Век глобализации*. № 1. С. 59-66.

Митрофанова А.В., Кулматов К.Н. 2010. Интеррегионализм и глобальное управление. – *Мир и политика*. № 2. С. 59-69.

Стрельцов Д.В. 2007. Япония и "Восточноазиатское сообщество": взгляд со стороны. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 2. С. 57-66.

Сумский В.В. 2017. Опыт регионализма на азиатском Юго-Востоке и поиск ответов на новые вызовы. – *Международные процессы*. Т. 15. № 3. С. 5-11. https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.3.50.1

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.05

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ: ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко, И.С. Семененко

МОРОЗОВА Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, email: morozova_e@inbox.ru; **МИРОШНИЧЕНКО Инна Валерьевна**, доктор политических наук, зав. кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, email: mirinna78@mail.ru; **СЕМЕНЕНКО Ирина Станиславовна**, доктор политических наук, член-корр. РАН, зам. директора по научной работе, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: semenenko@imemo.ru

Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко, И.С. Семененко. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности. – Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 56-77. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ, проект № 19-011-31356 "Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности в условиях гетерогенного социально-экономического и социокультурного пространства региона".

Статья поступила в редакцию: 25.12.2019. Принята к публикации: 04.03.2020

Аннотация. Статья посвящена изучению потенциала политики идентичности как нематериального ресурса развития местных сообществ и обоснованию критериев его оценки. Перспективы перехода к новой парадигме развития в условиях кардинальных изменений в структуре общественных отношений становятся важной составляющей научного дискурса, в свою очередь, резко актуализируя задачу выявления потенциала такой политики. Эти изменения отражаются и в формировании миропорядка, и в появлении новых социальных и культурных размежеваний внутри современных обществ, в том числе в углублении цифрового неравенства и радикальной поляризации социальных пространств развития и территорий неразвития, в становлении новой повестки дня политики развития на разных уровнях политического управления. В зарубежной политической науке в последние годы растет внимание к нематериальным ресурсам и управленческим приоритетам развития негородских территорий, в частности, в контексте так называемых сельских исследований. Авторы статьи обосновывают потребность в продвижении "сельских" (негородских) исследований в российском поле политической науки. Ключевую задачу они видят в выявлении ресурсов развития сельских сообществ, в частности, возможностей и ограничений политики идентичности. По итогам интерпретации результатов проведенного в 2019 г. эмпирического исследования в Краснодарском крае (восемь фокус-групповых и 40 экспертных интервью в восьми сельских поселениях Кубани) определены маркеры локальной идентичности сельских сообществ и разработана матрица ее критериев. Охарактеризована структура и особенности политики идентичности в сельских сообществах, проанализированы такие ее институциональные механизмы, как символическая политика и политика памяти. Сравнительная оценка уровня вовлеченности различных субъектов в развитие сельских территорий и системности связанных со стратегическими приоритетами развития мероприятий позволила выявить три типа политики идентичности – реактивный, проактивный и активный, определить их потенциал в разработке и реализации политики развития российских сельских территорий с учетом их уникального социокультурного и природно-географического ландшафта, неоднородности

социально-экономического и социокультурного пространства российских регионов и различных институциональных моделей местных сообществ.

Ключевые слова: сельские местные сообщества, негородские территории, сельские исследования, политика развития, нематериальные ресурсы развития, локальная идентичность, сельская идентичность, политика идентичности, маркеры идентичности, Краснодарский край, Россия.

Политика развития находится сегодня в центре научных и общественных дискуссий. Однако ее субъектам и приоритетам уделяется разное и очень неравномерное внимание. В политической науке в последние два десятилетия на первый план вышли городские исследования. Город воспринимается как средоточие технологических прорывов, новейших управленческих практик и эффективных социальных инициатив, способных адаптировать человека к новой социальной реальности. Проблемы мегаполисов как растущих социальных агломераций, средоточия социальных проблем и апробации эффективных путей их решения традиционно привлекают повышенное внимание исследователей. Креативный город рассматривается как пространство с большим потенциалом развития социальной среды, в концепции "умного города" приоритет отдается продвижению технологических инноваций и их использованию в современном политическом управлении. Инновационные кластеры объединяют потенциал разных субъектов развития территорий. Большая плотность сетевых взаимодействий таких субъектов формирует "пространства развития", в которых утверждаются новые модели организации производства и новые формы социального и потребительского поведения.

Сельское измерение политики развития

Вне таких "пространств развития" оказываются те, кто в условиях цифрового неравенства не может распознать и эффективно использовать свои особые, уникальные ресурсы, связанные как с развитием традиционных, так и с продвижением альтернативных моделей производства и потребления, с нахождением баланса между "традицией" и "инновацией". В первую очередь это негородские (сельские) сообщества. До недавнего времени их по умолчанию помещали в колею догоняющего (город) развития. С актуализацией угроз экологической безопасности и формированием экологической идентичности отношение к проблемам и потребностям сельских сообществ стало быстро меняться. Эти изменения во многом предопределяют психологический климат современных обществ: среда обитания человека меняется столь стремительно, что сознание не поспевает за этими изменениями, и личность, проживающая кризис идентичности, стремится к поиску позитивного решения [см. Идентичность... 2017]. Стандартизация современного масскультурного ландшафта Макдоналдса и Диснейленда вызывает растущее отторжение; стремление ощутить и утвердить собственную идентичность обращает человека к устойчивым и традиционно привлекательным образам сельского ландшафта, к ценностям, представляющимся подлинными и непреходящими, к приемлемому темпу жизни, который олицетворяет сельская идентичность. Речь отнюдь не идет об идеализации "сельского уклада" (*rurality*), но о поисках жизненных ориентиров, альтернативных стандартизированной искусственной среде обитания современного человека.

В альтернативном интеллектуальному мейнстриму исследовательском поле прорастают и принципиально иные подходы к развитию, поэтому неслучайно "сельские" исследования (*rural studies*)[1] в последние 10-15 лет стали занимать все более заметное место в социальных науках [см. Handbook... 2006; Routledge International... 2016]. В политических исследованиях растущее внимание уделяется управленческим подходам и ресурсам развития сельских сообществ как субъектов социально-политических изменений [подробнее см. Семененко 2019b], в экспертном сообществе уже не первый год напрямую ставится вопрос о "новой сельской парадигме развития" [The New Rural Paradigm... 2006]. Это последнее направление получило заметное развитие в странах Северной Европы: здесь активно идут поиски моделей эффективного управления развитием сельских территорий [Svendsen 2004; Cruickshank, Lysgård, Magnussen 2009; Lundgren, Johansson 2017; Nilsson, Lundgren 2018]. Проблемы негородских сообществ занимают заметное место в политическом дискурсе не только западных, но и незападных обществ.

Сельские территории расположены в природно-географическом ландшафте за пределами городских агломераций, они имеют свои источники продовольствия, сельскохозяйственного сырья и природных ресурсов; относительно низкая плотность населения способствует поддержанию "негородского" *темпа и образа жизни*. В современной политико-управленческой и экономической практике возникла потребность в поиске эффективных моделей развития сельских территорий, которые могли бы способствовать консолидации сообществ граждан, заинтересованных в новом *качестве жизни*. Это тем более важно потому, что управленческие проблемы не сводятся сегодня к организации эффективного аграрного производства: непосредственно в сельском хозяйстве занята только часть проживающих за пределами города людей. Так, в странах Западной Европы это от 1-2% (Великобритания, Дания) до 4% (Испания, Италия, Австрия) занятого населения, при том что в сельской местности в этих странах проживает от 12% (Дания) до 42% (Австрия) населения, всего в странах Евросоюза – 24%[2]. Поэтому принципиально новая характеристика политики в отношении сельских территорий – это достижение высокого уровня жизни сельского населения за счет нематериальных факторов развития, а именно качества социальной среды и состояния экологии.

В России в сельском хозяйстве занято около 6% работающего населения, при том что в сельской местности проживает более четверти (26%) россиян[3], а в половине субъектов РФ доля сельского населения составляет до трети и даже более (всего – 37,3 млн человек)[4]. Качество жизни здесь остается заметно ниже городского, особенно это касается социальной инфраструктуры.

[1] В выходящем уже четверть века авторитетном англоязычном журнале "*Journal of Rural Studies*" представлены разные области знания – от социологии, политологии и культурологии до социальной психологии, географии и аграрной экономики; в междисциплинарном поле "сельских" исследований формируются новые подходы к пониманию повестки дня политики развития.

[2] Данные Всемирного банка. См. *The World Bank. Employment in Agriculture 2019*. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SL.AGR.EMPL.ZS (accessed: 14.03.2020); *Rural population. 2018 revision*. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SP.RUR.TOTL.ZS (accessed 14.03.2020).

[3] Там же.

[4] Данные Федеральной службы государственной статистики на апрель 2019 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed 14.03.2020).

Между тем в такой огромной по протяженности стране социальный климат на селе во многом определяет социальный климат в обществе, его продовольственную и экологическую безопасность. Поэтому принципиально важно актуализировать изучение приоритетов и потребностей развития сельских территорий и продвижение этих приоритетов в повестку дня публичной политики.

Широкий спектр исследований сельской идентичности в зарубежной социологии и политологии подтверждает мысль известного российского географа Л.В. Смирнягина, высказанную им в одной из своих последних статей. Опровергая миф о "смерти пространства" в эпоху глобализации, он пишет о том, что революция в средствах связи и транспорта позволила человеку по-иному строить и использовать пространство – более свободно от внешних обстоятельств и более ориентированно на нужды самого человека. Свойства места важны прежде всего для него самого – это удобная среда обитания, историческое наследие, благоустройство местности, дружественный социум с низкой преступностью и благожелательными традициями [Смирнягин 2016].

В политологическом дискурсе тематика сельской идентичности оказалась заметной лакуной, при том что ее изучение важно "не только с теоретической, но и с политико-управленческой точки зрения": без этого "невозможно осуществлять грамотное стратегическое планирование развития сельских территорий", использовать их внутренние ресурсы [Морозова 2018]. В качестве объяснения такого положения дел можно предположить, гипотетически, что сельская идентичность интерпретируется как атрибут уходящего традиционного общества, исследование которого не будоражит научное воображение политолога. Кроме того, существует подспудная проекция на предмет исследования бытующих в массовом сознании психологических установок по отношению к сельским жителям как "другим" для горожан ("сельпо", "лапти", "деревня" и т.п.).

Теоретические основания и методология исследования

Понимание "сельского" в социальных науках традиционно строится в привязке к природному ландшафту и сугубо на противопоставлении "городскому". "Сельская идентичность" если и становилась предметом отдельного внимания в идентитарных исследованиях, то в контексте изучения динамики нации и национальной идентичности [см., например, Neal 2009], либо в соотнесении с динамикой этнической, гендерной, классовой и других социальных идентичностей [см. Leach, Pini 2011]. Однако очевидно, что такое противопоставление в контексте дихотомии традиционализма и модернизации, архаики и инноваций не работает в условиях, когда "село не существует автономно от глобальных процессов. Несмотря на свою отдаленность и продолжающийся дефицит определенных ресурсов, оно включено в них, является полноправным субъектом глобальных социальных трансформаций" [Вдали от городов... 2013: 7]. Встраивающаяся в глобальный рынок деревня активно пересматривает свои смыслы и функции. Как отмечают авторы проекта "Вдали от городов: жизнь восточноевропейского села. Деревенские жизненные миры в России, Эстонии и Болгарии", "в противовес космополитичной, анонимной, подвижной, стрессогенной городской среде, сельская местность представляется территорией покоя, здоровья и отдыха, хранилищем вечных общечеловеческих ценностей и национальной природы и культуры" [см. Никифорова 2013: 165].

В содержательном плане понятие “сельского” является результатом социального конструирования, “его олицетворяет захватывающий мир социальных, культурных и моральных ценностей, которые привычно ассоциируются в нашем сознании с пониманием ‘сельского’, с сельскими пространствами и сельским укладом (*rurality*)” [Handbook... 2006]. Осмысление сельских реалий как социальных и культурных конструктов открывает путь к преодолению ментальных стереотипов об “отсталой деревне”, с “сельскостью” скорее ассоциируется сегодня экологическая идентичность. Такая идентичность не сводится к природоохранным приоритетам, она утверждается как важная составляющая гражданской идентичности [Идентичность... 2017: 619-626]. В более широком контексте *изменения парадигмы общественного развития* сохранение целостности и подлинности природного и культурного, рукотворного ландшафтов при формировании современной социальной среды и в густо населенных городских, и в негородских пространствах становится важным ориентиром *ответственного развития* [подробнее см. Семененко 2019а].

Ключевым теоретическим конструктом данного исследования, интегрирующим территорию, идентичность и ресурсы развития в общую рамку политики развития, является концепт развития местных сообществ. Под местными сообществами понимается “совокупность людей, объединенных устойчивыми формальными и неформальными связями, которые обусловлены совместным проживанием и деятельностью в пределах общей территории” [Лыска 2013: 99]. Согласно данному подходу, сельские местные сообщества следует рассматривать одновременно как субъект, объект и ресурс развития территории, что проявляется в стратегическом выборе исследовательских приоритетов. Работающие в исследовательской парадигме управления изменениями американские и российские ученые [см. Heller 1989; Glenn 1986; McMillan 1996; Филиппов, Авдеева 2000; Филиппов, Авдеева, Лаврова 2013] выделили чувство принадлежности жителей к местному сообществу как один из главнейших признаков самого сообщества. Они интерпретируют чувство сообщества и механизмы его формирования как показатели внутренней способности и готовности к самоорганизации, самоуправлению и саморазвитию. Данный подход предполагает переход от “сервис-клиентских”[5] взаимодействий местного сообщества и органов власти, где среди местного населения преобладают настроения иждивенчества, к партнерским отношениям с широким гражданским участием местных жителей в выработке и реализации публичных решений.

Неэкономические ресурсы инновационного развития государства в целом и его отдельных территорий связаны с производством постматериальных ценностей (творчество, доступность и динамика информационного обмена, гражданская активность, идея общественного блага), которые трансформируют характер публичных взаимодействий различных акторов. Современные исследователи обращают внимание на повышение роли нематериальных ресурсов в развитии территорий. Такие факторы как близость к сырью и рынкам больше не доминируют, новый бизнес идет туда, где привлекательнее качество жизни, в результате появляются “изощренные потребители простран-

[5] “Сервис-клиентский подход” основан на внедрении практик делового администрирования в систему публичного управления, органы местного самоуправления рассматриваются как агентства по оказанию услуг населению – клиентам.

ства" [Kotkin 2000]. Анализ этих неэкономических реалий может во многом объяснить, почему при сравнимых исходных экономических возможностях в рамках одного политико-правового режима появляются динамично развивающиеся *пространства развития* и стагнирующие *территории неразвития*. Такие размежевания наблюдаются на уровне наднациональных политий (ЕС), национальных государств и даже отдельных политико-административных единиц в их составе.

Пространство развития рассматривается авторами как интерсубъективная социальная и политическая реальность, в которой носители разных идентичностей взаимодействуют вокруг реализации согласованных приоритетов развития.

К "сельским исследованиям" в полной мере может быть отнесен вывод, сделанный учеными Института социологии РАН, реализовавшими проект изучения малых городов в социальном пространстве России. Они полагают, что современные трансформации обусловливают сложность развития местных социумов и неопределенность складывающихся в них социальных ситуаций, что предполагает поиск в каждом конкретном случае сочетания различных методологических подходов и методико-инструментальных техник. Эти подходы и техники складываются в рамках междисциплинарных научных исследований, направленных на преодоление дисциплинарной односторонности, связанной с изучением местных сообществ [Малые города... 2019: 11].

Ключевую задачу авторский коллектив настоящего исследования видел в соединении возможностей теоретических подходов политики развития и эмпирических методов изучения социальной реальности для выявления ресурсов развития сельских сообществ, в частности, возможностей и ограничений политики идентичности. Авторы шли по пути интеграции методов политического анализа в изучение социальных процессов, характерных для сельских территорий России. Краснодарский край[6] был выбран для эмпирического исследования прежде всего потому, что в этом регионе ярко, разносторонне и в то же время противоречиво проявляются процессы, характерные для всех негородских территорий России.

В качестве эмпирических объектов выступили муниципальные образования двух уровней: муниципальные районы и отдельные поселения. Отбор объектов полевого исследования (муниципальных образований) проходил двухступенчатым способом. На первом этапе отбирались муниципальные образования (районы) Краснодарского края на основе двух критериев: 1) достигнутого уровня развития местных сообществ по результатам интегральной оценки потенциала и вектора социально-экономического развития, основанной на таксонометрическом методе экономического анализа; 2) пространственного разделения региона на профильные экономические зоны (согласно "Стратегии

[6] Бренд региона как "житницы России" имеет объективные основания: Краснодарский край занимает ведущее место по переработке сельскохозяйственной продукции и поставкам продовольствия в промышленные центры страны. Численность постоянного населения Кубани на 1 июня 2019 г. составила 5,65 млн человек, из которых 2,53 млн человек (44,7%) – сельские жители. Кубань отличает высокая степень культурно-национального многообразия: здесь проживают представители более 120 этнических общностей, включающих население коренное (старожильческое) и появившееся на Кубани в результате миграционных процессов преимущественно в XX в. Край входит в число российских регионов, наиболее привлекательных для внутренней миграции. Здесь высока предпринимательская активность, жив предпринимательский дух. Жизненные ценности населения отличает устойчивое сочетание традиционализма и инновационности.

социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года"[7]). В соответствии с указанными критериями первая ступень отбора в выборке включала четыре муниципальных образования:

— *Тимашевский район* (развивающиеся местные сообщества с повышающимися темпами экономического роста в Центральной экономической зоне);

— *Темрюкский район* (развивающиеся местные сообщества с понижающимися темпами роста в Черноморской экономической зоне);

— *Крыловской район* (регрессирующие местные сообщества с замедляющимися темпами регресса в Северной экономической зоне);

— *Апшеронский район* (регрессирующие местные сообщества с увеличивающимися темпами регресса в Предгорной экономической зоне).

Второй ступенью отбора было определение внутри муниципального образования (района) поселений, имеющих полярные показатели социально-экономического развития. Метод бинарных сравнений использовался в каждом из муниципальных районов, объектами сравнения становились сельские поселения, имеющие отчасти сходные стартовые условия, но занимающие противоположные позиции на шкале социально-экономического благополучия. Наряду с данными социально-экономической статистики авторы использовали оценки экспертов, которым предлагалось назвать самое благополучное и самое неблагополучное сельское поселение в районе.

В рамках качественного исследования авторы сосредоточили внимание на решении исследовательского вопроса: каково влияние ресурсных характеристик локальной идентичности и политики идентичности на развитие сельских территорий?

Методика эмпирического исследования локальной идентичности и политики идентичности в сельских поселениях основывалась на совокупности таких методик социологического анализа, как фокус-групповая дискуссия, экспертный опрос в форме полуструктурированных интервью и последующей политологической интерпретации результатов. Нас интересовала не только степень сформированности локальной идентичности, но и степень структурированности политики идентичности, роль различных субъектов в ее продвижении, влияние последней на развитие сельских поселений, на образы будущего. Всего в муниципальных районах было проведено 8 фокус-групповых интервью. В социологический инструментарий фокус-группы была интегрирована методика проективного рисунка "Моя станица в будущем" для выявления коллективного субъективного образа "будущего" сельской местности в глазах ее жителей по схеме "что было – что будет". Экспертный опрос позволил верифицировать данные, полученные в результате фокус-групповых интервью, и получить экспертное мнение относительно эффективности политики идентичности на локальном уровне. В каждом муниципальном районе было опрошено по 10 экспертов (всего 40 человек); в качестве экспертов выступили руководители органов местного самоуправления, работники учреждений культуры (музеи, библиотеки, дома культуры), учителя истории, обществознания и кубановедения, представители муниципальных СМИ и местного бизнеса. Эмпирические данные (транскрипты), полученные в результате

[7] См. Закон Краснодарского края "О стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года" от 11.12.2018. URL: https://economy.krasnodar.ru/strategic-planning/files/Strategiia_2030.pdf (accessed 14.03.2020).

фокус-групповых дискуссий и экспертного опроса, были проанализированы и интерпретированы на основе качественной стратегии с использованием методики бинарных сравнений[8], позволяющих классифицировать локальные идентичности и найти объяснения взаимосвязи и взаимовлияния политики идентичности и векторов развития сельских поселений.

КОМПОЗИТНАЯ МОДЕЛЬ И МАТРИЦА ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Анализ данных, полученных авторами в рамках полевого исследования, позволил выделить типичные маркеры локальной идентичности, присутствующие в том или ином объеме и соотношении в исследуемых локальных сообществах, и на этом основании оценить нематериальные ресурсы их развития, качество социального капитала сообщества.

По результатам анализа и интерпретации данных авторы предложили композитную модель[9] идентичности локальных сообществ, содержащую набор следующих типичных маркеров:

– малая Родина – место рождения (“*Теплое сердце, дорогое место, куда возвращаешься снова и снова”, “Место, где родился, вырос, где твои корни”; “Желание остаться здесь, оно никогда не покидает нас; где бы ни были, мы все равно возвращаемся сюда”);*

– особенности ландшафта и климата *(“Здесь море, рыбалка, вино вкусное, тепло, зимы мягкие”; “Не зря мы говорим, что здесь не три, а то и пять морей: море солнца, море улыбок, море вина”; “У нас есть там поле большое… и вот белая круча, ее отсюда видно, если будете ехать; вот для меня, я уже 15 лет живу, и вот красиво, не надоедает это; вот выходишь и думаешь, какая природа красивая”);*

– экономическая специализация и уровень социально-экономического развития *(“Принципиальное отличие, наверное, все-таки наши октябрьские саженцы; они известны не только по району, но и по всему краю; потому что в каждый двор можно зайти, и там будут розы, декоративные растения, и такой перечень, что мы и сами не знаем, что это такое у соседей, ходим и спрашиваем”);*

– реальные или приписываемые черты коллективного поведения (“*Отзывчивые люди, которые рады всегда принять гостей”; “Можно даже детей спокойно отпустить погулять, это очень много значит”; “Люди здесь очень хорошие, добрые, отзывчивые; нет зависти, люди адекватные, все друг друга знаем, здороваемся”);*

– исторические события, значимые люди *(“История, история настолько богатейшая; вот, здесь прошли ну все, кто когда-либо касался России”; “Сохранение традиций казачьего быта, это проведение свадеб, встречи ребенка – это обязательно чтится”);*

– локальная мифология, структура которой включает такие значимые смысловые конструкты, как миф основания, миф о культурном герое, миф

[8] Были определены следующие объекты бинарных сравнений: Апшеронский район – станицы Кубанская и Куринская, Крыловской район – станицы Октябрьская и Кугоейская, Темрюкский район – станицы Голубицкая и Курчанская, Тимашевский район – станицы Медведовская и хутор Беднягин.

[9] Авторы решили назвать модель композитной, заимствовав термин из естественных наук. Композитом называется неоднородный сплошной материал, состоящий из двух и более компонентов, среди которых выделяются армирующие элементы, обеспечивающие необходимые характеристики материала. Введение в политологический текст данной метафоры представляется вполне оправданным ввиду сущностной близости характеристик и является распространенной в социально-гуманитарных науках практикой.

о "золотом веке" советского времени *("Не зря мы говорим, что здесь не три, а то и пять морей..."; "Синеговские сады – почему называются так? В память об одной из первых казачьих семей, основателей станицы"; "От Ростова до Тихорецка все поезда останавливались, когда заправляли водой, потому что самая чистая вода была; на перроне бизнес процветал в то время, так как много было поездов, все останавливались")*.

При конструировании локальной идентичности актуализируется один из ее маркеров, который выделяется как доминирующий, тогда как остальным маркерам приписываются вспомогательные и/или латентные функции. В ряду доминирующих маркеров идентичности местных сообществ в исследуемых сельских поселениях Краснодарского края были выделены:

– экономическая специализация (станица Октябрьская Крыловского района, станица Голубицкая Темрюкского района);

– исторические события и факты (станица Куринская Апшеронского района, хутор Беднягин Тимашевского района);

– природно-ландшафтные ресурсы и экология (станица Кугоейская Крыловского района, станица Курчанская Темрюкского района);

– особый характер коллективного поведения (станица Кубанская Апшеронского района);

– фрагментация локального социального пространства (станица Медведовская Тимашевского района).

Для построения матрицы локальной идентичности, помимо критерия доминантного маркера, мы использовали критерии темпоральной ориентации и вовлеченности жителей. Их выбор обусловлен ключевой задачей исследования – *выявить взаимосвязь и взаимовлияние политики идентичности и политики развития*. Локальную идентичность в различных станицах отличает разная темпоральная ориентация. Там, где она является перспективной, участники фокус-групповых интервью и эксперты много и охотно говорили о планах на будущее, конкретных проектах развития поселений, связывали с ними будущее своих детей. Проективные рисунки в этом случае отличаются как выбором яркой цветовой гаммы, так и изображением разделяемого общего образа будущего (например, в станице Октябрьской, где реализуется проект строительства большого парка со спортивным комплексом, почти все участники этот комплекс изобразили).

В случае ретроспективной ориентации локальной идентичности чувство привязанности к своей станице связано с переживанием утраченного прошлого, прежде всего советского: "*В колхозе у нас 'Октябрь', я вам сейчас точно скажу, у нас было водителей 110 человек. На машинах ездили в Тюмень и везде, были работы людям. Представляете? 110 водителей! Дальше. Взять элеватор. Крупнейший у нас элеватор, людей сколько там работало. Это как я, ну как, молодой специалист приехала, видела это все... И все это (на всех хуторах было) постепенно загнивало, уничтожалось. Все...". "Я с детства здесь. Мои родители приехали сюда из Ростова, а вообще их привезли еще деды, когда лесокомбинаты были. С Ивановской, Владимирской области они приезжали. Потому что, когда лесокомбинаты работали, здесь же и квартиры выдавали, и работа была, гремело все. Это сейчас все затихло"*. Люди старшего возраста с ностальгией вспоминают о работавших предприятиях и домах культуры, о социальных гарантиях. Эти нотки были достаточно сильны

и в станицах с перспективной темпоральной ориентацией[10]. Символической демонстрацией отсутствия перспективы в одной из станиц стал рисунок "Моя станица через 10 лет", на котором автор изобразил пустыню и верблюда.

Критерий вовлеченности населения в процессы развития необходим как важный показатель субъектности местного сообщества. Последняя проявляется в способности артикулировать, аккумулировать свои интересы и находить институциональные решения проблем территории. Мы выделили такие виды вовлеченности, как позитивная, абсентеистская и смешанная. На основе интерпретации результатов эмпирического исследования и комбинаций трех вышеназванных критериев авторами предложена матрица локальной идентичности.

Таблица (Table)

Критериальная матрица локальной идентичности
Criteria Matrix of Local Identity

Станица (показатели ее социально-экономического развития в районе)	Доминантный маркер	Темпоральная ориентация	Вовлеченность
Октябрьская, Крыловский район (высокие)	Экономическая специализация	Перспективная	Позитивная
Кугоейская, Крыловский район (низкие)	Природно-ландшафтные ресурсы и экология	Ретроспективная	Абсентеистская
Куринская, Апшеронский район (низкие)	Исторические события и факты	Ретроспективная	Позитивная
Кубанская, Апшеронский район (высокие)	Коллективное поведение	Перспективная	Позитивная
Медведовская, Тимашевский район (высокие)	Фрагментация локального социального пространства	Ретроспективная	Смешанная
Беднягин (Кубанец), Тимашевский район (низкие)	Исторические события и факты	Ретроспективная	Смешанная
Голубицкая, Темрюкский район (высокие)	Экономическая специализация	Перспективная	Позитивная
Курчанская, Темрюкский район (низкие)	Природно-ландшафтные ресурсы и экология	Ретроспективная	Смешанная

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕЛЬСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Под *политикой идентичности* в контексте данного исследования мы понимаем комплекс мер, проводимых различными субъектами политики и направленных на формирование чувства принадлежности к местному сообществу, готовности содействовать его развитию. Политологическая интерпретация эмпирических данных позволила создать объяснительную модель политики идентичности на локальном уровне, включающую субъекты и институциональные механизмы интеграции политики идентичности в проекты развития сельских территорий.

[10] На тотальную ретроспективную ориентацию обратила внимание социолог О. Бредникова, которая заметила, какие именно явления "сельского уклада" понимаются сегодня как "тени" минувшего. Например, ориентация в пространстве сопровождается метками "бывший детский сад", "бывший клуб" и т.д. "Будущее же для сельских жителей существует лишь за пределами деревни" [Вдали от городов... 2013: 48].

Исследуемые сельские поселения демонстрируют модели сетевого взаимодействия субъектов местных сообществ, вовлекаемых в политику идентичности на основе разнообразных институциональных механизмов. Результаты эмпирического исследования показали, что в станицах существуют различные модели политики идентичности, основанные на актуализации нескольких институциональных механизмов. Например, в станице Октябрьской Крыловского района позитивная локальная идентичность местного сообщества с ярко выраженной субъектной позицией бизнес-элиты и предпринимательских структур является устойчивым ресурсом развития данной территории. Пример станицы Куринской Апшеронского района показал, что местное сообщество может быть интегрированным, иметь опыт вовлечения разных групп населения в политику памяти, но при этом ярко выраженную ретроспективную ориентацию, не позволяющую выявить наличные ресурсы и осмыслить перспективы развития. Напротив, пример станицы Кубанской того же района представляет собой, по сути, нормативную модель местного сообщества с позитивно окрашенной четко выраженной локальной идентичностью в сочетании с установкой местных жителей на совместную социально-преобразовательную активность.

Основными факторами, которые влияют на полноту субъектности *органов местного самоуправления* (советов депутатов и глав администрации станиц), являются инициируемые "сверху" неоднократное административно-территориальное переподчинение населенных пунктов и непродуманная кадровая политика. Нередки ситуации, когда "сверху" главами поселений назначаются управленцы, слабо связанные или вообще не связанные с территориями – в одной из станиц таких назвали "легионерами". "Легионеры" формируют клиентелу руководителя района и ставят во главу угла своей деятельности лояльность патрону, а отнюдь не потребности местного сообщества.

О том, какую позитивную роль может играть фактор лидерства и преемственности, красноречиво говорит опыт станицы Кубанской Апшеронского района. Глава поселения, Иван Михайлович Триполец, занимает свой пост с 2002 г., четыре раза выигрывал выборы. Его команда, обеспечивая успешное развитие станицы, ориентируется на будущее, сохраняет преемственность и использует опыт предыдущих поколений. Показательны примеры личных жизненных траекторий "старожилов"[11]. Емельянов Николай Иванович, 82-х лет, проработав главой сельской администрации более 25 лет, возглавил Совет ветеранов Кубанского сельского поселения: *"он знает все ходы-выходы в Краснодарском крае, все учреждения"*. Ковтун Анатолий Иванович, 72-х лет, "*...имея опыт народного депутата Верховного Совета Киргизии в советские годы, ...я не мог не вести активный образ жизни: 3 срока, то есть 15 лет был председателем совета Кубанского сельского поселения. В настоящее время не желаю оставаться в стороне, продолжаю работать...*".

[11] Такие случаи – это отнюдь не уникальный ресурс изучаемого нами региона. Важность фактора лидерства подчеркивает пример возвращения к жизни уральской деревни Малый Турыш. Выпускница МГУ Гузель Санжапова вернулась в деревню, где живет ее семья, смогла развить успешный бизнес, реализовать краудфандинговый проект в его поддержку и теперь занимается сооружением общественного центра. В одном из интервью Г. Санжапова сказала: "Если раньше я считала, что мой бизнес про мед, то сейчас понимаю – нет, он про развитие территории" (Санжапова Г. 2019. Как мед с ягодами помогает развивать деревню. – *РБК-Бизнес*. 23.12. URL: https://www.rbc.ru/business/23/12/2019/5dfcce759a7947b97de75778 (accessed 14.03.2020)).

Бизнес реализует субъектную позицию как в партнерстве с органами местного самоуправления (в станицах Октябрьской, Куринской, Кубанской), так и дистанцируясь от них (станица Медведовская). Основанием локальной идентичности в станице Октябрьской является причастность местного населения, в том числе и активных предпринимателей, к разведению и продаже саженцев плодово-ягодных и декоративных растений, к проекту "Октябрьские саженцы". В рамках этого проекта происходит информационный и материальный обмен "новинками" растениеводства, продвижение продукции в сетевых платформах, проводятся мастер-классы по ландшафтному дизайну декоративных растений, продвижение продукции в сетевых платформах и т.д. Практически все семьи, проживающие на территории этой станицы, вовлечены в тепличную и питомниководческую деятельность, которая в структуре местной экономики приобретает формы индивидуального предпринимательства или личных подсобных хозяйств. Сообщество производителей саженцев, по словам участников фокус-группы, продвигает "октябрьские саженцы" не только в пределах района, но по всему краю. Экономическая специализация прослеживается в образе жизни, природном и социокультурном ландшафте сельского поселения. Станица Октябрьская "утопает" в розах и декоративных растениях, практически у каждого домовладения установлены стационарные вывески с перечнем предлагаемых саженцев. Дни станицы сопровождаются конкурсами ландшафтного дизайна домовладений.

Активными субъектами политики идентичности выступают *общественные организации и движения* самой разной направленности: от традиционных советов ветеранов и квартальных комитетов до уникальных организаций, таких как сообщества потомков первых переселенцев в одной из станиц. Они не только участвуют в общестаничных акциях (праздники, субботники и др.), но и ведут свою инициативную деятельность, включающую различные механизмы формирования локальной идентичности. Примером может служить поисковый отряд "Высота" в станице Куринской. Благодаря работе сельских поисковиков около двух тысяч павших в окрестностях станицы советских воинов были похоронены с почестями, более 800 семей узнали о месте гибели своих близких.

Структура процесса формирования локальной идентичности была бы неполной без *церкви* как актора этого процесса. В изучаемых станицах мы наблюдали разные ситуации взаимодействия органов местного самоуправления с настоятелями сельских приходов, от полной включенности батюшки во все мероприятия станичной общественности до его отстраненности. Наверное, самый впечатляющий пример – это публичное пространство станицы Кубанской, организованное вокруг Свято-Троицкой церкви. Жители с гордостью сообщают, что храм, возведенный в 1874 г., практически сразу после окончания военных действий русско-турецкой войны, является старейшим в предгорной зоне края. Его настоятель, отец Николай, признанный селянами моральный авторитет, всегда в центре общественных событий. В публичном пространстве вокруг храма находятся сквер, школа (располагается в сохраняемом и ухоженном помещении казачьей школы начала XX в.), футбольное поле и спортивные площадки с самым современным покрытием.

Но все же не будет преувеличением сказать, что основными субъектами, "коренниками" политики идентичности выступают *культурно-просветительские сети*, объединяющие школы и учреждения культуры – дома культуры,

музеи, библиотеки. В разных станицах их материально-техническая база отличается, но преданность делу и самоотверженный труд работников сферы культуры и образования, сохраняющих и передающих культурные ценности и традиции, показательны везде. В станице Кубанской библиотека получает грантовую поддержку, располагается в хорошем благоустроенном здании, а в станице Медведовской она находится в неотапливаемом Доме культуры – но в обоих случаях библиотекари действительно являются хранителями локальной идентичности. Правда, в первом случае библиотека располагает оцифрованными материалами об основателях станицы и династиях первых поселенцев, а во втором – коллекциями уже пожелтевших от времени газетных вырезок и альбомов.

Из существующих в степных и предгорных станицах *музеев* только один, музей Ю.В. Кондратюка в станице Октябрьской, имеет официальный статус и небольшой штат сотрудников. В основном музейная деятельность представлена школьными музеями, экспозиции которых отражают две главных темы: казачество и казачий быт и события Великой Отечественной войны. В школе станицы Куринской музей "живой", пополняется свежими экспонатами, школьники считают за честь быть общественными экскурсоводами. А школьный музей в станице Кугоейской, хоть и имеет ряд ценных исторических экспонатов, производит удручающее впечатление. Основные стенды выполнены в конце 1960-х – начале 1970-х годов, судя по стилистике графического дизайна и идеологемам в тексте. По состоянию и активности музея можно судить о том, насколько важны ресурсы политики памяти в формировании локальной идентичности.

В ходе исследования была обоснована *типология политик идентичности* на локальном уровне (реактивная, проактивная и активная), характеризующиеся степенью вовлеченности различных субъектов в развитие сельских территорий и системностью мероприятий, связанных со стратегическими приоритетами развития. Реактивная политика идентичности характеризуется отсутствием выработанной стратегии развития местных сообществ и ситуативным включением отдельных субъектов политики идентичности в мероприятия, инициированные извне и способствующие актуализации локальной идентичности. Проактивная политика идентичности представляет собой набор разрозненных мер, основанных на включенности ряда субъектов и институциональных механизмов, но не имеющих общей стратегии и инклюзии в проекты развития территорий. Активная политика идентичности включает в себя восприятие субъектами и местным сообществом локальной идентичности как ценности и ресурса развития, имеется стратегия и ее институциональное воплощение; политика идентичности дифференцирована по направлениям и является неотъемлемым компонентом разработки и реализации стратегии развития муниципальных образований.

Косвенным показателем развития/неразвития сельских поселений является численность детей и молодежи в структуре населения. В развивающихся сельских поселениях школы вынуждены переходить на двухсменную работу, нанимать новых учителей, увеличивать количество "параллельных" классов. И, напротив, в депрессивной станице в школе, рассчитанной на 420 человек, учится 160. Мотивация молодежи, оставшейся после получения образования в родной станице, разная. В целом наши наблюдения совпадают с вывода-

ми питерских социологов, сделанными по итогам исследования локальной идентичности сельской молодежи в Ленинградской области: существуют три типа предпосылок, конституирующих локальные идентичности молодежи – рациональный выбор, биографическая связность и социальная укорененность [Nartova, Krupets 2019].

Молодые люди составляли четверть участников фокус-групп, и они достаточно четко формулировали плюсы и минусы своей жизни на селе. Минусы: плохо с работой, многие кормильцы семьи работают вахтовым методом в Сибири или ищут работу в ближних городах края; недостаточно развита досуговая инфраструктура. Плюсы: включенность в систему родственных и соседских связей, которая всегда позволяет "оставаться на плаву", чистая окружающая среда и безопасность, здоровая морально-психологическая среда для воспитания детей.

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В КУБАНСКИХ СТАНИЦАХ

Основными институциональными механизмами политики идентичности на локальном уровне являются символическая политика и политика памяти. Значимые в методологическом плане выводы о роли символической политики в конструировании идентичности были сформулированы в работах О.Ю. Малиновой, Г.В. Пушкаревой [Малинова 2017; Пушкарева 2017]. Авторы разделяют "широкое"[12] понимание символической политики, ориентирующее на изучение совокупности действий коллективных акторов и механизмов, обусловливающих результаты такового взаимодействия [Малинова 2017: 659].

Символическая политика формирует локальную идентичность, используя символы разного происхождения, имеющие смыслообразующее значение для конкретного территориального сообщества. В качестве официальных символов в наших станицах используются гербы. К примеру, герб станицы Куринской вобрал в себя все значимые для станичников символы: зелень кавказского предгорья, синеву реки, знак Куринского казачьего полка, основавшего станицу, колесо паровоза (значительная часть населения работает на железной дороге).

Интересны и неофициальные символы, о значении которых говорили респонденты. Таковыми могут быть: архитектурные памятники (администрация Медведовского сельского поселения располагается в красивом здании бывшей женской казачьей школы); публичные пространства ("Военная горка" в Темрюкском районе); места паломничества (святой источник Илии-пророка в окрестностях станицы Куринской); природные символы (розы в станице Октябрьской, Белые скалы в станице Куринской).

Особую роль в политике идентичности играют персонализированные символы-идентификаторы. Для станицы Октябрьской это ученый Юрий Васильевич Кондратюк, один из пионеров разработки основ космонавтики, имя которого по праву стоит в одном ряду с именами таких выдающихся ученых, как К.Э. Циолковский, Н.И. Кибальчич, Ф.А. Цандер, С.П. Королев. Ю.В. Кондратюк именно в период своей работы на Кубани рассчитал оптимальную траекторию полета к Луне. Эти расчеты были использованы NASA

[12] "Узкое" понимание символической политики предполагает целенаправленное конструирование смыслов элитами в расчете на манипуляцию сознанием масс.

в лунной программе “Аполлон”. Предложенная ученым траектория была впоследствии названа “трассой Кондратюка”. А на своего потенциального персонализированного идентификатора, Виталия Мутко, уроженца станицы Куринской, люди в обиде: не желает государственный муж знаться с представителями своей “малой Родины”, даже награду не принял *(“бывший министр спорта Мутко у нас проживал. Наш, куринский. В сейфе до сих пор лежит лента почетного гражданина Куринской”)*.

Большую роль в символической политике играет увековечивание героев Великой Отечественной войны и героев труда, присвоение их имен местным школам. Важен тот факт, что речь идет о героях, имеющих непосредственное отношение к конкретному сельскому поселению. В Октябрьской, к примеру, одна из школ носит имя знаменитого комбайнера, и благодаря его примеру у детей воспитывается уважение к сельскому труду.

Политика памяти является инструментом консолидации местного сообщества на всех его поколенческих и иных социальных уровнях. Зачастую именно на поле прошлого выстраиваются образы будущего. Авторы использовали концепт коллективной (исторической) памяти, разработанный французским философом и социальным психологом М. Хальбваксом, основная идея которого заключается в том, что носитель всякой коллективной памяти – это “группа, ограниченная в пространстве и во времени” [Хальбвакс 2005]. В нашем исследовании это территориальная группа – жители сельского поселения.

Политика памяти тесно связана с мифами основания. Все станицы, вошедшие в круг наших исследовательских интересов, были основаны казаками. Мифы основания поддерживаются топонимикой: Куринская получила имя по казачьему полку, хутор Беднягин основан казачьим полковником Беднягиным, Синеговские сады в окрестностях Куринской тоже напоминают о человеке, который их заложил. Материализованными следами мифа основания являются хаты первых переселенцев, сохраняемые в ряде станиц, и поразивший нас кованый сундук первого переселенца, сохраняемый как важный символ в администрации Кубанского сельского поселения Апшеронского района. Большую роль в сохранении исторической памяти играют казачьи общества, действующие в станицах.

Особое место в политике памяти занимает сохранение памяти о Великой Отечественной войне. Интегрирующим основанием для локальной идентичности местных жителей станицы Куринской стала идентификация с событиями Великой Отечественной войны, в период которой на территории сельского поселения шли тяжелые бои. Все символические места, большинство названий географических объектов и улиц, а также ключевые мероприятия связаны с оборонительными боями осени 1942 г. Администрация сельского поселения, учителя и ученики, местный поисковый отряд, казачество станицы вовлечены в деятельность по поиску и захоронению погибших солдат, уходу за памятниками, организуют краеведческие экспедиции по местам боев и мероприятия памятных дат с привлечением близких и родственников участников военных действий. Инициатором и идейным вдохновителем местного патриотического движения стала Елена Павловна Георгиевская, бывший учитель. Она не только содержательно выстроила концепцию музея поселения, но и наполнила его экспонатами и “живыми” историями людей того времени, отзывами их потомков.

В то же время такие исторические события прошлого века, как Первая мировая война, революция 1917 г. и гражданская война, не отражены в исторической памяти населения сколько-нибудь значимыми метками. Это удивительно, потому что население станиц, казачье в своей основе, являлось активным участником данных событий. Всего в Первую мировую было мобилизовано 110 тыс. казаков Кубанского казачьего войска. Гражданская война на Кубани, по оценкам историков, продолжалась до 1922 г. и сопровождалась необычайной жестокостью братоубийственного противоборства. Одна из изучаемых в проекте станиц, Медведовская, в период голода 1932-1933 г. была занесена на так называемую черную доску, блокирована войсками за "саботаж хлебозаготовок". Органами ОГПУ с ноября 1932 по март 1933 гг. было арестовано 1 013 человек, из них расстреляно 158 человек. В январе 1933 г. оставшиеся в живых станичники, более 4 тыс. человек, были в полном составе выселены в северные районы СССР. В оставленные дома привезли в организованном порядке военнослужащих из других областей страны. Потомков тех, выселенных, семей в станице сейчас проживает немного. Этот трагический эпизод практически не зафиксирован как значимый в памяти наших собеседников, на прямой вопрос о голоде 1932-1933 гг. и выселении станицы респонденты отвечали неохотно – мол, давно это было и быльем поросло. И даже текст на скромном обелиске в память тех событий мало что говорит непосвященному человеку: "В память о павших в 30-е годы 20 века православных казаках станицы Медведовской". Такие глубинные разрывы исторической памяти можно объяснить и нежеланием осмысливать "неудобные" факты истории, и влиянием существующих в современном информационном поле тематических приоритетов на публичный дискурс и на восприятие людьми исторического прошлого.

СЕЛЬСКИЕ СООБЩЕСТВА: КТО ЗДЕСЬ ДРУГОЙ/ЧУЖОЙ?

Город как Другой по отношению к селу традиционно рассматривался и в научной литературе, и в массовой культуре как ключевой маркер сельской идентичности. Но и само "село" позиционирует себя как Другой по отношению к городу, отстаивает свою особость в рамках "борьбы за идентичность". "Безусловно, граница между городом и деревней производится двусторонне. Существует своего рода диалог, в ходе которого вырабатываются конвенциональные социальные значения и смыслы, приписываемые городу и деревне" [Вдали от городов... 2013: 29]. Однако такое противополагание "города" "селу" – это наследие эпохи урбанизации, которая еще несколько десятилетий назад трактовалась в социальных науках как линейный и однонаправленный процесс вытеснения сельских реалий городскими. Сегодня многие работающие в этом поле исследователи сельских реалий критикуют такое противопоставление за бессодержательность в современном контексте информационного общества и новых сетевых пространств, в которых стираются "старые" границы и размежевания и появляются новые [Woods 2011; Dymitrow 2018].

Наше эмпирическое исследование показало, что роль Других/Чужих в глазах сельских жителей отводится отнюдь не горожанам. Мы столкнулись с несколькими вариантами актуализации оппозиции "мы – они", имеющими разнообразные основания. Для жителей станицы Октябрьской, чья идентичность "сцементирована" общей предпринимательской деятельностью, чужими являются производители саженцев из Крыма, которые *"перебивают*

товар саженистов ценами" и предлагаемым разнообразным и в большом объеме ассортиментом. Для станицы Куринской – это жители экологического поселения, обосновавшиеся в горах недалеко от станицы *("...их там все больше и больше становится; круглые дома строят; живут очень обособленно..."; "Первоначально, они хотели влезть в жизнь поселка; вешали объявления, что мы вам покажем, как нужно пить лечебный чай и как надо питаться сырыми грибами; мы просто сотрудников ФСБ вызвали и все...")*. Удивительную ситуацию мы наблюдали в станице Медведовской, жители которой в советское время работали в двух крупных и успешных совхозах. Совхозов давно уже нет, а идентификация двух частей станицы с тем прежним размежеванием (и чувство конкуренции, а иногда и зависти) остается.

Отдельный вопрос – отношение к инокультурным мигрантам. В Октябрьской мы столкнулись с ситуацией взаимного неприятия и высокого уровня конфликтогенности в отношениях между местным населением и цыганской общиной ("*Ну те, кто давно живет, не очень довольны цыганами. Они ведут себя не очень хорошо: ходят, попрошайничают по дворам, могут открыть калитку и пройти в дом"; "не работают, а ведут себя вообще вызывающе; вот, допустим, придут в храм, я сам наблюдал, уже батюшка не выдерживает, когда приносят святить паски*[13] *там или фрукты, овощи: они мешками приносят и ведут себя вызывающе, разговаривают на своем языке, перебивают")*. Противоположная ситуация в станице Кубанской: в структуре многонационального населения около 30% – это представители мусульманской диаспоры, которая также неоднородна по своему составу (турки-месхетинцы, курды, езиды, хемшилы, азербайджанцы и др.). Миграционные потоки были обусловлены потребностью станицы в сезонных рабочих, которые привлекались к сельскохозяйственной деятельности предприятий станицы: *"Здесь работали, потом семьи привезли, потом родственники, естественно, поехали", "...народ был гостеприимный; человек переехал – ему и теленка отдали, молоко... все, что тебе надо, даст, кирпич привезут, вот такое население здесь... и вот мы пристроились, здесь и живем". "Обязательно проходит в станице ...фестиваль национальных культур". "Во время фестиваля каждая нация представляет свои блюда и проходит дегустация, в последнее время стали проводить дополнительно еще конкурсы того же сала". "Кто знает, что в Кубанской проводится день станицы, со всего района люди стекаются сюда"*. Иными словами, в Кубанской реализуется на практике *модель ответственного развития*, в которой моральные ценности, мотивация команды администрации и гражданская ответственность жителей являются неотъемлемыми компонентами управленческих практик.

Заключение

Очевидно, что включение в политическую повестку дня особых интересов сельских жителей является важной научной и политической задачей. Политическая наука в России может способствовать ее решению: необходимо преодолеть "урбаноцентричный" подход, актуализировать сами "сельские" исследования и сформировать системное видение проблем негородского развития, их политического, управленческого и ценностного измерений. Такой результат может быть достигнут путем использования методологических подходов разных сфер социогуманитарного знания – социологии и социальной

[13] Пасками (пасочками; *южно-российский диалектизм*) в станицах называют куличи.

психологии, экономики, социальной географии, культурной антропологии – как основы для политического анализа. В фокусе такого анализа должна быть оценка нематериальных ресурсов развития сельских сообществ и разработка соответствующих их потенциалу политико-управленческих практик.

Важными приоритетами являются изменение укоренившегося в российском общественном сознании отношения к селу и селянам, формирование образа села как источника живой традиции, а селян – как хранителей культурного и природного ландшафта, поддерживающим узнаваемые общезначимые маркеры национальной и региональной идентичности. Опыт таких стран, как Австрия и Великобритания, подтверждает, что позитивное восприятие села в общественном сознании тоже создает невидимые, но значимые стимулы развития.

Существует немало сел, деревень и станиц, сохранивших статус преуспевающих в постсоветский период[14]. Эти истории успеха нужно аккумулировать, внимательно изучать факторы, стимулирующие развитие. Субъекты развития (органы местного самоуправления, социальные группы, гражданские инициативы или отдельные личности), ставшие драйверами роста и социально-экономического благополучия сельских территорий, нуждаются в государственной поддержке – не только финансовой, но и информационной. Важно, что во многих селах, которые в полной мере демонстрируют "истории успеха", помимо выращивания и переработки аграрной продукции создается и развивается рынок услуг, ориентированный на символические ресурсы сельских поселений. На этом рынке встречаются не только такие распространенные услуги, как аграрный туризм, этнографические комплексы и музеи, экологические тропы, но и набирающие популярность онлайн-фермы, экскурсии по следам литературных и кинематографических героев, мастер-классы для детей и взрослых в местах народных промыслов. Тем самым закладывается основа для благополучия села в новых экономических условиях.

Наличие сформированной локальной идентичности позволяет сельским жителям осознать свои интересы, артикулировать их и искать пути политической институционализации интересов, включения их в общенациональную повестку дня. Не всегда выраженная локальная идентичность является ресурсом развития, и она может иметь ретроспективную темпоральную ориентацию. Но политика развития не может быть успешной без активной позиции селян, формируемой на основе локальной идентичности, без осознания себя как сообщества – субъекта развития территории. Все стратегии развития сельских территорий целесообразно разрабатывать и реализовывать с учетом этих факторов, а документы, раскрывающие стратегии, стоит дополнить разделом "Политика идентичности". В*и*дение проблемы – шаг к ее решению.

Ситуация Краснодарского края достаточно уникальна, но во многих проявлениях типична. Подходы и инструментарий, использованные в данном проекте, могут быть успешно применены учеными и практиками в других регионах при изучении как сельской, так и городской идентичности. Авторы надеются, что представленное исследование будет полезным для продвижения "сельской" проблематики в поле российской политической науки.

[14] Кейс села Средняя Елюзань Пензенской области изучен Л.В. Сагитовой [Сагитова 2012]. Примером динамичного развития с использованием символических ресурсов является село Сеп (Удмуртия), где большую известность получил созданный здесь по инициативе жителей и при поддержке бизнеса (Фонда Потанина) Народный Музей исчезнувших деревень (*Народный Музей исчезнувших деревень*. URL: https://business.google.com/website/nmid/ (accessed 14.02.2020)).

Проведенное исследование позволило эмпирически обосновать необходимость *соединения* в анализе политики развития *институционального и идентитарного измерений*, принципиально важного для понимания ее приоритетов и мотиваций. Осмысление политики идентичности как ресурса развития особенно важно для консолидации сельских сообществ как акторов политики развития. Как показало наше исследование, консолидация местного сообщества происходит здесь на основе сочетания экономических и неэкономических факторов, при том, что общественный дискурс (на политическом уровне в России артикуляция интересов сельских сообществ слаба) во многом определяет актуальные политико-управленческие приоритеты государственной политики.

Наши результаты свидетельствуют о том, что позитивная локальная идентичность населения с перспективной темпоральной ориентацией способствует формированию целого комплекса нематериальных ресурсов, в том числе символических, сетевых, организационно-управленческих и информационно-коммуникативных, а также разделяемых жителями ценностных ориентиров. В его основании находится локальная идентичность, и он может быть эффективно использован для проектирования развития сельских территорий. Современная ориентация государственного управления РФ на достижение национальных и региональных приоритетов на основе проектного подхода открывает новые возможности для формирования и развития сельских территорий с учетом их социально-экономических и культурных особенностей. В условиях актуализации экологических вызовов и важности поддержания баланса между природной и культурной средами обитания человека, что является условием поддержания достойного качества жизни, включенность в политику развития сельских территорий во многом определяет *перспективы политической стабильности* национальных сообществ, уровень *социального благополучия* и *моральный климат* в обществе.

Актуализация локальной идентичности как стратегического ресурса развитии территории будет способствовать переформатированию сложившейся системы политического представительства в РФ. Речь идет о появлении новых или реформировании существующих политических партий, способных аккумулировать и агрегировать потребности села и интересы селян, предлагать инновационные способы решения проблем сельских территорий на основе их ресурсного потенциала.

Изучение *политики развития* является осевым направлением в осмыслении политической реальности современного мира и перспектив его динамики. Местные сообщества – активно действующие на этом поле акторы. Оценка ресурсов и ограничений их деятельности имеет принципиально важное значение для разработки эффективных управленческих практик и для продвижения моделей *ответственного развития*, опирающихся на баланс материальных и нематериальных ресурсов. И для реализации политики идентичности, и для брендирования территории, и для продвижения новых, современно мыслящих кадров нужны материальные вложения. Но если экономические стратегии не опираются на социокультурные основания, "цементирующие" сообщество, все инвестиционные проекты будут всего лишь иллюстрацией слогана "Деньги на ветер!", и развитие сменится деградацией.

Конфликтное перераспределение более 30 полномочий между районными и поселенческими уровнями муниципальных образований, обусловленное скудостью бюджетов низового уровня, препятствует формированию ло-

кальных сообществ с устойчивой идентичностью. Политические проекты, связанные с еще одним перераспределением полномочий, вряд ли приведут к решению данной проблемы. Позитивной альтернативой может стать развитие межпоселенческого сотрудничества, институциональное закрепление прав сотрудничающих сторон и кооперация усилий соседских территорий для решения общих, типовых проблем.

Мы видим *ключевую задачу политической науки в формировании публичного дискурса*, соответствующего приоритетам развития сельских территорий, в налаживании механизмов обратной связи между экспертами и теми, кто является объектом исследований, в стимулировании вовлеченности местных сельских сообществ и целенаправленном продвижении их интересов в политическую повестку дня.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.05

IDENTITY POLICIES IN RURAL LOCAL COMMUNITY DEVELOPMENT IN RUSSIA

E.V. Morozova[1], I.V. Miroshnichenko[1], I.S. Semenenko[2]

[1]Kuban State University. Krasnodar, Russia

[2]Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

MOROZOVA, Elena Vasilievna, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, email: morozova_e@inbox.ru; **MIROSHNICHENKO, Inna Valerievna**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Public Policy and Public Administration Department, Kuban State University, email: mirinna78@mail.ru; **SEMENENKO, Irina Stanislavovna**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: semenenko@imemo.ru

Morozova E.V., Miroshnichenko I.V., Semenenko I.S. Identity Policies in Rural Local Community Development in Russia. – Polis. Political Studies. 2020. No. 3. P. 56-77. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Studies within the framework of the research project No. 19-011-31356 "Development of Rural Local Communities: The Potential of Identity Politics in the Context of the Heterogeneity of Socio-economic and Socio-cultural Space of a Region".

Received: 25.12.2019. Accepted: 04.03.2020

Abstract. The article substantiates the criteria for assessing the role of identity politics and the potential of identity policies in local community development. Identifying this potential is crucial for assessing the prospects of a paradigm shift in development policies in a changing world order. The emergence of new cleavages in contemporary societies – due to rapidly growing digital divides and disparities between territories – calls for a new development agenda for different levels of political governance. Attention to intangible resources and administrative priorities for the development of non-urban territories has been growing in political studies in recent years, particularly, in the context of "rural" studies across different regions of the world. As such, identity politics are considered an intangible resource, and include policies aimed at forming strong local identities to promote community development. This research is based on an empirical study conducted by the authors in Krasnodar Krai in 2019 (8 focus-group interviews and 40 expert interviews in 8 rural settlements). Drawing on empirical data several markers of rural local identity were detected and described, and an identity policy matrix relevant for local communities was constructed. The level of involvement by various actors and agencies in the development of rural territories, and the character of the development activities, were the main criteria applied to discern three types of identity policies which the authors describe as reactive, proactive, and active. Their potential in promoting the development of Russian rural territories was determined, taking into account the unique socio-cultural and natural-geographical landscape, the heterogeneity of the socio-economic and sociocultural space of Russian

regions, and the variety of institutional models of local community agency present in contemporary rural Russia. The authors advocate the promotion of "rural" (non-urban) studies in political science in Russia.

Keywords: rural local communities, non-urban territories, rural studies, development policy, intangible development resources, local identity, rural identity, identity politics, identity markers, Krasnodar Krai, Russia.

References

Cruickshank J., Lysgård H.K., Magnussen M.-L. 2009. The Logic of the Construction of Rural Politics: Political Discourses on Rurality in Norway. – *Geografiska Annaler. Series B. Human Geography*. Vol. 91. No. 1. P. 73-89.

Dymitrow M. 2018. Rural/Urban: Laying Bare the Controversy. – *Geographia Polonica*. Vol. 91. No. 4. P. 375-397. https://doi.org/10.7163/GPol.0126

Glenn T.J. 1986. Neighborhood and Sense of Community. – *Journal of Community Psychology*. Vol. 14. No. 4. P. 341-352. https://doi.org/10.1002/1520-6629(198610)14:4<341::AID-JCOP2290140403>3.0.CO;2-0

Handbook of Rural Studies. 2006. Ed. by P. Cloke, T. Marsden, P.H. Mooney. London, Thousand Oaks, CA: SAGE. 528 p. http://dx.doi.org/10.4135/9781848608016

Heller K. 1989.The Return to Community. – *American Journal of Community Psychology*. Vol. 17. No. 1. P. 1-15. https://doi.org/10.1007/BF00931199

Kotkin J. 2000. *The New Geography: How Digital Revolution is Reshaping the American Landscape*. New York: Random House. 242 p.

Leach B., Pini B. 2011. *Reshaping Gender and Class in Rural Spaces*. London, New York: Routledge. 266 p.

Lundgren A.S., Johansson A. 2017. Digital Rurality: Producing the Countryside in Online Struggles for Rural Survival. – *Journal of Rural Studies*. Vol. 51. No. 1. P. 73-82. https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2017.02.001

McMillan D.W. 1996. Sense of Community. – *Journal of Community Psychology*. Vol. 24. No. 4. P. 315-325. https://doi.org/10.1002/(SICI)1520-6629(199610)24:4<315::AID-JCOP2>3.0.CO;2-T

Nartova N.A., Krupets Y.N. 2019. 'It is Hard for Me to Live in the City': Local Identities and Place Attachment among Young Rural Russians. – *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 342-361. https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.17

Neal S. 2009. *Rural Identities. Ethnicity and Community in the Contemporary English Countryside*. Farnham: Ashgate. 170 p.

Nilsson B., Lundgren A.S. 2018. "For a Living Countryside": Political Rhetoric about Swedish Rural Areas. – *European Urban and Regional Studies*. Vol. 25. No. 1. P. 72-84. https://doi.org/10.1177/0969776416679216

The New Rural Paradigm: Policies and Governance. 2006. – *OECD*. Paris. URL: https://www.oecd.org/cfe/regional-policy/thenewruralparadigmpoliciesandgovernance.htm (accessed 25.03.2020).

Routledge International Handbook of Rural Studies. 2016. Ed. by M. Schusmith, D.L. Brown. London, New York: Routledge. 698 p.

Svendsen G.L.H. 2004. The Right to Development: Construction of a Non-Agriculturalist Discourse of Rurality in Denmark. – *Journal of Rural Studies*. Vol. 20. No. 1. P. 79-94. https://doi.org/10.1016/S0743-0167(03)00045-7

Woods M. 2011. *Rural*. London: Routledge. 340 p.

Filippov Yu.V., Avdeeva T.T. 2000. *Osnovy razvitiya mestnogo khozyaistva* [Foundations of Local Economy Development]. Moscow: Delo. 264 p. (In Russ.)

Filippov Yu.V., Avdeeva T.T., Lavrova T.G. 2013. *Teorii mestnogo ekonmicheskogo razvitiya* [Theories of Local Econmic Development]. Moscow: Prospekt. 130 p. (In Russ.)

Halbwachs M. 2005. La Mémoire collective. (Russ. ed.: Halbwachs M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'. – *Neprikosnovennyi zapas*. No. 2. P. 8-27). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html (accessed 25.03.2020).

Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia]. Ed. by I.S. Semenenko. 2017. Moscow: VES MIR. 992 p. (In Russ.)

Lyska A.G. 2013. The Concept of Building a Local Community in the Works of Foreign Scientists. – *Sociological Studies*. No. 7. P. 99-104. (In Russ.)

Malinova O.Yu. 2017. Simvolicheskaya politika [Symbolic Politics]. – *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: VES MIR. P. 655-660. (In Russ.)

Malye goroda v sotsial'nom prostranstve Rossii [Small Cities in the Social Space of Russia]. 2019. Ed. by V.V. Markin, M.F. Chernysh. Moscow: FCTAS RAS. 545 p. (In Russ.) https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019

Morozova E.V. 2018. Sel'skaya identichnost': politicheskii rakurs [Rural Identity: A Political Perspective]. – *Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoi poryadok. Materialy VIII Vserossiiskogo kongressa*

politologov. Moskva, 6-8 dekabrya 2018 goda [Development Policy, State and World Order. Materials of the VIII All-Russian Congress of Political Scientists. Moscow, December 6-8, 2018]. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunov, L.N. Timofeeva. Moscow: Aspect Press. P. 359. (In Russ.)

Nikiforova E. 2013. "Torgovtsy krasotoi": zametki o rebrendinge estonskoi derevni ["Beauty Traders": notes on rebranding of an Estonian village]. – *Vdali ot gorodov: Zhizn' postsovetskoi derevni* [Far from Cities: Life of the post-Soviet Village]. Ed. by E. Bogdanova, O. Brednikova. Saint Petersburg: Aletheia. P. 144-167. (In Russ.)

Pushkareva G.V. 2017. Simvolicheskie formy konstruirovaniya politicheskoi real'nosti [Symbolic Forms and Construction of Political Reality]. – *Simvolicheskaya politika. Vypusk 5. Politika identichnosti.* [Symbolic Politics. Vol. 5. Identity Politics]. Moscow: INION RAN. P. 61-80. (In Russ.)

Sagitova L.V. 2012. Traditional and New in Islam: Case Middle Yeluzan. – *Sociological Studies*. No. 2. P. 104-114. (In Russ.)

Semenenko I.S. 2019a. Horizons of Responsible Development: from Discourse to Governance. – *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 7-26. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02

Semenenko I.S. 2019b. The Rural Local Community in Development Policies in Europe: Discourse and Agency. – *South-Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 20. No. 3. P. 6-27. (In Russ.) https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-6-27

Smirnyagin L.V. 2016. Evolyutsiya mesta v khode "proizvodstva prostranstva" [The Evolution of Place in Context of the "Production of Space"]. – *Simvolicheskaya politika. Vypusk 4. Sotsial'noe konstruirovanie prostranstva* [Symbolic Politics. Vol. 4. Social Construction of Space]. Moscow: INION RAN. P. 84-105. (In Russ.)

Vdali ot gorodov: Zhizn' postsovetskoi derevni [Far from Cities: Life of the post-Soviet Village]. 2013. Ed. by E. Bogdanova, O. Brednikova. Saint Petersburg: Aletheia. 232 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Вдали от городов: Жизнь постсоветской деревни. 2013. Под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой. СПб: Алетейя. 232 с.

Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. 2017. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир. 992 с.

Лыска А.Г. 2013. Концепция строительства местного сообщества в работах зарубежных ученых. – *Социологические исследования*. № 7. С. 99-104.

Малинова О.Ю. 2017. Символическая политика. – *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир. С. 655-660.

Малые города в социальном пространстве России. 2019. Отв. ред. В.В. Маркин, М.Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН. 545 с. https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019

Морозова Е.В. 2018. Сельская идентичность: политический ракурс. – *Политика развития, государство и мировой порядок*. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов. Москва, 6-8 декабря 2018 г. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс. 359 с.

Никифорова Е. 2013. "Торговцы красотой": заметки о ребрендинге эстонской деревни. – *Вдали от городов: Жизнь постсоветской деревни*. Под ред. Е. Богдановой, О. Бредниковой. СПб: Алетейя. С. 144-167.

Пушкарева Г.В. 2017. Символические формы конструирования политической реальности. – *Символическая политика*. Выпуск 5. М.: ИНИОН РАН. С. 61-80.

Сагитова Л.В. 2012. Традиционное и новое в исламе: кейс Средняя Елюзань. – *Социологические исследования*. № 2. С. 104-114.

Семененко И.С. 2019a. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 7-26. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02

Семененко И.С. 2019b. Сельское местное сообщество в фокусе политики развития: научный дискурс и европейские политические реалии. – *Южно-российский журнал социальных наук*. Т. 20. № 3. С. 6-27. https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-6-27

Смирнягин Л.В. 2016. Эволюция места в ходе "производства пространства". – *Символическая политика*. Вып. 4. Социальное конструирование пространства. М.: ИНИОН РАН. С. 84-105.

Хальбвакс М. 2005. Коллективная и историческая память. – *Неприкосновенный запас*. № 2. С. 8-27. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html (accessed 25.03.2020).

Филиппов Ю.В., Авдеева Т.Т. 2000. *Основы развития* местного *хозяйства*. М.: Дело. 264 с.

Филиппов Ю.В., Авдеева Т.Т., Лаврова Т.Г. 2013. *Теории местного экономического развития*. М.: Проспект. 130 с.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.06

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ В ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКИХ РЕСПУБЛИК: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

М.В. Назукина

НАЗУКИНА Мария Викторовна, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук; доцент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, email: nazukina@mail.ru

Назукина М.В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ. – Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 78-92. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.06

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00810 А.

Статья поступила в редакцию: 07.05.2019. Принята к публикации: 23.09.2019

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-методологические аспекты проявления этничности и ее институционализации в региональной политике идентичности российских республик. Анализ подразумевает рассмотрение основополагающих аспектов включения этнического в политический курс, выделение индикаторов (маркеров) выраженности этничности в политике идентичности. Политика идентичности рассматривается в привязке к действиям государственных институтов как ключевым акторам политики идентичности, которые носят систематический и целенаправленный характер. Показано, что политика государства институционализирует этнические категории, которые помогают создавать или укреплять чувство “мы – они” и субъективные оценки в отношении этих категорий. На основе социально-конструктивистской методологии определено, что идентификация и институционализация являются связанными процессами, которые протекают одновременно и взаимно усиливают друг друга. Автор подчеркивает, что суть институционализации этничности в политике идентичности проявляется в укоренении этнических категорий в политическом процессе республик и выполнении ими роли поддержания, изменения региональных институциональных порядков. В соответствии с данным положением предлагается аналитическая модель, предполагающая выделение трех уровней процесса институционализации этничности в политике идентичности: нормативного, нарративно-мифологического и символического. Показано, что нормативный уровень связан с укоренением этнических категорий в политических институтах региона, что проявляется в нормативном закреплении этнического дискурса. Значимыми направлениями институционализации на данном уровне являются проявление этничности в нормативных документах, в распределении властных позиций, а также языковая политика, выражающая этнические преференции и др. Нарративно-мифологический уровень направлен на определение значимости этнических маркеров в дискурсе региональной исторической памяти и мифотворчестве. Символический уровень определяется как инкорпорирование этничности в символические атрибуты региона. При переходе к операционализации приводится обоснование использования набора индикаторов на каждом из уровней институционализации этничности, которые могут послужить основой для проведения эмпирических исследований и выделения характерных особенностей и закономерностей институционализации этничности в политике идентичности российских республик.

Ключевые слова: этничность, политика идентичности, институционализация, методология, национальные республики, Россия, политический порядок, сравнительный анализ.

ВВЕДЕНИЕ

Этничность тесным образом связана с властными отношениями и часто становится основанием для возникновения конфликтности в современном мире. Проблемы доступа к государственному управлению, регулирования языковой и образовательной политики, политического представительства и многие другие уже давно включают в себя вопрос справедливого обеспечения прав для различных этнических групп. Довольно часто на уровне принятия политических решений это предполагает выбор из спектра возможных таких инструментов как политика этнизации или поддержка культурного плюрализма и многообразия. Одновременно с преференциальной политикой, которая конструирует сообщество, на государственном и региональном уровнях проводится политика идентичности, направленная на формирование образов "мы – они". Вместе с тем исследовательский интерес к символическим аспектам инкорпорирования этничности в политический курс выражен сегодня заметно скромнее, нежели интерес к тематике прав этнических групп и эффективности институциональных механизмов языковой, культурной и образовательной политики. Таким образом, актуальной, но малоисследованной остается проблема комплексного анализа этничности как элемента политики идентичности, укореняющегося и становящегося неотъемлемой частью политического курса.

Еще одним свидетельством актуальности рассматриваемой проблемы является проблема совмещения дискурса этничности с дискурсом гражданской идентичности. Неслучайно в исследовательской литературе она характеризуется как "системный политический вызов для современного государства" [Семененко 2017b: 103]. Задача сочетания дифференцирующих политическую нацию этнических категорий с институтом гражданства стимулирует поиск исследовательских инструментов для включения этничности в число ресурсов развития и укрепления государства. Цель настоящей статьи заключается в попытке предложить концептуальную теоретико-методологическую модель анализа процесса институционализации этничности в политике идентичности. Данная проблематика актуализирована для российских республик, в которых потенциал конфликтности значителен, а запрос на поиск рецептов грамотного управления символической сферой, выстраивания баланса интересов и множественных идентичностей занимает принципиальное место в политической стратегии власти. Как представляется, интерпретируя указанные практики с помощью концепта политики идентичности под углом зрения институционализации этничности, можно выстраивать не только различные модели и оценивать влияние факторов на их конфигурации, но и определять возможности практических действий для нейтрализации конфликтов идентичностей.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО В ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ И ВЫБОР ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО РАКУРСА

Определение институционализации этничности в политике идентичности основывается на концептуальном анализе составляющих его понятий – *политики идентичности*, *этничности* и *институционализации*.

В научной литературе концепт "политика идентичности" часто интерпретируется через англоязычный термин "*identity politics*" и рассматривается как основа мобилизации различных общественных движений и их политического действия [Brunila, Rossi 2018]. Утвердившись в научном дискурсе западной социологической и политической науки в 1970-е годы [Bernstein 2005: 47], понятие часто используется в мирной политической борьбе, а также в современных вооруженных конфликтах, которые характеризуются политизацией коллективной идентичности при стремлении к власти [Béland 2017; Wald 2013]. Камилла Орджуэла, в частности, отмечает, что политика идентичности может быть "политикой доминирования" в том случае, если она осуществляется государством, которое представляет и транслирует определенную этническую идентичность посредством языковой политики, культурного и религиозного символизма или неравного доступа к политическому влиянию, занятости и ресурсам развития. Политика идентичности также может быть "политикой сопротивления", когда маргинализованные группы мобилизуются на борьбу за права и власть на основе общей идентичности [Orjuela 2014: 755]. В этом смысле поле политики идентичности продолжает оставаться ареной социально-политических и культурных конфликтов [Klandermans 2014; Kaltmeier, Raab, Thies 2012].

Политика идентичности, следовательно, связана с контролем над символическими ресурсами, она отвечает за стабильность политического сообщества. И.С. Семененко отмечает, что в современной политической науке утверждается широкое толкование политики идентичности, связанное с деятельностью государства и других субъектов политического процесса. В этом ключе политика идентичности понимается как "совокупность ценностных ориентиров, практик и инструментов формирования и поддержания национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности" [Семененко 2017а: 647]. О.Ю. Малинова также фиксирует, что универсальное определение политики идентичности связано с ее пониманием как "совокупности практических и символических действий, направленных на формирование, поддержание и публичное признание конкретной идентичности" [Малинова 2017: 10]. Поэтому для определения политики идентичности более удобным является понятие *identity policy*, которое отсылает к действиям государственных институтов, – как правило, ключевых акторов политики идентичности.

Помимо государственных институтов, в формировании и реализации политики идентичности участвуют разные субъекты, в том числе экспертные структуры, "символьная элита", СМИ и др. [Сагитова 2018: 41-42]. Акцентирование подхода *identity policy* в нашем случае связано с концентрацией внимания на активности именно политических субъектов, наделенных властью, которые, как отмечает Н.М. Мухарямов, располагают авторитетными полномочиями и осуществляют целенаправленные и последовательные действия [Мухарямов 2011: 17]. В ходе политико-административного управления и регионального нормотворчества политические субъекты инкорпорируют этнические категории в политический процесс региона. Таким образом, в данной статье политика идентичности на уровне республик РФ интерпретируется как политический курс, направленный на конструирование границ регионального сообщества, символизацию групповой идентичности и образов "мы – они".

Политика идентичности, как было указано выше, может конструировать, поддерживать и развивать разные основания идентификации. Этническая идентичность занимает важное место в этих практиках, поскольку относится к числу основополагающих в идентификационной матрице человека. Этнический дискурс и позиционирование атрибутов и маркеров этничности политизируется и используется в политической борьбе. В рамках социальной антропологической модели этнической принадлежности Ричарда Дженкинса, этничность "реализуется в социальном взаимодействии и усваивается в процессе личной самоидентификации" [Jenkins 2008: 14]. Иными словами, этничность рассматривается как социальная организация культурных различий, которая является результатом той или иной интерпретации социальной реальности. В основе данного конструируемого субъективного ощущения принадлежности к группе лежит представление об общем происхождении [Институты, идентичности, практики... 2011: 19]. По мнению В.А. Тишкова, групповую этническую идентичность стоит рассматривать как операцию социального конституирования "воображаемых общностей", основанных на вере в то, что они связаны естественными, природными связями [Тишков 2003: 116]. Этнические группы не определяются как фиксированные, биологически данные сущности и укорененные социальные конвенции [Fearon 2003: 197]. Этническая идентичность, как и любая другая, поддерживается через категоризацию, стратегии государства, образовательные практики, медиа-дискурс и др. Она формируется на основе "осознания принадлежности к этнической группе, эмоционально окрашенного образа 'мы' и этнических интересов" [Дробижева 2011: 43], и поддерживается практиками конструирования, процессом социализации человека, принятия им существующих в обществе этнических различий. Этническая принадлежность, таким образом, не является жестким понятием, а, скорее, ситуационно изменчивым и подлежит обсуждению с позиции интересов и взглядов самих акторов [Jenkins 2008: 51; Archilés, Martí 2001: 780].

Неслучайно Ф. Барт в сборнике "Этнические группы и социальные границы" отмечает, что сама структура этнической группы создается людьми в процессе социальной категоризации – отнесения себя и других к определенным категориям и установления социальных границ между ними [Барт 2006: 12]. При этом граница – это символическая линия, которая может быть аналитически обозначена через определенный набор индикаторов этнической природы группы, которые и обуславливают процесс соотнесения индивида с ней [там же: 17]. Следовательно, через выделение маркеров этничности возможно говорить об их включении/невключении в политику идентичности.

Под маркерами этничности мы понимаем общие идентифицирующие основания межличностной коммуникации, которые иногда называют "материализованными" проекциями этничности, создающими образ "мы-сообщества". Кавычки здесь необходимы, поскольку речь идет не об объективных выразителях этнической принадлежности, а о складывающихся в процессе конструирования знаках особости групп, создающих границы и ощущение единства. К таковым обычно относят территорию, язык, конфессию, социальные институты, бытовую культуру и общую историческую память [Регулирование... 2017: 26]. Сам Ф. Барт выделил два уровня содержания этнических дихотомий – визуализированные отличия (одежда, язык, форма

жилища или образ жизни в целом) и фундаментальные ценностные ориентации (нормы нравственности и стандарты поведения, в соответствие с которыми оценивается реальность) [Барт 2006: 16]. Через указанные маркеры и происходит институционализация этничности в политическом процессе и повседневных практиках.

Большинство исследователей рассматривают институционализацию этничности через закрепление соответствующих институциональных практик, в частности представительства этнических групп в государственных учреждениях, что обеспечивает фиксацию этнической принадлежности [Bieber 2004]. Примером такого института может служить модель *power-sharing* – "гарантированное участие представителей всех значимых групп (этнополитических сегментов) в принятии политических решений" А. Лейпхарта. В качестве другого примера назовем этнические региональные автономии как политический институт, позволяющий координировать многообразные интересы и поддерживать баланс в межнациональных отношениях [Панов 2011: 9].

Однако институционализация этнической принадлежности концептуально предполагает более широкое в*и*дение проблемы. Джон Клеммер, говоря об институционализации этничности, отмечает значение культурных аспектов институционализации. По его мнению, "проблема" этничности возникает не только в ситуации мажоритарности, когда меньшинство обращается к этнической принадлежности как к ресурсу в целях самоутверждения или защиты от политической, культурной или экономической гегемонии большинства, но и когда сама этническая принадлежность определяется как основное средство социальной классификации [Clammer 1982: 128]. Поэтому мы предлагаем рассмотреть понятие институционализации этничности в политике идентичности в широком смысле, включив в него не только нормативную, но и нарративную и символическую составляющие.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ В ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ: УРОВНИ И ИНДИКАТОРЫ

Процесс институционализации понимается автором в русле социально-конструктивистского подхода и в контексте возникновения, поддержания и воспроизводства социального порядка. Описывая его динамику, П. Бергер и Т. Лукман, как известно, выделяют три этапа: возникновение института, под которым они понимают "взаимную *типизацию* опривыченных действий деятелями разного рода", объективация и легитимация социального порядка – расширение институционального порядка за пределы жизни одного поколения [Бергер, Лукман 1995: 92]. Исходя из этой логики, процесс институционализации может протекать лишь в рамках социальной группы, члены которой разделяют групповую идентичность, ощущают свою принадлежность к ней на основе того, что они имеют некие общие признаки и общие представления об окружающем мире. Иначе говоря, институционализация представляет собой процесс, посредством которого социальные взаимодействия приобретают характер устойчивости, регулярности, стабильности. В той мере, в какой индивиды, вступая в социальные взаимодействия, "следуют правилам", эти правила становятся институтами.

По мнению П.В. Панова, для успешной институционализации необходимо, чтобы "производящая" этот процесс группа индивидов обладала общи-

ми представлениями, когнитивными схемами, неким "фоновым знанием", благодаря которому у членов группы возникают эмпирически взаимные значимые ожидания относительно поведения друг друга. Благодаря этому социальные взаимодействия становятся повторяющимися, регулярными, что является необходимым условием для институционализации социальных практик. Сформированные в обществе системы норм, правил, принципов приобретают характер устойчивости. Такая устойчивость возникает по мере того, как в процессе повторяющихся социальных взаимодействий происходит согласование субъективных смыслов и появляются эмпирически значимые взаимные ожидания, которые постепенно обретают "коллективный смысл" и "превращаются в норму" [Панов 2011: 63].

С точки зрения теории социальной идентичности формальные и неформальные институты имеют большое значение для взаимоотношений между этническими группами [Lieberman, Singh б.г.: 6]. Формальные, – прежде всего, законы и другие писаные нормы, например, об организации выборов или статусе автономии, – закрепляют этнические категории (придают маркерам этничности правовой статус). Неформальные институты в виде обычаев и традиций также формируют межгрупповые границы, регулируют повседневные взаимодействия и др. Институционализация идентичности, следовательно, выполняет функцию структурирующего и упорядочивающего основания, способствуя, в том числе, разрешению возникающих противоречий. Как утверждает М. Хехтер, "границы между группами определяются изначально институтами контроля, они не предустановлены социальными идентичностями; следовательно, идентичности определяются этими границами, а не наоборот" [Hechter 2000: 23]. Когда государства институционализируют этнические категории, эти институты помогают создавать и/или укреплять чувство "мы – они" и субъективные оценки в отношении этих категорий. Социальные идентичности не только создают возможности для процесса институционализации, но и выражаются в институционализации. Идентификация и институционализация, таким образом, – это связанные процессы, которые протекают одновременно и взаимно усиливают друг друга. Через политику идентичности и деятельность на уровне государства происходит институционализация политической идентичности [Castells 2009: 337].

Основополагающее влияние на институционализацию этничности оказывает политика государства, которое создает и транслирует устойчивые во времени дискурсы, становящиеся основой конструирования региональной и даже национальной идентичности [Johnson, Coleman 2012: 864]. Неслучайно Р. Брубейкер, рассматривая роль институциональных действий, которые конституируют этническую реальность, уделяет особое внимание территориализации этнической идентичности и официальной регистрации этнической принадлежности граждан [Брубейкер 2012]. Институты, таким образом, создают саму группу с ее идентичностью и интересами: "Значение этничности как политического фактора определяется тем, как этничность институционализирована, а институционализация этничности, в свою очередь, определяется множеством агентов (общественными движениями, государственными структурами, экспертными сообществами и пр.), принимает разные формы и имеет разные последствия" [Осипов 2009: 188-206].

При таком понимании на передний план выходят механизмы институционализации этничности, а также индикаторы, с помощью которых можно

фиксировать включение/невключение этнического в политику идентичности российских республик. Поэтому в качестве рабочего определения предлагается использовать следующую формулировку ключевого понятия исследования: "*Институционализация этничности в политике идентичности российских республик – это процесс, посредством которого дискурс этничности приобретает ценность и устойчивость в рамках политического курса*, направленного на формирование, поддержание региональных порядков и публичное признание этнической идентичности *как важного фактора структурирования общественных отношений*". Иными словами, этническая идентичность приобретает достаточно высокую степень устойчивости в публичной политике республик, и этнические маркеры воспроизводятся в политических взаимодействиях с устойчивым постоянством.

Для замера степени институционализации институциональных практик применяются различные инструменты и методики. Тем не менее, единого набора индикаторов не существует. Каждый институт требует особых критериев для измерения, инструментарий должен быть "настроен" в соответствии с предметом исследования [Завадская 2009: 60]. Применительно к предмету нашего исследования ключевым критерием институционализации этничности в политике идентичности можно считать институциональную связанность этничности и политических институтов. В качестве примера матрицы показателей, разрабатываемых в этом ключе, можно привести девять аспектов государственной институционализации этнических категорий Э. Либермана и П. Сингха, которая фиксирует, используются ли этнические категории в: переписи; идентификационной карточке/паспорте; делегации и автономии; регулировании избирательных прав и гражданской активности; регулировании руководства и квотировании при назначении на руководящие должности; пространственном разделении людей; законах о браке; регулировании занятости; регулировании образования [Lieberman, Singh б.г.: 29].

При этом преференции для этнических групп могут быть как позитивными, так и носить характер ограничений (например, в вопросах регулирования руководства, найма, доступа к образованию). В свою очередь, пространственное разделение людей по этническим группам может быть этнофедерализмом, принудительной сегрегацией или денационализацией. Данные показатели институционализации – удачный пример работающей схемы анализа. Однако она ограничена лишь одной сферой (уровнем), фиксирующим институциональные аспекты включения этнических маркеров в политику.

Как представляется, присутствие маркеров этничности и их институционализация может происходить на трех основных уровнях политики идентичности, имеющих равное значение: нормативном (устойчивое воспроизводство этничности в политических курсах, ее "нормативное ранжирование"), нарративно-мифологическом (присутствие этничности в доминирующих нарративах и мифологемах региона, наличие доминирующего (этнического) дискурса) и символическом (символизация и инкорпорирование этничности в символику, названия регионов, топонимику, праздники, брендинг, пантеоны региональных героев и т.д.).

Нормативная институционализация. Институциональная связанность этничности и политических институтов фиксируется в укоренении этничности в системе формальных и неформальных институтов республики на норматив-

ном уровне. Например, в советское время свидетельством такой институционализации этничности был не только статус национальной автономии, но и существование юридически незакрепленных, однако четко соблюдаемых норм квотного представительства титульного населения. Кроме того, административно устанавливались квоты для представителей коренного населения при поступлении в высшие учебные заведения. В настоящее время многие практики (этнического представительства, кадровой политики и др.) носят неформальный характер. Институционализация здесь может измеряться посредством кросстемпорального анализа системы ротации кадров (особенно ключевых лиц системы управления республики) [Panov 2016]. Значимым направлением институционализации на данном уровне являются роль этничности в системе органов государственной власти: этнический компонент при распределении ключевых властных позиций и замещении властных должностей, под которыми понимаются и институциональные основания включения этнической повестки в политику через наличие специальных органов в системе органов государственной власти (например, профильных министерств или совещательных органов в области межнациональных отношений), а также этническое представительство.

На уровне дискурсов этнические классификации регулируются через политику правительства и могут быть формализованы в нормативно-правовых актах. Индикаторами в данном случае будут, например: этнический маркер в названии регионального парламента, наличие комитета по "национальным отношениям" в региональном парламенте, статус профильного ведомства по "национальным отношениям", официальный сайт парламента и правительства на языке "титульной группы" и др. [Панов 2019].

Не меньшее значение для институционализации этничности имеет нормативное закрепление языковых преференций (государственный статус языка "титульной группы"), создание и функционирование "национальной школы", требования к изучению языка "титульной группы" в средней школе, а также наличие в республике историко-этнографических и научно-исследовательских институтов, нацеленных на изучение истории, языков и культуры народов республики. Список возможных индикаторов измерения в данном контексте представлен в табл. 1.

Нарративно-мифологическая институционализация. Нарративно-мифологический уровень направлен, прежде всего, на передачу исторической памяти сообщества. Его составляют репрезентации прошлого, память сообщества, а также доминирующие мифологемы и ценности (см. табл. 2). Опираясь на идею Г.В. Пушкаревой, можно говорить о том, что нарративно-мифологический уровень связан с символами-интеграторами, которые имеют вид мифологем и идеологем, "несущих в себе интерпретации свойств и качеств нации, раскрывающих содержание коллективного Мы-образа", а символический уровень соотносим с понятием символов – сигнификаторов [Пушкарева 2017: 161].

Уровень нарративно-мифологической институционализации этничности приводит к осмыслению этничности как одной из базовых особенностей и ценностей регионального сообщества и ее закреплению в общественном сознании. Среди особенностей региональной общности, отличающих ее от других, отметим фактор этничности, а также представления или мифы об

общей исторической судьбе членов этой общности, мифы об автохтонности. Примером такого рода мифа может служить миф о единстве адыгов – черкесов, представление о единой черкесской нации. Важнейшее место в концепции данного мифа отведено памяти о Кавказской войне и депортации адыгов. Распространенными региональными мифами являются также мифы о наличии у Адыгеи опыта государственности, о ее "золотом веке" и другие.

Таблица 1 (Table 1)

Индикаторы нормативной институционализации этничности в политике идентичности республик РФ

Indicators of Normative Institutionalization of Ethnicity in the Identity Policy of the Republics of Russian Federation

	Направление	Индикаторы
1.	Перепись населения	Этническая структура населения. Понятие "титульная группа" (рассматривается ли оно как особенность республики в официальных "визитных карточках", например, на официальном сайте).
2.	Политический курс в республиках	Этнический маркер в названии республики. Этничность в конституции, ключевых государственных программах, стратегии развития республики как ключевых нормативных актов, связанных стратегическим планированием развития республики (этнический дискурс, наличие/отсутствие, "арены" проявления).
3.	Этнические аспекты структуры органов власти	Этнический маркер в названиях органов власти. Наличие специальных органов в системе органов государственной власти, совещательных органов в области межнациональных отношений. Этническое представительство (наличие/отсутствие).
4.	Территориальная автономия	"Национальный принцип" территориального развития (в т.ч. наличие/отсутствие национальных районов)
5.	Этнические аспекты системы образования, научно-исследовательской сферы, языковой политики	Закрепление преференций "титульным этносам". Этничность в языковой и образовательной политике. Система "национальной школы". Наличие/отсутствие этнографических и научно-исследовательских институтов, нацеленных на изучение истории, языков и культуры народов, населяющих республики пр.
6.	Этнические общественные организации	Значимые этнические организации, влияющие на региональную политику (формализация каналов влияния на нормативном уровне через их включение в политику республики) (наличие/отсутствие).
7.	Персонифицированная этничность (институциональный аспект)	Официальное позиционирование региональной политической элиты как этнической (акцентирование этнической идентичности глав регионов, председателей представительных органов и др. в официальных биографиях и интервью).
8.	Институт выборов и голосование	История этнического квотирования в региональном избирательном законодательстве, включая этничность в предвыборном дискурсе (акцентирование этнической тематики среди прочих тем).

В этот же уровень справедливо включить религию как маркер этничности, поскольку во многих случаях религия приобретает этническое значение и становится маркером этничности. Так происходит в республиках Северного Кавказа, Калмыкии, Республике Алтай и др. Конфессиональные особенности и местные верования создают основу для ценностных норм, визуализируются в общественно-политических практиках через маркирование религиозной

специфики (символику и нарративы). Примерами институционализации ментальных и ценностных установок могут служить также различные своды моральных правил или кодексы чести народов. Таковые очень распространены в республиках Северного Кавказа (например, адыгский свод правил и законов "Адыгэ хабзэ", чеченский этический кодекс чести "Къонахалла" и др.), но также существуют и в других республиках РФ. Институционализация в данном случае будет проявляться, во-первых, в фактах наличия подобных кодексов моральных сводов, во-вторых, в их нормативном закреплении. Например, на сайте Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва размещены "Кодекс чести мужчины Тувы" и "Свод заповедей матерей Тувы"[1].

Таблица 2 (Table 2)

Индикаторы нарративно-мифологической институционализации этничности в политике идентичности республик РФ

Indicators of Narrative and Mythological Institutionalization of Ethnicity in the Identity Policy of the Republics of Russian Federation

Направление	Индикаторы
Религиозные маркеры этничности	Местные верования и религия как характеристики этничности. Визуализация конфессиональных особенностей.
Исторические нарративы	Этногенез региона. Время и условия оформления основных этнических групп на территории региона. Наличие собственной государственности. Время, форма и условия вхождения в состав РФ и др.
Нарративы и мифы	Присутствие/отсутствие этничности в доминирующих нарративах и мифологемах региона, наличие доминирующего (этнического) дискурса (традиции, легенды – народная культура). Кодексы чести и др.
Внешняя презентация республики	Позиционирование и этничность. Традиции межэтнического взаимодействия. Этнотуризм презентационных материалов о регионе на предмет присутствия/отсутствия этнического дискурса).
Внешний образ республики	Характеристика республики в официальном дискурсе (например, через публичный дискурс: речи во время визитов представителей центральной власти в республику, присутствие/отсутствие этнического дискурса в них).

Особое символическое значение для создания нарративов имеют места памяти. Как и любое географическое пространство, они состоят из "дискурсивно-материальных образований", которые приобретают символическую силу: в них символические представления о прошлом переплетаются с материальностью настоящего. Во многих случаях дискурсивный и материальный аспекты создания мест памяти являются частью социально-пространственного проекта "установить горизонты, установить границы, чтобы обеспечить идентификацию" [Rose-Redwood 2008: 433]. Институционализация этнического наследия, в таком случае, осуществляется через включение этнической тематики и в туристическое направление. Развитие этнического туризма, включение этнического колорита в презентацию специфики территории, осмысление данного аспекта в качестве преимущества места в деле привлечения туристов прослеживается в республиканских программах по развитию туристического кластера, а также в наличии маршрутов с этническим содержанием в региональном туристическом бизнесе.

[1] Кодекс чести мужчины Тувы. – *Верховный Хурал (парламент) Республики Тыва*. URL: http://www.khural.org/press/kodeks-chesti.php (accessed 19.03.2020).

Символическая институционализация. Институционализация этничности в политике идентичности включает в себя различные символические атрибуты, которые создаются в процессе конструирования идентичности. Хотя политика идентичности включает в себя "символическую составляющую", она к ней не сводится [Малинова 2017: 5]. К символическому измерению институционализации этничности в политике идентичности можно отнести: инкорпорирование этнических маркеров в символические атрибуты сообщества, топонимику и онимы (наименования), культурный ландшафт, монументы, памятники, разнообразные ритуальные практики (например, празднования значимых дат) и др. (см. табл. 3). Этничность здесь находит проявление в присутствии этнонимов и этнических культурных героев в нейминге, визуализации и оформлении городских пространств, а также через брендинг, в котором этнический компонент может по-разному присутствовать и интерпретироваться [Назукина 2018: 698].

Таблица 3 (Table 3)

Индикаторы символической институционализации этничности в политике идентичности республик РФ

Indicators of Symbolic Institutionalization of Ethnicity in the Identity Policy of the Republics of Russian Federation

Направление	Индикаторы
Официальная символика республики	Герб, флаг, гимн республики (визуальное присутствие/отсутствие этнических маркеров, описания символики в законах о региональных символах).
Наименования как маркеры идентичности	Нейминг и онимы. Торговые марки и названия объектов социальной и коммерческой инфраструктуры в республиках (сами названия и визуальное оформление на предмет присутствия/отсутствия этнических маркеров).
Региональные бренды	Бренды региональные, инвестиционной привлекательности, туристические (сами названия и визуальное оформление на предмет присутствия/отсутствия этнических маркеров).
"Культурные герои" региона	Выдающиеся лидеры, звезды спорта, эстрады (место героев "титульной группы" в общем региональном пантеоне героев).
Праздники и памятные даты	Законы "О праздничных днях". Этнические праздники, этнический дискурс в праздничном дискурсе (присутствие/отсутствие).
Государственная символическая политика в республике	Участие республики в федеральных символических проектах "Семь чудес России", "Россия 10", "Великие имена России" и др. (присутствие/отсутствие этнического дискурса в ходе конкурсов в регионе).

Обращение к опыту брендирования позволяет, кроме прочего выявить, насколько значим этнический компонент в осмыслении региональной особости. Предполагая выбор и закрепление определенных черт исключительности региона, оно дает возможность оценки степени общественного консенсуса по поводу содержания такой уникальности. Причем бренд может быть запатентованным, как это, например, произошло в Республике Алтай: отобранный в рамках конкурсных процедур в 2009 г. бренд "Горный Алтай" официально запатентован Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам. Этот бренд отражает баланс этнического и территориального в смысловом наполнении: знак отображает традиционную форму жилищ древних

алтайцев – аил с распахнутым входом, что символизирует гостеприимство народов Горного Алтая, горный рельеф и самую высокую гору Сибири – Белуху[2]. Аналогичные поиски брендов осуществляются в большинстве республик.

Значительный интерес представляет анализ инструментов политики идентичности на уровне регионов, с помощью которых создаются символические маркеры и конструируются культурные границы. Инструмент символического конкурса занимает важное место в этих практиках. Выбирая символы и бренды региона, имена значимых культурных героев, подбирая кандидатуры для переименования (например, аэропорта) или изображения на значимой визитной карточке (например, новой денежной банкноте), этнические маркеры наряду с природно-географическими часто используются для фиксации территориальной особенности, и поскольку формируют не только территориальные, но и этнические границы, провоцируют сильнейшую рефлексию и дискуссию в сообществах о том, кто есть "мы". Поэтому поле символических конкурсов – важный источник фиксации значимости этнического маркера в дискурсе региона. Речь может идти не только о выборе "материализованных символов", но и о конкурсах, приобретающих ритуальные аспекты. К таковым можно отнести, например, этнические конкурсы красоты, проводящиеся во многих республиках РФ.

Безусловно, выделенные уровни и предложенная модель институционализации этничности в политике идентичности является аналитическим конструктом. Важно подчеркнуть взаимосвязь каждого из них, поскольку очевидно, что формирование символического атрибута не обходится без его мифологизации (или может происходить, напротив, на основе значимого мифа, например, при установке символического объекта, памятника) и нормативного закрепления. Вместе с тем, понятие институционализации этничности в политике идентичности открывает новые возможности в проведении сравнительных исследований политических процессов в российских республиках. Ключевой аспект анализа – это укорененность в политическом курсе дискурса этничности как значимого для поддержания регионального порядка. Большинство индикаторов легко измеряются по принципу отсутствия/присутствия этнических маркеров в публичной политике. Язык как ключевой маркер этничности, в частности, будет проявляться в значимости языка "титульной группы" в публичном пространстве, в нормативном закреплении языковых преференций, а также в его использовании в презентационных целях (официальные сайты на языке "титульной группы", наименование улиц и пр. на языке "титульной группы" наравне с русским и др.). Что касается нарративов, а также публичного дискурса, здесь, как представляется, есть возможность задействовать программные продукты для проведения качественного контент-анализа республиканских СМИ, интервью, символических и других речей (MAX QDA, в частности).

Выделенные уровни и предложенная модель являются отправной точкой для проведения эмпирического сравнительного исследования, позволяющего выделить модели институционализации этничности в политике идентичности российских республик. В рамках дальнейшей работы планируется подробно

[2] Приказ министерства экономического развития и туризма Республики Алтай от 4 августа 2017 года N 187-ОД "Об использовании регионального бренда (товарного знака, знака обслуживания) 'Горный Алтай'". URL: http://docs.cntd.ru/document/450289538 (accessed 19.03.2020).

остановиться на рассмотрении особенностей институционализации в отдельных кейсах.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.06

THE INSTITUTIONALIZATION OF ETHNICITY IN THE IDENTITY POLICY OF RUSSIAN REPUBLICS: CONCEPTUAL ANALYSIS

M.V. Nazukina[1,2]

[1]*Perm Federal Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Perm, Russia*

[2]*Perm State National Research University. Perm, Russia*

NAZUKINA, Mariya Viktorovna, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Researcher at the Department for the Study of Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Political Science, Perm State National Research University, email: nazukina@mail.ru

Nazukina M.V. The Institutionalization of Ethnicity in the Identity Policy of Russian Republics: Conceptual Analysis. – Polis. Political Studies. 2020. No. 3. P. 78-92. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.06

Acknowledgements. The study has been supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (project No 19-011-00810 A).

Received: 07.05.2019. Accepted: 23.09.2019

Abstract. This article discusses the theoretical and methodological aspects of the manifestation of ethnicity and of its institutionalization in the regional identity policy of Russian republics. The author analyzes how ethnicity is included in politics. Indicators are identified that indicate the expression of ethnicity in identity politics. Identity policies as policies promoted by state actors are regarded as systemic and aimed at institutionalising ethnic categories thus helping create and sustain a sense of "Us – Them" and form subjective assessments towards such categories. The use of socio-constructivist methodology leads us to the conclusion that identification and institutionalization are related processes that occur simultaneously and mutually reinforce each other. The institutionalization of ethnicity is manifested in the rooting of ethnic categories in the political process of the republics and their role of maintaining or changing the regional institutional order. Building on this assumption, the author proposes an analytical model based on the allocation of three levels of the process of ethnicity institutionalization in identity politics: the normative, the narrative-mythological, and the symbolic level. The normative level includes the establishment of ethnic categories in the political institutions of the region and is manifested in the normative consolidation of ethnic discourse, i.e. in normative documents, in the distribution of power positions, in language policies expressing ethnic preferences etc. The narrative-mythological level determines the significance of ethnic markers in the discourse of regional historical memory and myth-making. The symbolic level is defined as the incorporation of ethnicity into the symbolic attributes of the region. A set of indicators can be used to operationalize this three-level model in empirical studies of ethnicity institutionalization in Russian republics.

Keywords: ethnicity, identity policy, institutionalization, methodology, national republics, Russia, political order, comparative analysis.

References

Archilés F., Martí M. 2001. Ethnicity, Region and Nation: Valencian Identity and the Spanish Nation-State. – *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 24. No. 5. P. 779-797. https://doi.org/10.1080/01419870120063972

Béland D. 2017. Identity, Politics, and Public Policy. – *Critical Policy Studies*. Vol. 11. No. 1. P. 1-18. https://doi.org/10.1080/19460171.2016.1159140

Bernstein M. 2005. Identity Politics. – *Annual Review of Sociology*. Vol. 31. P. 47-74. https://doi.org/10.1146/annurev.soc.29.010202.100054

Bieber F. 2004. Institutionalizing Ethnicity in the Western Balkans. Managing Change in Deeply Divided Societies. – *ECMI Working Paper*. No. 19. Flensburg (Germany): European Centre for Minority Issues (ECMI). URL: http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2009/1899/pdf/working_paper_19.pdf (accessed: 18.03.2020).

Brunila K., Rossi L.-M. 2018. Identity Politics, the Ethos of Vulnerability, and Education. – *Educational Philosophy and Theory*. Vol. 50. No. 3. P. 287-298. https://doi.org/10.1080/00131857.2017.1343115

Castells M. 2009. *The Power of Identity*. Oxford: Wiley-Blackwell. 584 p.

Clammer J. 1982. The Institutionalization of Ethnicity: The Culture of Ethnicity in Singapore. – *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 5. No. 2. P. 127-139. https://doi.org/10.1080/01419870.1982.9993365

Fearon J.D. 2003. Ethnic and Cultural Diversity by Country. – *Journal of Economic Growth*. Vol. 8. No. 2. P. 195-222.

Hechter M. 2000. *Containing Nationalism*. Oxford: Oxford University Press. 268 p. https://doi.org/10.1111/1469-8219.00091

Jenkins R. 2008. *Rethinking ethnicity: Arguments and explorations*. London: SAGE Publications. 207 p.

Johnson C., Coleman A. 2012. The Internal Other: Exploring the Dialectical Relationship Between Regional Exclusion and the Construction of National Identity. – *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 102. No. 4. P. 863-880. https://doi.org/10.1080/00045608.2011.602934

Kaltmeier O., Raab J., Thies S. 2012. Multiculturalism and Beyond: The New Dynamics of Identity Politics in the Americas. – *Latin American and Caribbean Ethnic Studies*. Vol. 7. No. 2. P. 103-114. https://doi.org/10.1080/17442222.2012.686327

Klandermans P.G. 2014. Identity Politics and Politicized Identities: Identity Processes and the Dynamics of Protest. – *Political Psychology*. Vol. 35. No. 1. P. 1-22. https://doi.org/10.1111/pops.12167

Lieberman E.S., Singh P. *Institutionalized Ethnicity and Civil War.* 39 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/254063662_Institutionalized_Ethnicity_and_Civil_War (accessed 19.03.2020).

Orjuela C. 2014. Corruption and Identity Politics in Divided Societies. – *Third World Quarterly*. Vol. 35. No. 5. P. 753-769. https://doi.org/10.1080/01436597.2014.921426

Panov P. 2016. In Search of Inter-Ethnic Balance: Ethnic Composition and Informal Power-Sharing in Russian National Republics. – *European Politics and Society*. Vol. 17. No. 3. P. 353-372. https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1183744

Rose-Redwood R.S. 2008. From Number to Name: Symbolic Capital, Places of Memory and the Politics of Street Renaming in New York City. – *Social & Cultural Geography*. Vol. 9. No. 4. P. 431-452. https://doi.org/10.1080/14649360802032702

Wald N. 2013. Bridging Identity Divides in Current Rural Social Mobilization. – *Identities. Global Studies in Culture and Power.* Vol. 20. No. 5. P. 598-615. https://doi.org/10.1080/1070289X.2013.819001

Barth F. 2006. Introduction. – Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference. Ed. by F. Barth. (Russ. ed.: Barth F. Vvedenie. – *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii. Ed. by F. Barth*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. P. 9-48.)

Berger P.L., Luckmann T. 1995. The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge. (Russ. ed.: Berger P.L., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow: Medium. 323 p.)

Brubaker R. 2012. Ethnicity Without Groups. (Russ. ed.: Brubaker R. *Etnichnost' bez grupp*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. 408 p.)

Drobizheva L.M. 2011. Etnicheskaya identichnost' [Ethnic Identity]. – *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. V 2 tomakh. T. 1. Slovar' terminov i ponyatii.* [Political Identity and Identity Politics. In 2 vol. Vol. 1. Glossary of terms and concepts]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: ROSSPEN. P. 130-134. (In Russ.)

Malinova O.Yu. 2017. Identity Politics as a Struggle for Meanings: The Challenge of Conceptualization. – *Symbolic Politics: Collection of Scientific Papers. Vol. 5: Identity Policy*. Ed. by O.Yu. Malinova. Moscow: INION RAN. P. 7-20. (In Russ.) URL: http://inion.ru/site/assets/files/1560/symbolic_politics_5_2017.pdf (accessed 19.03.2020).

Mukharyamov N.M. 2011. Towards the Semantics of Ethnopolitical. – *Political Science (RU)*. No. 1. P. 11-28. (In Russ.)

Nazukina M.V. 2018. Markers of Ethnicity in the Regional Identity of Russia''s Republics. – *Regionology*. Vol. 26. No. 4. P. 698–717. (In Russ.) https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717

Osipov A.G. 2009. Mekhanizmy institutsionalizatsii etnichnosti [Mechanisms for the Institutionalization of Ethnicity]. – *Soobshchestva kak politicheskii fenomen* [Communities as a Political Phenomenon]. Ed. by P.V. Panov, K.A. Sulimov, L.A. Fadeeva. Moscow: ROSSPEN. P. 202-222. (In Russ.)

Panov P.V. 2011. *Instituty, identichnosti, praktiki: teoreticheskaya model' politicheskogo poryadka* [Institutions, Identities, Practices: Theoretical Model of the Political Order]. Moscow: ROSSPEN. 230 p. (In Russ.)

Panov P.V. 2019. 'Language Question' on the Public and Institutional Agendas: a Comparative Analysis of Linguistic Minorities in the Regions of Russia. – *Bulletin of Perm University. Political Science*. Vol. 13. No. 3. P. 111-121. (In Russ.) https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-3-111-121

Pushkaryova G.V. 2017. Ideas and Values as a Method of Constructing Symbolic Space of the National Identity. – *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 156-173. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11

Regulirovanie etnopoliticheskoi konfliktnosti i podderzhanie grazhdanskogo soglasiya v usloviyakh kul'turnogo raznoobraziya: modeli, podkhody, praktiki. Analiticheskii doklad [Regulating Interethnic Conflicts and Building

Civic Concord in a World of Cultural Diversity: Models, Approaches, and Practices. Analytical report]. 2017. Ed. by I. Semenenko. Moscow: IMEMO. 229 p. (In Russ.) URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2017/2017_018.pdf (accessed 19.03.2020).

Sagitova L.V. 2018. *Respublika Tatarstan: politika identichnosti i ee aktory* [Republic of Tatarstan: Politics of Identity and Its Actors]. Kazan: Shigabutdin Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 360 p. (In Russ.)

Semenenko I.S. 2017a. Politika identichnosti [Identity Politics]. – *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: VES MIR. P. 647-655. (In Russ.)

Semenenko I.S. 2017b. Politika identichnosti v usloviyakh etnokul'turnogo mnogoobraziya: novaya povestka dnya [Ethnocultural Diversity and Identity Politics]. – *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia]. Ed. by I.S. Semenenko. Moscow: VES MIR. P. 102-113. (In Russ.)

Tishkov V.A. 2003. *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnicity: Research on Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka. 544 p.

Zavadskaya M.A. 2009. Problem of Political Institutionalization Measurement: The State of Contemporary Studies. – *Political Science (RU)*. No. 3. P. 56-70. (In Russ.)

Литература на русском языке

Барт Ф. 2006. Введение. – *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий*. Под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство. С. 9-48.

Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум. 323 с.

Брубейкер Р. 2012. *Этничность без групп*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 408 с.

Дробижева Л.М. 2011. Этническая идентичность. – *Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 т. Т. 1. Словарь терминов и понятий*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН. С. 130-134.

Завадская М.А. 2009. Проблема измерения политической институционализации: современное состояние исследований. – *Политическая наука*. № 3. С. 56-70.

Малинова О.Ю. 2017. Политика идентичности как борьба за смыслы: Проблемы концептуализации. – *Символическая политика*. Вып. 5: Политика идентичности. М.: ИНИОН РАН. С. 7-20. URL: http://inion.ru/site/assets/files/1560/symbolic_politics_5_2017.pdf (accessed 19.03.2020).

Мухарямов Н.М. 2011. К семантике этнополитического. – *Политическая наука*. № 1. С. 11-28.

Назукина М.В. 2018. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России. – *Регионология*. Т. 26. № 4. С. 698–717. https://doi.org/10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717

Осипов А.Г. 2009. Механизмы институционализации этничности. – *Сообщества как политический феномен*. Под ред. П.В. Панова, К.А. Сулимова, Л.А. Фадеевой. М.: РОССПЭН. С. 202-222.

Панов П.В. 2011. *Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка*. М.: РОССПЭН. 230 с.

Панов П.В. 2019. Структурные факторы институционализации этничности в политике "национальных республик" Российской Федерации. – *Вестник Пермского университета. Политология*. Т. 15. № 4. С. 5-18. https://doi.org/10.17072/2218-1067-2019-4-5-18

Пушкарева Г.В. 2017. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 156-173. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11

Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад. 2017. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: ИМЭМО РАН. 229 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2017/2017_018.pdf (accessed 19.03.2020).

Сагитова Л.В. 2018. *Республика Татарстан: политика идентичности и ее акторы*. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 360 с.

Семененко И.С. 2017а. Политика идентичности. – *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир. С. 647-655.

Семененко И.С. 2017b. Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня. – *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир. С. 102-113.

Тишков В.А. 2003. *Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии*. М.: Наука. 544 с.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.07

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПАЛАТЫ КАК ИНСТИТУТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПАТЕРНАЛИСТСКОЙ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА: ОПЫТ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

А.Ю. Сунгуров, Н.Н. Козлова, Д.И. Мамагулашвили

СУНГУРОВ Александр Юрьевич, доктор политических наук, руководитель департамента прикладной политологии, Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", Санкт-Петербург, email: asungurov@mail.ru; **КОЗЛОВА Наталия Николаевна,** доктор политических наук, зав. кафедрой политологии, Тверской государственный университет, Тверь, email: tver-rapn@mail.ru; **МАМАГУЛАШВИЛИ Давид Ильич,** кандидат экономических наук, директор Института экономики и управления, Тверской государственный университет, Тверь, email: Mamagulashvili.DI@tversu.ru

Сунгуров А.Ю., Козлова Н.Н., Мамагулашвили Д.И. Общественные палаты как институты реализации патерналистской модели взаимодействия власти и общества: опыт Тверской области и Санкт-Петербурга. – Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 93-109. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.07

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-03-00328 "Институты и практики взаимодействия власти, экспертного сообщества и общественных организаций в российских регионах".

Статья поступила в редакцию: 27.08.2019. Принята к публикации: 21.11.2019

Аннотация. В статье рассматривается логика трансформации региональных общественных палат с точки зрения: а) принципов организации и подбора кадрового состава, б) функционала, заложенного в нормативно-правовой базе, в) проводимых мероприятий, отражающих содержание и направленность работы, г) информационной политики, д) выстраивания связей с общественными организациями, органами государственной власти и МСУ, е) влияния на общественно-политическую ситуацию в регионе. Методы исследования – анализ нормативно-правовой базы, а также содержания веб-сайтов общественных палат Тверской области и Санкт-Петербурга, полуструктурированные интервью с членами палат, экспертами, государственными служащими и депутатами региональных парламентов, имеющими опыт взаимодействия с общественными палатами. Авторы выделяют общие и специфические черты эволюции общественных палат Тверской области и Санкт-Петербурга. Анализ принципов организации и функционала общественных палат показывает, что заложенный в законодательстве потенциал их влияния на публичную политику ограничен. Общие изменения, касающиеся общественных палат, идут в направлении корректировки принципов их комплектования, численного состава, проработки отдельных полномочий, унификации системы региональных общественных палат. По мнению авторов, данный институт способствует активизации общественных сил, готовых встраиваться в коммуникацию по продвижению социально ориентированных проектов. Авторы считают, что генезис и эволюция в России в 2000-е годы новых общественно-государственных институтов свидетельствуют об изменении механизмов взаимодействия структур гражданского общества с государством, оформлении патерналистской модели медиации власти и общества.

Ключевые слова: модели взаимодействия власти и общества, общественные палаты, институты-медиаторы, публичная политика, общественный контроль, гражданское общество, институты региональной политики.

Начало XXI в. в России ознаменовалось поиском оптимальных для власти моделей взаимодействия с российскими неправительственными организациями. Ранее одним из авторов данного текста были сформулированы возможные модели такого взаимодействия, объединенные в четыре группы: партнерские (модель садовника, модель архитектора и партнерская модель), модели доминирования (патерналистская модель и модель приводных ремней), модель игнорирования и модели конфронтации (модель борьбы с противником, ответная модель гражданского сопротивления) [Нездюров, Сунгуров 2008]. Среди них наиболее вероятными для начала президентства В.В. Путина были партнерская и патерналистская модели.

Ряд событий и действий власти в начале нулевых годов свидетельствовали о возможности реализации партнерской модели, под которой понимается ситуация, когда государственные органы осознают важность независимых неправительственных организаций и не пытаются ими управлять, а участвуют в диалоге с ними, например, в формате "переговорных площадок" [там же]. Действительно, подготовка и проведение в ноябре 2001 г. Московского гражданского форума, а также последующих диалоговых по сути форумов в Тольятти (2002 г.) и в Нижнем Новгороде (2003 г.), и начавшее уже входить в практику создание "переговорных площадок", на которых обсуждались общественные (гражданские) проблемы и пути их решения, давали надежду на развитие партнерской модели. Определенные функции партнерской модели продолжает выполнять Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, трансформированный из комиссии по правам человека именно в этот период[1] [Сунгуров и др. 2012].

Тем не менее осенью 2004 г., одновременно с решением отменить прямые выборы глав субъектов Российской Федерации, президентом было объявлено о создании Общественной палаты РФ, которая должна была взять на себя представительство интересов гражданского общества перед государством. Отметим, что уже в ее названии фигурировало определение "общественная", а не "гражданская", как в названии Московского форума 2001 г. В соответствии с принятым в 2005 г. законом, треть членов этого внеконституционного органа [Сергеев 2010] утверждались президентом, затем они участвовали в формировании остальных двух третей на основе предложений общероссийских и региональных общественных организаций[2]. Позже, после создания системы аналогичных общественных палат в субъектах РФ, вторая треть состава Общественной палаты РФ начала создаваться из представителей этих региональных палат, и уже они вместе с первой, президентской третью, утверждали последнюю треть из представителей общественных организаций. Но так как подавляющее число региональных палат формируются по принципу: треть – от главы администрации региона, треть – от органа региональной представительной власти, то в итоге в состав и региональных, и федеральной палат попадают лояльные власти люди. Наконец, в состав этих палат включаются не только представители тех или иных общественных организаций,

[1] Морозова М. Элла Памфилова – о "подставах" Суркова и миссии интеллигенции. Выступление на дискуссии. – *Радио Свобода*. 04.05.2011. URL: http://www.svobodanews.ru/content/article/24090863.html (accessed 29.02.2020).

[2] *Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ "Об Общественной палате Российской Федерации"*. URL: http://www.rg.ru/2005/04/07/obshestv-palata-dok.html (accessed 12.08.2019).

испытывающие чувство ответственности перед коллегами, но и журналисты, актеры, спортсмены, врачи, еще в большей степени подконтрольные власти. Эти люди представляют так называемую общественность (понятие, хорошо знакомое людям, жившим в СССР) [Волков 1997]. Анализ состава первой Общественной палаты РФ показывает, что обе эти группы были представлены почти одинаково: из 126 ее членов 55% – представители общественных организаций и 45% – общественности.

С момента создания федеральной и региональных палат вокруг них шли дискуссии в научной литературе. Одни исследователи рассматривали цели и задачи Общественной палаты РФ, включая задачу развития общественного контроля, исходя из чисто легалистского подхода – как записано в нормативных актах, так и должно быть в реальности [Абакумов 2005; Гнусарева 2008; Гриб 2009, 2010], другие выдвигали обоснованные сомнения, что сформированная таким образом палата может представлять интересы всего гражданского общества или же осуществлять гражданский (общественный) контроль деятельности власти [Петров 2006; Чернышов 2008], третьи, анализируя опыт уже действовавших палат, называли их имитационными структурами [Бабинцев 2012; Бабинцев, Ушамирская 2014].

Можно сказать, что создание системы общественных палат стало шагом по переходу от партнерской к патерналистской модели взаимодействия власти и общества [Аузан 2006]. Под патерналистской моделью мы будем понимать ситуацию, когда государство разрешает определенную автономию неправительственных организаций (НПО) при условии, что последние не вмешиваются в дела власти, а также обеспечивают ее поддержку на выборах. В обмен на политическую лояльность властные структуры оказывают поддержку деятельности НПО в виде предоставления бесплатных помещений или льготной аренды, прямого финансирования, преференций при распределении грантов и т.п. [Нездюров, Сунгуров 2008].

Благодаря ряду законов, дающих правовую основу общественному контролю, Общественная палата РФ сосредоточила в своих руках назначение членов общественных наблюдательных комиссий по контролю за соблюдением прав человека в местах отбывания лишения свободы, а также стала одним из ключевых субъектов этого контроля наряду с общественно-консультативными советами при органах исполнительной власти. Если же учесть, что членов этих советов назначают на основе рекомендаций общественных палат различного уровня, то можно говорить о главной роли общественных палат РФ и субъектов РФ в механизме формирования данных институтов общественного контроля. П.А. Зеленский указывает на низкую эффективность общественного контроля в такой ситуации [Зеленский 2019].

Вполне уместен вопрос об эффективности деятельности самих общественных палат. Отметим исследования И.И. Брянцева [Брянцев 2017] и Р.В. Евстифеева [Евстифеев 2018], в которых анализируются подходы к оценке этой эффективности. Вместе с тем важно определиться, с чьей точки зрения рассматривается эффективность. Представителей власти, целенаправленно выстраивающих патерналистскую модель взаимодействия с обществом? Представителей социально ориентированных НКО, которые могут исправлять с помощью общественных палат сбои в работе региональных и местных администраций? Или гражданских правозащитных организаций, наблюда-

ющих, как из общественных комиссий исчезают люди, наиболее активно отстаивающие права заключенных?

Если исходить из реализуемой в России патерналистской модели взаимодействия власти и общества, которая соответствует государственническому варианту неокорпоративизма, разработанному Филиппом Шмиттером [Шмиттер 1997] и использованному для анализа общественных палат в России А.В. Тарасенко [Тарасенко 2010], то вполне можно согласиться с исследователями из Великобритании Кэтрин Оуэн и Элеонорой Биндман [Owen, Bindman 2019], что система общественных палат может быть эффективной для оказания влияния некоторых общественных организаций и отдельных граждан на принятие политико-управленческих решений. Но так как деятельность Общественной палаты РФ для нас важна скорее в качестве контекста для рассмотрения работы двух общественных палат – в Тверской области и в Санкт-Петербурге, то перейдем к анализу опыта их взаимодействия с властью.

Исследование деятельности этих структур проводилось как путем анализа нормативных документов, на основе которых происходит эта деятельность, так и анализа их веб-сайтов и откликов об их деятельности в СМИ. В работе также использовался метод полуструктурированных экспертных интервью с членами общественных палат и депутатами региональных ассамблей, представителями СМИ и НКО. Большая часть интервью была взята в 2017-2018 гг., однако в случае Санкт-Петербурга, где Общественная палата была создана на основе Общественного совета, использовались в том числе интервью, взятые у членов Общественного совета в 2013 г.

Общественная палата в Тверской области

Специфика общественно-политического пространства Тверской области во многом определяется ее географическим расположением между Москвой и Санкт-Петербургом, обусловливающим внимание столичных элит с точки зрения реализации их политических и социально-экономических интересов. В 2003 г. выборы главы Тверской области выиграл представитель московской элиты Д.В. Зеленин, на время губернаторства которого и приходится создание Общественной палаты Тверской области (ОП ТО). Непосредственным предшественником ОП ТО был инициированный Зелениным в 2004 г. Совет общественности при губернаторе Тверской области, созданный для "обеспечения конструктивного диалога" главы региона с общественными объединениями в процессе принятия и реализации решений, касающихся социально-экономической и общественно-политической жизни области[3].

Концепцию Закона об ОП ТО в 2008 г. разрабатывали члены Совета общественности при губернаторе Тверской области. В региональном законе от 2 октября 2008 г. № 96-ЗО "Об Общественной палате Тверской области" помимо стандартных полномочий, предусмотренных федеральным законом, были существенно расширены возможности влияния ОП ТО на региональную политику за счет наделения палаты правом законодательной инициативы.

Согласно действующему Закону Тверской области от 1 октября 2014 г. № 70-ЗО «Об Общественной палате Тверской области» состав палаты определен

[3] *Постановление Губернатора Тверской области от 4 октября 2004 г. N 84-пг "Об образовании Совета общественности при Губернаторе Тверской области".* URL: http://docs.cntd.ru/document/936008270 (accessed 25.07.2019).

в количестве 36 человек и формируется в соответствии с законом от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ "Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов РФ" преимущественно органами государственной власти региона из кандидатур, представленных зарегистрированными в области структурными подразделениями общероссийских, межрегиональных, региональных, местных общественных объединений. Бо́льшую часть первого состава (2009-2011) ОП ТО (по одной трети) представляли члены НКО и учреждений образования, здравоохранения, социальной сферы, 12% – представители бизнеса, 9,6% и 7% соответственно представители СМИ и РПЦ, 4,9% – пенсионеры[4]. По словам респондента, это были "действительно социально активные, пассионарные личности", лидеры общественного мнения, заслуженные, состоявшиеся в профессиональном плане люди (Т-А, член ОП ТО, октябрь 2018 г.). В состав ОП ТО также вошли бывшие чиновники с большим стажем управленческой работы ("суперветераны"). Отношение к данной категории в ходе проведения интервью мы зафиксировали разное. Респонденты квалифицируют многих из них как "политических статистов": "*Ведущую роль во всех этих палатах играют люди, которые попали туда за былые заслуги, для которых это была общественная приятная синекура, которые в силу возраста и положения не горели желанием работать*" (Т-Б, член ОП ТО, ноябрь 2018 г.). Самым крупным представителем "суперветеранов" был бывший глава Тверской области (1991-1995 гг.) В.А. Суслов, который и стал главой ОП ТО первого созыва. В интервью с членами ОП ТО все без исключения респонденты отмечали его выдающиеся организаторские способности, благодаря которым структура ОП ТО в короткие сроки обрела жизнеспособность: *"Владимир Антонович Суслов, я с ним работал три года, это идеальный руководитель, высочайшие личные качества"* (Т-Б, член ОП ТО, ноябрь 2018 г.). Профессиональные управленческие компетенции, глубокое знание проблем региона, знакомство с лидерами общественного мнения и сохранение связи с ними при губернаторе-варяге, авторитет лидера ОП ТО часто позволяли выстраивать партнерские отношения с органами государственной власти Тверской области. В.А. Суслов подчеркивал "необходимость создания независимой от власти общественной структуры", которая могла бы стать "рупором общественного мнения", каналом "связи между гражданами, их общественными организациями и властью", смогла бы "аккумулировать мысли, идеи, проблемы, заботы, которыми живут общественные организации и население региона"[5]. В рамках первого созыва в ОП ТО было организовано 13 профильных комиссий, создан Совет палаты, сформирован пул экспертов; были апробированы различные форматы деятельности. Итогом принципиальной позиции ОП ТО стал пересмотр органами государственной власти ряда документов, имеющих стратегическое значение для развития экономики области, в частности, "Стратегии социально-экономического развития Тверской области до 2025 года"[6]. Поэтому, рассматривая

[4] *Состав Общественной палаты Тверской области первого созыва.* URL: http://www.optver.ru/structure/members/members (accessed 10.08.2019).

[5] Суслов В.А. У Общественной палаты области есть значительный потенциал. – *Вестник ОП ТО*. 2009. № 1. URL: http://www.optver.ru/files/pdf/vestniki/VestnikOPTO_01.pdf (accessed 01.08.2019).

[6] Итоги работы Общественной палаты за 2009-2011 гг. – *Общественная палата Тверской области.* URL: http://www.optver.ru/news/813-2012-02-02 (accessed 03.08.2019).

опыт работы ОП ТО первого созыва как субъекта развития региона, необходимо отметить, что в рамках своих полномочий данный публичный институт региональной политики функционировал активно и продуктивно.

Изменения в деятельности ОП ТО и формате ее взаимодействия с властью начались с назначением в 2011 г. нового губернатора А.В. Шевелёва. До губернаторства он успешно строил военную карьеру в ВДВ, был депутатом Государственной Думы РФ четвертого созыва, первым заместителем председателя правительства Рязанской области. Формирование ОП ТО второго созыва происходило под контролем новой администрации, главой стала декан юридического факультета Тверского госуниверситета Л.В. Туманова. Площадка для медиации региональной власти и местного сообщества стала постепенно сокращаться. Среди опрошенных членов ОП ТО второго созыва преобладали скептические и негативные оценки сотрудничества ОП ТО и областного правительства: *“Большой крен произошел во втором составе, пришла Лидия Владимировна и поменялся губернатор. И поменялась тактика этой работы... все последующие руководители палаты стали более зависимы от администрации области. Их личный статус ниже, чем Владимира Антоновича... А поскольку общество слабое, оно и вне рамок палаты и внутри общепризнанного лидера не имеет”* (Т-Б, член ОП ТО, ноябрь 2018 г.). Из интервью с руководителем комиссии ОП ТО второго состава: *“Нам никто ни в чем не отказывал. Но это все спокойно полегло, где-то в недрах правительства все и умерло. Нам не препятствовали профильные структуры власти... Ни на одно мое предложение о встрече С.А. Дудукин [заместитель губернатора] не ответил. Из чего я сделала вывод, что нашу структуру он не воспринимал как угрозу или как партнера. Вообще не воспринимал”* (Т-В, член ОП ТО, октябрь 2018 г.).

В то же время нарастание имитационного характера взаимодействия власти и палаты сопровождалось официальной демонстрацией смычки государства и общества: начиная с 2012 г. в ежегодных докладах о состоянии гражданского общества в Тверской области на первых страницах доклада стали публиковаться цитаты из посланий губернатора к Законодательному собранию, а в последующие годы и его фото.

В целом направления в развитии ОП ТО со второго по четвертый созыв коррелировали с изменениями внутренней и внешней политики РФ. Анализируя профиль деятельности НКО, выдвинувших членов ОП ТО четвертого созыва, мы насчитали десять общественных организаций экономической направленности, девять военно-патриотических и ветеранских организаций, четыре спортивных, три педагогических общества, по два объединения инвалидов и религиозных объединений, а волонтерские, национальные, культурные и другие представлены одной организацией. Налицо курс ОП ТО на выполнение социально ориентированных проектов – патриотическое воспитание, волонтерскую деятельность, поисковую работу, экономическое, правовое, духовно-нравственное просвещение.

На информирование о реализации данных проектов ориентирована и регулярно обновляемая новостная лента ОП ТО. Анализируя новости с 10 января по 31 марта 2019 г., количество которых составило 41, можно сделать вывод, что большинство из них (41,5%) содержит информацию о заседаниях комиссий, рабочих групп, Совета палаты, например, заседание рабочей группы по организации и проведению общественных (публичных) слуша-

ний по вопросу создания лесопаркового зеленого пояса Твери, заседание рабочей группы по вопросу правоприменения Федерального закона "Об оружии". На втором месте по объему (34,1%) публикации об участии членов ОП ТО в различных мероприятиях: в конференции, посвященной 25-летию Законодательного собрания Тверской области, в Международных рождественских образовательных чтениях и т.д. Информации о деятельности региональных и федеральных НКО посвящено 19,5% новостного контента ОП ТО. Две публикации (4,9%) информируют о работе районных общественных палат. Можно сделать выводы, что информационная политика ОП ТО профессионально выстроена и что ОП ТО функционирует как единая организационная структура. Палата также представлена в информационном пространстве Законодательного собрания Тверской области на сайте http://www.zsto.ru. На сайте Правительства области ОП ТО упоминается только в новостной ленте[7]. ОП ТО открыла аккаунты в социальных сетях[8], но последние записи в них были сделаны в 2017 г. Если до указанного времени информация обновлялась активно, то теперь данные ресурсы неактуальны. Среди членов ОП ТО существуют разногласия в отношении степеней открытости информационной политики палаты, часть респондентов считает, что палата должна быть "ближе к народу, к городу" (Т-Г, член ОП ТО, ноябрь 2018 г.). Местные СМИ уделяют мало внимания текущей деятельности, освещая первые и последние заседания ОП ТО определенного созыва[9] или публикуя информацию о ее отдельных проектах[10].

Для выявления потенциала влияния ОП ТО на публичное пространство региона проанализируем некоторые аспекты работы палаты. Многообразие направлений деятельности палаты включает выдвижение, координацию гражданских инициатив, законопроектов, общественный контроль. ОП ТО реализует политику малых дел, направленную на решение локальных задач. В частности, в 2018 г. ОП ТО рассмотрела 478 обращений граждан, организовала работу четырех горячих линий по проблемам изменения в пенсионном законодательстве, безопасности детей в городе в каникулярное время, реализации избирательных прав граждан, волонтерской помощи в подключении пользовательского оборудования для приема цифрового телевидения[11]. Респонденты отмечают, что для полноценной реализации активистской миссии ОП ТО не имеет необходимых ресурсов. Решение данной проблемы они видят в создании Дома общественных связей, который выступил бы

[7] Общественная палата второго созыва отчиталась о первых ста днях работы. – *Правительство Тверской области. Официальный сайт*. 08.06.2012. URL: https://тверскаяобласть.рф/novosti/?print=y&ELEMENT_ID=55473 (accessed 23.07.2019).

[8] Аккаунты Общественной палаты Тверской области в социальных сетях: https://www.facebook.com/civil.chamber.tverobl/posts, https://twitter.com/optver, https://vk.com/optver (accessed 23.07.2019).

[9] Общественная палата Тверской области провела первое заседание в новом составе. – *ВЕZФормата*. 14.03.2018. URL: http://tver.bezformata.com/listnews/obshestvennaya-palata-tverskoj-oblasti/65516028/ (accessed 11.08.2019).

[10] Издательский проект "Тверская родословная" будет расширен. – *Tverigrad*. 30.09.2017. URL: https://tverigrad.ru/publication/izdatelskijj-proekt-tverskaya-rodoslovnaya-budet-rasshiren (accessed 12.08.2019).

[11] Ежегодный доклад о состоянии гражданского общества в Тверской области в 2018 году. – *Информационный бюллетень – 2019*. URL: http://www.optver.ru/images/content/doklad/doklad2018.pdf (accessed 02.08.2019).

ресурсной площадкой для обеспечения взаимодействия палаты и общественных организаций (Т-Б, член ОП ТО, ноябрь 2018 г.).

Пользуясь правом законодательной инициативы, ОП ТО вносит законопроекты в региональную легислатуру, наращивая свои полномочия, в частности, получив в 2010 г. право на участие в формировании квалификационной коллегии судей Тверской области. С 2010 по 2018 гг. ОП ТО воспользовалась правом законодательной инициативы 19 раз, в результате шесть законопроектов получили силу закона. Респонденты отмечали значительные сложности в реализации данной функции, поскольку бо́льшая часть предложенных ОП ТО законопроектов требовала финансирования.

Общественный контроль как направление работы ОП ТО актуализировался с выходом соответствующего закона в 2014 г. Если в 2009 г. ОП ТО провела 19 экспертиз нормативно-правовых актов, то в 2018 г. – 72[12]. Эффективность общественного контроля, на наш взгляд, во многом определяется представлениями членов ОП ТО о назначении данного механизма. В ходе интервью мы выявили, что респонденты видят цель общественного контроля в содействии государственным органам в выработке более действенных способов решения проблем. Респондент Д так комментировал свою позицию: "*У нас такой задачи нет – контролировать деятельность губернатора. Это неправильный посыл... у нас нет недоверия к, так скажем, министру, министерству, ведомствам, замам губернатора. У нас просто должен быть более простой, человеческий взгляд, потому что у любой исполнительной власти в силу их большой загруженности есть болезнь – замыливание глаз*" (Т-Д, член ОП ТО, ноябрь 2018 г.). Палата и власть действуют в рамках единой повестки, ориентируясь на сотрудничество, "соработничество"[13] друг с другом. Выработанные в ходе общественного контроля рекомендации ОП ТО воплощаются в жизнь с разной степенью успешности. В частности, общественный контроль подготовленных ОП ТО наблюдателей для выборов был высоко оценен ОП РФ, выдавшей благодарность за организацию наблюдения на выборах президента России в марте 2018 г. Общественный контроль в других сферах, например, в области охраны окружающей среды и ЖКХ, респонденты оценивали низко: "*Будировать вопросы – да, довести до конца... по вопросам охраны природы я бы не стал говорить, что у нас сильно что-то получалось*" (Т-Е, член ОП ТО, октябрь 2018 г.).

При этом формат взаимодействия с исполнительной властью в регионе, по мнению респондентов, в течение последних лет приобрел еще более асимметричный характер: *"Региональная власть не видит реально возможностей, потенциала в самостоятельном гражданском обществе. Используют так: положено иметь палату, вот она есть. Есть выполнение тех указаний, которые идут с Москвы, говорят надо – значит они делают. А внутреннего понимания нет... постепенно все это приобретает формальный характер"* (Т-Б, член ОП ТО, ноябрь 2018 г.).

Персонификация публичных отношений, свидетельствующая о слабой институционализации как структур гражданского общества в целом, так

[12] По данным ежегодных докладов о состоянии гражданского общества в Тверской области.

[13] Термин был использован главой ОП РФ В. Фадеевым для характеристики отношений палаты и власти на встрече с президентом В.В. Путиным. См. Встреча с членами Общественной палаты. – *Президент России. Официальный сайт*. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/54831 (accessed 23.06.2019).

и ОП ТО в частности, влияет на медиацию палаты и власти и на данном этапе. По мнению респондента Ж, "*все зависит от первого лица, приходит человек со своими устоявшимися взглядами, он считает, что нужно делать так, а не иначе: кто любит хоккей, кто – лошадей, кто – религию*" (Т-Ж, член ОП ТО, ноябрь 2018 г.). Респонденты отмечают, что палата "подстраивается" под исполнительную власть: губернатор дает поручения палате, приглашает ее главу на заседания правительства области, но сам в заседаниях ОП ТО не участвует. Динамику отношений ОП ТО и органов законодательной власти региона респонденты оценивают более позитивно: помимо совместной работы в рамках законотворческой деятельности глава областного Законодательного собрания проводит регулярные встречи с членами ОП ТО, избранными от регионального парламента.

В целом респонденты отмечают, что наблюдается "пробуксовка" в развитии ОП ТО, ее деятельность приобретает инерционный характер, снижается ее влияние на публичную политику региона. Они объясняют данный факт изменением общественно-политической ситуации в стране, отмечая такие ее параметры, как закрытость власти от общества, режим ручного управления, слабость гражданского общества и т.д. Приведем мнение респондента Е: "*Я это связываю с неизбежной ангажированностью властью. Именно неизбежной, я не вижу здесь какую-то неумелость личную или ангажированность руководства вот последних лет, но давление власти таково, что противостоять ей фактически не получается*" (Т-Е, член ОП ТО, октябрь 2018 г.). Из интервью с руководителем рабочей комиссии ОП ТО: "*Идея общественной палаты на первом этапе и сейчас – это две большие разницы. Она сама не виновата в том, что вырулила не туда. С ней произошло то, что происходит с любыми структурами, которые аффилированы с властью. У нас все институты потеряли свою независимость*" (Т-В, член ОП ТО, октябрь 2018 г.). Указанные недостатки, по мнению респондентов, не означают, что потенциал палаты как института гражданского общества исчерпан: "*В любом случае это какое-то, пусть и не сильно эффективное, еще одно окно в мир, если еще мы и это окно законопатим, то власть будет делать все что захочет и с регионом, и с нами. Это все-таки общественная сила, пусть она и частично подконтрольная, но есть хотя бы куда-то людям обращаться за поддержкой*" (Т-Е, член ОП ТО, октябрь 2018 г.).

Среди "точек роста" ОП ТО ее члены предлагают расширенный формат работы (больше работать с населением), наделение палаты правом распределять финансовые ресурсы, разработку PR-стратегии, опирающейся на гарантированное место в контенте СМИ, укрепление материальной базы ОП ТО созданием Дома общественных связей и др.

Общественная палата в Санкт-Петербурге

Опыт Общественной палаты Санкт-Петербурга (далее – ОП СПб) достаточно специфичен: она создана фактически на основе Общественного совета (далее – ОС) при губернаторе. Этот Совет был образован в 2000 г. по предложению бывшего депутата Ленсовета/Петросовета (1990-1993 гг.) А.С. Козырева, которое поддержал бывший тогда на посту губернатора В.А. Яковлев. Как отметил в экспертном интервью один из членов ОС, стоявший у его истоков: "*дело в том, что у администрации города и у ЗакСа [Законодательное Собрание СПб] были не совсем нормальные отношения... И для*

того, чтобы эти отношения восстановить, а соответственно и с населением города не было проблем... группа товарищей во главе с А.С. Козыревым решила создать такой орган" (Интервью с СПб-А, член ОС, июнь 2013 г.).

С момента создания ОС в 2000 г. и вплоть до 2009 г. его возглавлял А.С. Козырев. В 2009 г. он был избран уполномоченным по правам человека в Санкт-Петербурге, и в соответствии с законом должен был покинуть ОС, оставшись в качестве "почетного члена"[14]. Председателем совета стал Н.В. Буров, директор ГМП "Исаакиевский Собор", а ранее – председатель Комитета по культуре Правительства Санкт-Петербурга, входивший с 2001 г. в состав президиума ОС.

Первый законопроект об "Общественной палате Санкт-Петербурга" подготовили еще в 2005 г. и даже внесли в Законодательное собрание города, где он был благополучно забыт[15]. Против были и депутаты, не желающие иметь орган-дублер, и губернатор, который полностью контролировал состав ОС, но терял эту монополию при появлении ОП, и влиятельные члены ОС: "*мы ведь так и не соглашаемся становиться палатой. Я когда работал [вице-губернатором], то сам подписывал ответы уважаемому господину Велихову, что живите вы себе с названием Общественная палата, мы будем с вами сотрудничать. Но позвольте нам остаться теми, кем мы являемся, тем более что это удовлетворяет потребности и интересы Петербурга"* (СПб-Б, член ОС, июнь 2013 г.).

Согласно Положению, Общественный совет состоял "из числа почетных граждан Санкт-Петербурга, руководителей некоммерческих союзов, советов, ассоциаций, руководителей иных организаций, учреждений, общественных деятелей, давших согласие на включение в состав Совета"[16]. Так, в 2010 г. в ОС вошли: представители коммерческих организаций – 33%, различных государственных учреждений – 27%, НКО – 13%, общественные деятели – 10%, СМИ – 7%, чиновники и политики разного уровня – 10%.

Общественный совет обсуждал и проводил экспертизу нормативно-правовых актов, программ, концепций развития города. Отметим, что обсуждения городских проблем на ОС не стали частью активных дискуссий в публичной сфере города. Так, по острому вопросу о строительстве 400-метровой башни Охта-Центра напротив Смольного собора Совет был солидарен с руководством города.

Между тем общественно-политическая ситуация в городе менялась. После выборов в декабре 2011 г. в составе Законодательного собрания Санкт-Петербурга появились несколько оппозиционных фракций, фракции "Единой России" удавалось проводить нужные решения, только опираясь на голоса фракции ЛДПР. Лидер "Яблока", депутат Законодательного собрания Г.А. Явлинский в июне 2013 г. внес законопроект "Об Общественной палате Санкт-Петербурга", где состав определялся на паритетных началах губернатором и депутатами. Законопроект Г.А. Явлинского соответствовал

[14] В 2011 г. он подал в отставку с поста уполномоченного по правам человека и снова стал членом ОС.

[15] Вишневский Б. Шестьдесят "бессмертных": в Петербурге создается Общественная палата. – *Новая газета-СПб.* 17.06.2005. URL: http://www.lenpravda.ru/digest/spb/256615.html (accessed 01.07.2019).

[16] Положение об Общественном совете Санкт-Петербурга от 18 октября 2000 г. № 1114-р, утверждено распоряжением губернатора Санкт-Петербурга. URL: https://www.lawmix.ru/spbzk/8017 (accessed 26.03.2020).

аналогичным законам, уже принятым в других регионах, однако дальнейшее его прохождение было заблокировано фракцией "Единая Россия". Вскоре, в октябре 2013 г., Общественный совет был просто переименован в Общественную палату Санкт-Петербурга постановлением губернатора[17]. Председателем палаты остался председатель Общественного совета – Н.В. Буров, а члены продолжали назначаться и исключаться решением губернатора.

Один из лидеров Общественного совета, ставшего в одночасье Общественной палатой, так прокомментировал эту трансформацию: *"Мы сопротивлялись до последнего, но когда надавили на губернатора, когда уже со всех сторон нас зажали, и мы переименовались в палату, но опять же при губернаторе Санкт-Петербурга. Название изменили, а суть осталась та же самая"* (СПб-В, член ОП СПб, март 2017 г.).

Конечно же, вместе с изменением названия были внесены новации и в организацию деятельности теперь уже Общественной палаты. Главным изменением стало формирование профильных комиссий – по здравоохранению, по социальным вопросам, по культуре, памятникам, по науке, промышленности и т.д., в рамках которых теперь протекала деятельность палаты. В 2015 г. Н.В. Бурова на посту председателя ОП СПб сменила Н.В. Кукурузова, директор Санкт-Петербургского дворца культуры работников просвещения. А в остальном все оставалось по-прежнему.

В 2016 г. был принят Федеральный закон № 183-ФЗ "Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации". В соответствии с положениями этого закона в декабре 2016 г. был принят закон Санкт-Петербурга об Общественной палате Санкт-Петербурга, причем принцип ее формирования практически совпадал с соответствующими положениями законопроекта Г.А. Явлинского. Весной 2017 г. прошло формирование нового состава ОП СПб, действующей уже на основе соответствующего закона.

В результате в сформированном к лету 2017 г. составе Общественной палаты из 63 человек 20 были "ветеранами" Общественного совета. Таким образом, несмотря на многочисленные попытки создать на базе Совета при губернаторе структуру, более схожую с Общественной палатой РФ, снова и снова воспроизводился все тот же созданный в 2000 г. Общественный совет при губернаторе.

В конце 2018 – начале 2019 гг. мы проанализировали деятельность ОП СПб на основе ряда экспертных интервью и информации, доступной в интернете. Приведем сначала некоторые результаты экспертных интервью. Так, депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга, председатель одной из комиссий, считает: "*Ключевым моментом при подготовке проекта закона 'Об Общественной палате' было то, что мы не должны были создать некую искусственную структуру, которая бы не знала, чем она должна заниматься. Это раз. А во-вторых, это, конечно же, экономия бюджетных средств. Я считаю, что эти две задачи нам выполнить удалось... Я могу сказать, что Общественная палата работает тихо, она аккумулирует в себе такие вот*

[17] Распоряжение губернатора Санкт-Петербурга от 18.10.2000 n 1114-р об Общественном совете Санкт-Петербурга. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8+zl7fIg7vLu4fDg5uDl8vH/IO3lIOIg7+7x6+Xk7eXpIPDl5ODq9ujo&nd=131014914&page=1&rdk=17#I0 (accessed 17.07.2019).

гражданские позиции по важным вопросам городской жизни, и в принципе я считаю, она со своей задачей справляется" (СПб-Г, депутат ЗакС, февраль 2019 г.). В качестве примера эффективности ее деятельности респондент привел инициативу поправки в закон Санкт-Петербурга, подготовленную комиссией Общественной палаты по развитию гражданского общества, которая позволяет НКО, получившим грант (субсидию) от правительства города, получать аванс для начала реализации проекта. Другой депутат, правда, считает, что "*из всех комиссий Общественной палаты только пара является действительно работающими, а об остальных этого не скажешь*" (СПб-Д, депутат ЗакС СПб, февраль 2019 г.).

Третий депутат Законодательного собрания настроен по отношению к деятельности ОП СПб наиболее резко: "*Что касается Общественной палаты, то я ее вообще не вижу. Просто для меня она не существует. Почему? Потому что мне совершенно понятно, что это абсолютная имитация общественного представительства, единственный независимый человек, которого я там знаю, — это А. Сокуров... Я не знаю ни одной инициативы этой палаты, ни одной ситуации, когда бы она сказала, что власть не права"* (СПб-Е, депутат ЗакС СПб, ноябрь 2018 г.).

Обратимся теперь к мнению самих членов ОП СПб. Председатель одной из постоянных комиссий так формулирует первые результаты ее деятельности: "*Прошел только год работы вновь избранного состава. Есть вещи, которые, на мой взгляд, получились, есть вещи, над которыми еще надо работать и работать. Главная проблема заключается в том, что до конца еще как сама Общественная палата, так и структуры, ее учредившие (а это и ЗакС СПб, и Администрация города, и НКО), не до конца еще отработали механизмы взаимодействия. А это видно по текущей жизни внутри палаты. Созданы различные комиссии по тем или иным направлениям, в то же время есть элементы дублирования*". На вопрос, что уже удалось сделать палате, этот респондент ответил так: "*Во-первых, это работа по проведению общественного контроля за выборами президента Российской Федерации, во-вторых, это работа по проведению городского, я бы сказал даже общероссийского, Форума по вопросам экологии"* (СПб-Ж, председатель комиссии ОП СПб, ноябрь 2018 г.). О подготовке общественных наблюдателей на выборах мы услышали и другое мнение: "*Это была какая-то профанация. Мне прислали письмо, чтобы я порекомендовал таких наблюдателей. Я ответил, что сам готов быть наблюдателем на своем участке. Несмотря на это, более никакой информации, приглашений или инструкций я не получал, из чего сделал вывод, что это было чисто формальное мероприятие"* (СПб-З, член ОП СПб, октябрь 2018 г.). Однако этот же респондент высказал и оптимистические ожидания от членства в палате: "*Я внес в план работы нашей комиссии рассмотрение вопроса о деятельности судебных исполнителей по реализации исков от частных лиц... Эти иски реализуются примерно наполовину. Этот вопрос мы и будем обсуждать с представителями службы судебных исполнителей*".

Что не удалось сделать к ноябрю 2018 г.: "*Я бы сказал так: не выстроена правильная информационная политика. Сегодня явно недостаточно открытого диалога с петербуржцами... Кроме того, наличие статусных людей не увеличивает продуктивность работы, а является в некотором роде, как помягче сказать, тем случаем, когда человек ежедневно не готов тратить время на это общественное благо"* (СПб-Ж, председатель комиссии ОП СПб, ноябрь 2018 г.).

Тему большого числа "статусных людей" в составе Общественной палаты развивает, причем более резко, и другой респондент: "*Общественная палата в СПб – это, конечно, в основном имитационная структура, но, с другой стороны – и своего рода элитарный клуб. Последнее хорошо видно в дни, когда собирается вся Общественная палата на свое заседание – налицо и социальная стратификация уже внутри членов Общественной палаты. С одними члены-ветераны обнимаются, с другими – здороваются за руку, с улыбкой, с другими – ограничиваются просто кивками...*" (СПб-З, член ОП СПб, октябрь 2018 г.).

Тема отсутствия у ОП СПб выстроенной информационной политики нашла подтверждение и в интервью с тележурналистом: "*Я знаю только то, что она [Общественная палата] существует. Если бы я был рядовым горожанином, я думаю, я бы о существовании Общественной палаты и не знал. И, честно говоря, сейчас на память не приходит ни одной инициативы нашей городской Общественной палаты, о которой я вспомнил бы и сказал: 'Да, вот, смотрите, как интересно'*" (СПб-И, тележурналист, ноябрь 2018 г.). Похожую оценку работе Общественной палаты дает и другой респондент, руководитель крупной неправительственной организации, много сделавшей для развития НКО города (СПб-К, руководитель НКО, ноябрь 2018 г.).

Рассмотрим представленность деятельности Общественной палаты в интернете. Новостная лента официального сайта[18] обновляется довольно регулярно: в период с 17 января по 7 марта 2019 г. (восемь недель) в ленте новостей появилось 36 публикаций. Из них относительное большинство (39%) посвящено участию членов ОП СПб в различных мероприятиях, например, в открытии выставки памяти М.Т. Калашникова, посещению Духовной академии, встрече с буддийской общиной, участию в открытии памятной доски Д.А. Гранину. Еще 19% – это поздравления или соболезнования председателя Общественной палаты Н.В. Кукурузовой. 13% – информация о деятельности отдельных членов ОП (участие в совещаниях, конференциях). И лишь в четырех сообщениях информационной ленты (11%) шла речь о деятельности Общественной палаты как организации – о заседаниях всей палаты, ее совета, а также двух комиссий.

Кроме новостной ленты на сайте ОП СПб есть раздел "анонсы", в котором на момент анализа (9 марта 2019 г.) таковые отсутствовали в принципе, а также состав Общественной палаты, комиссии общественной палаты и созданный в конце 2018 г. экспертный совет. Эти разделы не обновляются: чтобы получить информацию о заседаниях какой-то комиссии, надо прокручивать ленту новостей на несколько месяцев назад. ОП СПб присутствует также в социальных сетях "ВКонтакте" и *Facebook*, в *Instagram* и *Twitter*, причем посты там обычно дублируют сообщения в информационной ленте основного сайта.

Таким образом, мы видим, что хотя Общественная палата и ведет деятельность, представляющую некоторую общественную пользу, все же она остается по-прежнему скорее "вещью в себе", своеобразным "клубом статусных людей", а настоящим медиатором, посредником между городской властью и гражданскими организациями города ей еще только предстоит стать. Согласимся с респондентом Ж в том, что у Общественной палаты до сих пор не выстроена правильная информационная политика.

[18] *Общественная палата Санкт-Петербурга. Официальный сайт*. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/palataspb/ (accessed 27.07.2019).

Общественные палаты Тверской области и Санкт-Петербурга в сравнении

Сравнивая представленный выше опыт общественных палат двух субъектов РФ, мы можем сделать вывод, что каждая из них претерпела определенные изменения в своем развитии, причем эта динамика разнонаправлена. Если ОП ТО создавалась как институт региональной политики, обладающий прописанными в законе рычагами влияния на процесс принятия властных решений (право законодательной инициативы, возможность направления представителей в квалификационную коллегию судей), то Общественный совет, трансформированный позднее с большим трудом в ОП СПб, формировался как своего рода элитный клуб при губернаторе, с которым губернатор мог бы при желании посоветоваться. Существенную роль в тверском случае сыграло и то обстоятельство, что ОП ТО появилась в бытность там губернатором Д.В. Зеленина, который, будучи "варягом", реализовывал несиловой вариант встраивания в местную специфику, и председатель первой ОП ТО, бывший глава администрации области В.А. Суслов также выполнял, по-видимому, функцию неформального консультанта по внутренней политике (во главе ОС/ОП СПб никогда не было человека уровня В.А. Суслова).

Приход следующего губернатора существенно изменил готовность к партнерскому сотрудничеству с ОП ТО, и партнерская модель стала постепенно изменяться на подданическую. Однако благодаря определенной институциональной инерции, "эффекту колеи", ОП ТО и сегодня работает как медиатор между обществом и властью, тогда как для ОП СПб такая перспектива только намечается, в частности, информационная лента ее сайта лишь в малой степени посвящена деятельности самой палаты как организации. Здесь "эффект колеи" действует в другую сторону, постоянно воспроизводя статус "элитного клуба бывших вице-губернаторов", и потребуется еще много усилий со стороны заинтересованных лиц и структур, чтобы выйти на уровень медиаторской площадки даже в рамках подданической модели взаимодействия власти и общества.

Принципы организации общественных палат отражают гибридную общественно-государственную природу института, в силу чего баланс между гражданскими и государственными началами в их деятельности неустойчив и зависит от ряда факторов. В качестве таких детерминант мы выделяем субъективный фактор (личность губернаторов, глав общественных палат), национальный социально-политический контекст (ключевые направления внутренней и внешней политики), региональные политические режимы (специфика формирования элитных групп и их функционирования, степень зрелости регионального гражданского сообщества и пр.).

На основе проведенного анализа выделим следующие тенденции трансформации общественных палат: изменение принципов формирования, численности состава, наделение их дополнительными функциями, стремление придать единообразие системе палат и выстраивание их в вертикальную структуру. Направления деятельности общественных палат свидетельствуют об их зависимости от внутренней и внешней политики Российской Федерации. Общественные палаты мобилизуют силы гражданского общества, готовые участвовать в осуществлении военно-патриотических, духовно-нравственных (традиционно-ортодоксальных), социально ориентированных

проектов. Таким образом, формирование и трансформация в 2000-е годы новых общественно-государственных институтов демонстрируют эволюцию механизмов взаимодействия структур гражданского общества с государством, оформление патерналистской модели медиации власти и общества.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.07

PUBLIC CHAMBERS AS INSTITUTIONS FOR IMPLEMENTING THE PATERNALISTIC MODEL OF INTERACTION BETWEEN AUTHORITY AND SOCIETY: EXPERIENCE OF THE TVER REGION AND ST. PETERSBURG

A.Yu. Sungurov[1], N.N. Kozlova[2], D.I. Mamagulashvili[2]

[1]National Research University Higher School of Economics. St. Petersburg, Russia

[2]Tver State University. Tver, Russia

SUNGUROV, Alexander Yurevich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Head of Department of Applied Political Science, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, email: asungurov@mail.ru; **KOZLOVA, Nataliya Nikolaevna**, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Head of Department of Political Science, Tver State University, email: tver-rapn@mail.ru; **MAMAGULASHVILI, David Ilich,** Cand. Sci. (Econ. Sci.), Head of Institute of Economics and Management, Tver State University, email: Mamagulashvili.DI@tversu.ru

Sungurov A.Yu., Kozlova N.N., Mamagulashvili D.I. Public Chambers as Institutions for Implementing the Paternalistic Model of Interaction Between Authority and Society: Experience of the Tver Region and St. Petersburg. – Polis. Political Studies. 2020. No. 3. P. 93-109. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.07

This article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-03-00328 "Institutions and Practices of Interaction between the Government, the Expert Community and Public Organizations in Russian Regions".

Received: 27.08.2019. Accepted: 21.11.2019

Abstract. The article analyzes the logic of transforming public chambers from the point of view of: a) the principles of organization and selection of staff, b) the functionality laid down in the regulatory framework, c) the measures taken reflecting the content and focus of the work, d) the information policy, e) building relationships with public organizations, state authorities and local self-government, and f) the influence on the socio-political situation in the region. The main research methods used were an analysis of the regulatory framework, content from the Public Chamber of the Tver Region and St. Petersburg, and semi-structured interviews with chamber members, experts, government officials and deputies of regional parliaments with experience in interacting with public chambers. An analysis of the principles of organization and the functionality of public chambers shows that the potential for their influence on public policy in the law is limited. The authors highlight the general and specific features of the evolution of the public chambers of the Tver region and St. Petersburg. If the Public Chamber of the Tver Region was initially created as a real institute of regional policy, with the levers of influence prescribed in law on the process of making power decisions (the right of legislative initiative, the possibility of sending representatives to the qualification collegium of judges), the Public Chamber of St. Petersburg was created as a kind of elite club under the governor with which the governor could consult if desired. General changes regarding public chambers are moving towards adjusting the principles of their recruitment, numerical strength, the study of individual powers, and the unification of the system of regional public chambers. An analysis of the activities of the public chambers allows the authors to conclude that they correlate with changes in the domestic policy of the Russian Federation. According to the authors, this public-state institution contributes to the activation of those social forces that are ready to integrate into communication to promote socially oriented projects. The authors believe that the genesis and evolution of public chambers in Russia throughout the 2000s indicates a change in the mechanisms of interaction between civil society structures and the state, as well as the design of a paternalistic model of mediation of power and society.

Keywords: models of interaction between power and society, public chambers, mediating institutions, public policy, public control, civil society, regional policy institutions.

References

Owen C., Bindman E. 2019. Civic Participation in a Hybrid Regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia. – *Government and Opposition*. Vol. 54. No. 1. P. 98-120. https://doi.org/10.1017/gov.2017.13

Abakumov S.A. 2005. *Ot Grazhdanskogo Foruma do sozdaniya Obshchestvennoj palaty RF (2001-2005 gg.)* [From the Civil Forum to the creation of the Public Chamber of the Russian Federation (2001-2005)]. Moscow: Galeriya. (In Russ.)

Auzan A.A. 2006. *Tri publichnye lekcii o grazhdanskom obshchestve* [Three Public Lectures on Civil Society]. Moscow: O.G.I. (In Russ.)

Babincev V.P. 2012. Simulation Practices in State and Municipal Government. – *Vlast'*. No. 5. P. 24-29. (In Russ.)

Babintsev V.P., Ushamirskaya G.F. 2014. Subculture of Bureaucracy in the Regional Chronotope. – *Regionology*. No. 1. P. 87-98. (In Russ.)

Bryantsev I.I. 2017. The Specifics of the Integration of Public Policy Actors in the System of Interaction Between the Government and Society. – *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. Vol. 12. No. 3. P. 137-149. (In Russ.)

Chernyshov Yu.G. 2008. Obshchestvennaya palata: "simulyakr" ili institut grazhdanskogo obshchestva v Rossii? [Public Chamber: "Simulacrum" or Civil Society Institute in Russia?]. – *Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshchestvo i vlast': opyt razvitiya i vzaimodeistviya* [Public Space, Civil Society and Government: Experience of Development and Interaction]. Moscow: ROSSPEN. P. 33-43. (In Russ.)

Evstifeev R.V. 2018. Public Chambers of the Subjects of the Russian Federation in the Regional System of Government: the Main Problems of Functioning and Evaluation of the Efficiency of Work. – *Research Result. Sociology and Management*. Vol. 4. No. 4. P. 87-100. (In Russ.) https://doi.org/10.18413 / 2408-9338-2018-4-4-0-8).

Gnusareva Yu. 2008. The Public Chamber of the Russian Federation as a New Civil Society Institution. – *Vlast'*. No. 8. P. 19-23. (In Russ.)

Grib V.V. 2009. Forms and Mechanisms of Interaction between the Public Chambers of the Constituent Entities of the Russian Federation and Public Authorities. – *Constitutional and Municipal law*. No. 15. P. 13-17. (In Russ.)

Grib V.V. 2010. The Public Chamber of the Russian Federation as Public Authority. – *The Legal World*. No. 3. P. 32-40. (In Russ.)

Nezdyurov A.L., Sungurov A.Yu. 2008. Interaction of Authorities and Civil Society Structures: Possible Models and their Implementation in the Socio-Political Life of Modern Russia. – *Factors of Development of Civil Society and Mechanisms of Its Interaction with the Sta*te. Ed. by L.I. Jacobson. Moscow: Vershina. P. 209-236. (In Russ.)

Petrov N.V. 2006. Public Chamber: for the Government or for the Public? – *Pro et Contra*. Vol. 10. No. 1. P. 40-58. (In Russ.)

Schmitter F. 1997. Neocorporatism. – *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 14-22.

Sergeev S.G. 2010. Obshchestvennaya palata: opyt strukturirovaniya vnekonstitutsionnogo politicheskogo instituta [Public Chamber: the Experience of Structuring an Extra-Constitutional Political Institution]. – *Politicheskie mekhanizmy upravleniya natsional'noi periferiei: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt* [Political Mechanisms of Managing the National Periphery: Domestic and Foreign Experience]. Saransk: Mordovian State University. P. 191-203. (In Russ.)

Sungurov A.Yu., Zakharova O.S., Petrova L.A., Raspopov N.P. 2012. Mediator Institutions and Their Development in Contemporary Russia. 1. Public Chambers and Consultative Councils: Federal and Regional Experience. – *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 165-178. (In Russ.) URL: https://www.politstudies.ru/article/4523 (accessed 24.03.2020).

Tarasenko A.V. 2010. The Activities of Public Chambers in the Regions of Russia: Efficiency vs Fictitiousness. – *Politeia*. No. 1. S. 80-88. (In Russ.)

Volkov V. 1997. Public: Forgotten Practice of Civil Society. – *Pro at Contra*. Vol. 2. No. 4. P. 77-91. (In Russ.)

Zelensky P.A. 2019. Some Features of the Legal Regulation of Public Control in Russia. – *Modernization of State and Municipal Government: Concepts, Technologies, Practices*. Saratov: Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin. P. 181-184. (In Russ.)

Литература на русском языке

Абакумов С.А. 2005. *От Гражданского Форума до создания Общественной палаты РФ (2001-2005 гг.)*. М.: Галерия.

Аузан А.А. 2006. *Три публичные лекции о гражданском обществе*. М.: О.Г.И.

Бабинцев В.П. 2012. Имитационные практики в государственном и муниципальном управлении. – *Власть*. № 5. С. 24-29.

Бабинцев В.П., Ушамирская Г.Ф. 2014. Субкультура бюрократии в региональном хронотопе. – *Регионология*. № 1. С. 87-98.

Брянцев И.И. 2017. Специфика интеграции акторов публичной политики в системе взаимодействия власти и общества. – *Среднерусский вестник общественных наук*. Т. 12. № 3. С. 137-149.

Волков В. 1997. Общественность: забытая практика гражданского общества. – *Pro et Contra*. Т. 2. № 4. С. 77-91.

Гнусарева Ю. 2008. Общественная Палата Российской Федерации как новый институт гражданского общества. – *Власть*. № 8. С. 19-23.

Гриб В.В. 2009. Формы и механизмы взаимодействия Общественных палат субъектов РФ с органами государственной власти. – *Конституционное и муниципальное право*. № 15. С. 13-17.

Гриб В.В. 2010. Общественная палата Российской Федерации как орган общественного контроля. – *Юридический мир*. № 3. С. 32-40.

Евстифеев Р.В. 2018. Общественные палаты субъектов Российской Федерации в системе управления региона: основные проблемы функционирования и оценки эффективности работы. – *Научный результат. Социология и управление*. Т. 4. № 4. С. 87-100. https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-4-0-8

Зеленский П.А. 2019. Некоторые особенности правового регулирования общественного контроля в России. – *Модернизация государственного и муниципального управления: концепции, технологии, практики*. Саратов: Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС. С. 181-184.

Нездюров А.Л., Сунгуров А.Ю. 2008. Взаимодействие органов власти и структур гражданского общества: возможные модели и их реализация в общественно-политической жизни современной России. – *Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством*. Под ред. Л.И. Якобсона. М.: Вершина. С. 209-236.

Петров Н.В. 2006. Общественная палата: для власти или для общества? – *Pro et Contra*. Т. 10. № 1. С. 40-58.

Сергеев С.Г. 2010. Общественная палата: опыт структурирования внеконституционного политического института. – *Политические механизмы управления национальной периферией: отечественный и зарубежный опыт*. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. С. 191-203.

Сунгуров А.Ю., Захарова О.С., Петрова Л.А., Распопов Н.П. 2012. Институты-медиаторы и их развитие в современной России. 1. Общественные палаты и консультативные советы: федеральный и региональный опыт. – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 165-178. URL: https://www.polit-studies.ru/article/4523 (accessed 24.03.2020).

Тарасенко А.В. 2010. Деятельность общественных палат в регионах России: эффективность vs фиктивность. – *Полития*. № 1. С. 80-88.

Чернышов Ю.Г. 2008. Общественная палата: “симулякр” или институт гражданского общества в России? – *Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия*. М.: РОССПЭН. С. 33-43.

Шмиттер Ф. 1997. Неокорпоративизм. – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 14-22.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.08

“ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ” БИЗНЕСА В РОССИИ, ИЛИ ПОЧЕМУ БИЗНЕС ФИНАНСИРУЕТ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КАМПАНИИ

С.Ю. Барсукова, Е.В. Денисова-Шмидт

БАРСУКОВА Светлана Юрьевна, доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ, Москва, email: sbarsukova@hse.ru; **ДЕНИСОВА-ШМИДТ Елена Викторовна**, доктор философских наук, научный сотрудник, Университет Санкт-Галлена (Швейцария); научный сотрудник, Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США), email: elena.denisova-schmidt@unisg.ch

Барсукова С.Ю., Денисова-Шмидт Е.В. “Политические инвестиции” бизнеса в России, или почему бизнес финансирует избирательные кампании. – Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 110-125. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.08

Работа выполнена в рамках проекта “Неформальные практики организации и проведения избирательных кампаний в современной России” при поддержке Фонда социальных исследований “Хамовники”.

Статья поступила в редакцию: 04.12.2019. Принята к публикации: 03.02.2020

Аннотация. Статья посвящена финансовому участию российского бизнеса в избирательных кампаниях. На основе интервью с политтехнологами, представителями законодательной и исполнительной власти, предпринимателями выявлены различные формы и логики вовлечения бизнеса в избирательный процесс. Финансовое участие бизнеса в избирательных кампаниях может трактоваться как “политические инвестиции” бизнеса. Эти инвестиции могут носить как пассивный (вынужденный), так и активный (добровольный) характер. В статье приводится пример Ульяновской области, где смена губернаторов приняла форму борьбы различных финансово-промышленных групп за доступ к ресурсам региона. Однако эта стратегия сопряжена с риском ввиду соблазнов выдвиженца со временем расторгнуть прежние договоренности. Для минимизации подобных рисков, а также ввиду потребности обеспечить себе защиту, завязать полезные знакомства или расширить экономические возможности бизнеса, предприниматели пытаются получить депутатские мандаты. Авторы делают вывод, что электоральный процесс является для бизнеса и тяжелой ношей, и окном возможностей.

Ключевые слова: финансирование избирательных кампаний, политические инвестиции бизнеса, теневой бюджет выборов, участие предпринимателей в выборах.

ВВЕДЕНИЕ

Бизнес в России зависим от власти. Налаженные отношения с властью становятся не только основным фактором безопасности, гарантом неприменения давления, но и важнейшим условием развития бизнеса, ключевым фактором успеха. В этом контексте продуктивно рассмотреть участие бизнеса в финансировании избирательных кампаний, вынужденном и добровольном. Подобные затраты бизнеса будем считать “политическими инвестициями”. Речь идет о том, что бизнес пытается не “купить” решение власти, а инвести-

ровать средства в отношения с ней, что может осуществляться в пассивной или активной формах.

Пассивное политическое инвестирование бизнеса сводится к удовлетворению финансовых требований власти в области политических проектов (финансирование деятельности партий и избирательных кампаний). Бизнес принуждают к финансированию политических проектов под угрозой занесения его "в черный список", что отразится на отношениях с властью.

Активное политическое инвестирование носит добровольный, инициативный характер и направлено на то, чтобы делегировать своих представителей во власть – в ходе выборов получить мандат депутата, пост мэра или губернатора.

Другими словами, в рамках пассивного политического инвестирования бизнес приобретает *расположение власти*, подтверждая свою лояльность в рамках патрон-клиентских отношений. Тогда как с помощью активных политических инвестиций – бизнес получает *место во власти*.

Наша статья фокусируется на практиках участия бизнеса в избирательных кампаниях в пассивной и активной формах, т.е. в режиме вынужденного и добровольного финансирования электоральных процессов в России.

Эмпирической базой выступают 75 глубинных интервью, собранные в период с октября 2018 г. по июль 2019 г. в Москве, Санкт-Петербурге, Кемерове, Красноярске, Новосибирске, Бердске, Екатеринбурге и Ульяновске. В число респондентов, помимо политтехнологов и предпринимателей, вошли бывшие и действующие депутаты региональных заксобраний, председатели участковых избирательных комиссий, бухгалтеры избирательных фондов, наблюдатели, председатели Общественных палат регионов, представители региональных и городских администраций, курирующие электоральную повестку.

"ФИНАНСОВЫЙ АЙСБЕРГ" ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ

Анализ "политических инвестиций" бизнеса необходимо предварить описанием того, как устроено финансирование избирательных кампаний в РФ.

Согласно законодательству РФ, все расходы по ведению избирательной кампании должны осуществляться исключительно за счет официального избирательного фонда партий или независимых кандидатов[1]. Соответствующая финансовая отчетность сдается в избирательную комиссию. Если выборы идут по партийным спискам, то избирательный фонд формируется за счет средств кандидатов и их партий, а также пожертвований физических и юридических лиц. Независимые кандидаты обходятся без партийных траншей. Максимальный размер избирательного фонда различается в зависимости от уровня выборов и региона.

Впрочем, практически никогда финансовая сторона выборов не бывает столь однозначной. Помимо официального избирательного фонда, как правило, существует "теневой", неформальный фонд, из которого черпаются средства, неподотчетные избирательной комиссии. "Теневой" бюджет кампании обычно превосходит официальный в несколько раз, а в некоторых случаях достигает 90% избирательного фонда [Барсукова, Звягинцев 2006].

[1] Финансирование партий и кандидатов прописано в нескольких законах, базовым из которых является Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации".

Из официального избирательного фонда оплачиваются статьи бюджета, которые легко контролировать со стороны. Это касается агитационно-печатных материалов, уличной рекламы, контента в СМИ, оплаты труда агитаторов и пр.

Почти всегда используется "второй", неофициальный фонд. Он может существовать в виде коробки денег и (или) как счет в банке, открытый на имя "прокладочной" фирмы, формально не имеющей отношения к выборам.

Причин тому несколько:

– размер официального фонда ограничен, т.е. может не вместить все собранные средства. В РФ сильная региональная дифференциация предельных сумм выборов одного и того же уровня[2];

– ограничения на перечисления от одного физического или юридического лица;

– официальный фонд открывается лишь за 3 месяца до выборов, а реальная борьба начинается намного раньше. "Теневые" расходы обеспечивают избирательную кампанию в ее латентной фазе;

– спонсоры могут быть не заинтересованы в официальной фиксации траншей;

– использование неофициальных средств делает избирательную кампанию более маневренной, избавляя от множества бюрократических процедур;

– "второй" фонд необходим для финансирования так называемых спойлеров, которые вводятся в игру под видом самостоятельных игроков для размывания голосов конкурентов. Спойлерам "рисуют" собственный избирательный фонд за счет "теневого" бюджета основного кандидата;

– "теневой" бюджет покрывает расходы "деликатного" характера (подкуп избирателей, оплата "протестных бригад", взятки и пр.). Например, взятки редакторам СМИ, чтобы блокировать материалы, порочащие кандидата. Даже консьержка может получить денежную купюру за то, что будет относить в мусоропровод агитационные материалы конкурентов.

Официальные отчеты абсолютно не отражают реальную цену выборов. Так, по официальным данным губернатор Волгоградской области (представитель "Единой России") потратил на свою избирательную кампанию в 2014 г. 250 тыс. руб. (из разрешенных 77,5 млн руб.). А Рамзан Кадыров в отчете о тратах в связи с выборами указал сумму менее 700 тыс руб., причем на услуги политтехнологов было потрачено 0 руб. Напомним, что политтехнологи оценивали в 2016 г. "стоимость" выборов по одномандатному округу в Госдуму от 40 до 100 млн руб. [Деньги на выборах... 2017: 14-15]. Выборы губернаторов требуют, как минимум, не меньших расходов.

Не только траты, но и источники поступлений денег похожи на издевательство над здравым смыслом. Так, в 2013 г. жительница Иркутска, работающая в вузе, пожертвовала "Единой России" 3 млн руб. В том же году на счет партии "Справедливая Россия" некий гражданин из Санкт-Петербурга, числящийся безработным, перевел 2,7 млн руб. Подобных примеров много [Аналитический доклад... 2015]. Эти физлица – лишь посредники, скрывающие имена настоящих спонсоров. Таким образом, финансирование избирательной кампании подобно айсбергу, верхняя часть которого оформляется в виде официальных отчетов. Но под водой остается неизмеримо больше [Gel'man 1998].

[2] Например, в 2015 г. при выборе губернаторов в Краснодарском крае можно было официально потратить на избирательную кампанию 10 млн рублей, а в Ростовской области 200 млн руб. [Аналитический доклад... 2015].

ПАССИВНОЕ "ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ" БИЗНЕСА

Почему российский бизнес оплачивает расходы на ведение избирательных кампаний?

В России институционализировано правило нагружать бизнес неформальными платежами. Их описывают как "налоги+" [Олейник 2008] или "квазиналоги" [Панеях 2008]. Часто это происходит в виде участия бизнеса в решении социальных проблем местного сообщества [Левин, Курбатова 2011].

Частным случаем такого "дополнительного налогообложения" бизнеса является вынужденное финансирование избирательных кампаний. Это касается бизнеса как частного, так и находящегося в государственной собственности (что является скрытым бюджетным финансированием избирательных кампаний[3]).

Перечисление денег на нужды избирательных кампаний по требованию власти, а не по собственному желанию, мы называем *пассивным политическим инвестированием* бизнеса.

Бизнесу делают предложение, от которого он не может отказаться. Величина "добровольного пожертвования" зависит от размера и успешности бизнеса, а также прошлого опыта сотрудничества с властью. Например, если фирма недавно финансировала какой-то проект власти (проведение спортивных турниров, дня города и пр.), то на выборах ее могут оставить в покое.

Возможны четыре варианта концентрации денег:

– счет партии;

– избирательный фонд партии или согласованного "независимого" кандидата;

– счет юрлица, являющегося "кошельком" выборов. В качестве таковых часто выступают общественные организации[4];

– "кубышка" в виде коробки наличности. Наличность обычно собирают с фирм, чья деятельность связана с оборотом наличным денег (строительные рынки, продовольственные базары).

Впрочем, "помощь" может оказываться не только в денежной форме. Предприниматель может "поучаствовать" в политической жизни товарами, услугами, предоставлением своих работников в качестве волонтеров. Например, можно предоставить транспорт для развоза агитаторов по области.

Кроме того, от бизнеса ждут участия в электоральной мобилизации работников. Это требование распространяется преимущественно на крупные предприятия. Например, работников в рабочее время собирают на встречу с "провластными" кандидатами, при этом компаниям не компенсируют расходы [Frye, Reuter, Szakonyi 2014].

Частным случаем сбора денег в "теневой" избирательный фонд выступает оплата фиктивных услуг. Например, бизнес получает квитанции на оплату курсов ораторского мастерства или школы личностного роста. Бизнес в не-

[3] Например, в 2014 г. при выборах в Государственный совет Республики Татарстан на счет "Единой России" 1 млн руб. перечислило ОАО "Завод Элекон", четверть акций которого была в собственности концерна, полностью принадлежавшего госкорпорации "Ростех" [Аналитический доклад... 2015].

[4] В 2013-2014 гг. 68% пожертвований юрлиц "Единой России" были совершены от общественных организаций [Деньги на выборах... 2017: 16]. На выборах в Мосгордуму в 2019 г. крупными спонсорами избирательных кампаний лояльных кандидатов стали фонды, связанные с "Единой Россией" и "Общероссийским народным фронтом". Общая сумма пожертвований составила около 800 млн руб. См. Кампании лояльных кандидатов в Мосгордуму спонсируют фонды, связанные с властью. – *Дождь*. 06.08.2019. URL: https://tvrain.ru/news/dopuschennyh_na_vybory_v_mosgordumu_samovydvizhentsev_sponsirujut_fondy_svjazannye_s_vlastju-491085/ (accessed 11.03.2020).

доумении, но ему дают понять, что "так надо в связи с выборами". Бизнес оплачивает фиктивные услуги, средства попадают на счет фирмы, которая выполняет роль "кошелька" в ходе кампании.

Как правило, в администрации любого уровня (федерального, регионального, городского) есть чиновник, неформальной обязанностью которого является сбор средств для ведения избирательной кампании. Это доверенный человек, который идет на риск, ведь подобные поборы с бизнеса незаконны. Например, в Ульяновской области все бизнесмены называют фамилию одного и того же человека из региональной администрации, с которым велись переговоры о "политическом спонсорстве".

Строго говоря, администрации территориальных образований должны быть вне партийных баталий. Чиновники должны лишь обеспечить техническую инфраструктуру выборов. Их не должно волновать, наполнен ли партийный бюджет для победы на выборах. Однако в России администрации регионов отвечают перед федеральным центром за обеспечение победы "Единой России". Депутатские мандаты или должности губернаторов и мэров на "внесистемную оппозицию" не рассчитаны [Gel'man 2015]. Администрации всех уровней должны обеспечить этот результат. Именно способность "приносить голоса" является главным условием сохранения своих постов региональными лидерами [Reuter, Robertson 2012]. Проще говоря, плохие результаты "Единой России" в регионе могут вызвать отставку губернатора.

Общим местом избирательных кампаний в России является тесная и активная включенность чиновников в обеспечение победы "Единой России". Часть мандатов отводится партиям "системной оппозиции", что поддерживает демократическую декорацию, имитируя конкурентные выборы.

Из интервью с вице-губернатором: "Но ведь партия – это отдельная структура? – Ну хватит. Это же всем понятно. Какая отдельная? Юридически отдельная, а реально все это едино. И это все понимают. И бизнес понимает, и люди".

Из интервью с руководителем Общественной палаты региона: "Мы с губернатором даже повздорили однажды. Я ему: 'Зачем ты так в эти выборы впрягаешься? На тебе область, ею и занимайся'. А он мне: 'А что мне делать, если в Москве мою работу оценивают по тому, как регион за 'Единую Россию' проголосовал?'".

Примечателен случай с губернатором Сахалина, которого арестовали в 2015 г. за коррупцию. Бывший губернатор А.В. Хорошавин получил 13 лет колонии строгого режима и 500 млн руб. штрафа. Руководитель аппарата губернатора А. Макаров скрылся от следствия в Грузии, где и был арестован по запросу России. Он писал в *Facebook* о своей невиновности, поскольку собранные деньги предназначались на выборы: "То, что силовики называют преступной группой – это предвыборный штаб 'Единой России'. А то, что силовики называют взяткой, – это избирательный фонд этой же партии... По линии аппарата губернатора я занимался выборами и выполнял задачи, поставленные мне моим руководством, а также людьми из федерального руководства партии. Деньги в фонд ЕР собирают на любых выборах в разных регионах страны"[5].

[5] Сахалинского политтехнолога арестовали в Грузии по российскому запросу в рамках дела о "черной кассе" выборов. – *Infopressa*. 08.12.2018. URL: http://infopressa.com/2018/12/08/sahalinskogo-polittehnologa-arestovali-v-gryzii-po-rossiiskomy-zaprosy-v-ramkah-dela-o-chernoi-kasse-vyborov/ (accessed 11.03.2020).

Наше исследование подтвердило, что сбор денег с бизнеса является рутиной избирательных кампаний: “Деньги, которые собирались с бизнеса на Сахалине, должны были обеспечить победу ‘Единой России’. Макаров лично собирал деньги у коммерсов. Никто особо не боялся, потому что по этой схеме работают все. Других вариантов просто нет. Я провел больше десятка кампаний, и всегда бизнес трясут, собирают деньги. А то, почему потом это превратилось в ‘дело о коррупции’, мы никогда не узнаем. Значит где-то кому-то губернатор помешал...” (политтехнолог).

В интервью вынужденное инвестирование избирательных кампаний называли политическим оброком или политическими поборами: “Это те же налоги как бы. Это как будто мы под барином живем и должны ему оброк платить... Все это вместе они называют политической стабильностью, мы ее должны оплачивать, потому что мы под ними бизнес делаем. И тут своя логика есть, потому что как только меняется губернатор, начинается новый передел собственности. Это оброк, который является частью этих правил игры. Даже налоговую можно где-то за нос водить, а придет человек от губернатора. И что? Я ему пустые отчеты покажу? Да его это не волнует. Есть бизнес на этой территории, плати. Или другой твое место займет. Нет, я бы не стал рисковать, выпрягаться” (предприниматель из Поволжья).

Фактически речь идет о доминировании власти над бизнесом, что свойственно этапу “захвата бизнеса властью” [Yakovlev 2006]. Впрочем, бизнес “трясут” не только потому, что на выборы нужны огромные средства. В мотивации чиновников не последнюю роль играет то, что эти деньги легко “пилить”. Нет официального отчета ни по сбору, ни по расходованию этих денег. По экспертным оценкам политтехнологов на кампанию пускают половину или две трети собранных с бизнеса денег, остальное идет “в распил”.

Кроме того, облагая бизнес “политическим налогом”, власть сокращает его возможности спонсировать политические процессы по своему выбору.

Из этого можно сделать ошибочный вывод, что административный ресурс заставляет бизнес финансировать только “Единую Россию”. Это не так. Для того, чтобы выборы состоялись, необходимо присутствие других партий. Нужно наполнить и их избирательные бюджеты.

Важную роль в выборах играют партии или кандидаты, называемые спойлерами. Это мелкие и невлиятельные партии, которые вводятся в игру, например, чтобы “растащить” протестный электорат.

Так, летом 2018 г. в России была проведена крайне непопулярная среди населения пенсионная реформа, которая резко осложнила задачу обеспечения победы “Единой России” на выборах в сентябре 2018 г. (в 22 регионах избирали губернаторов, в пяти городах – мэров, в 16 регионах – депутатов в региональные парламенты). Социологические опросы показывали концентрацию протестного потенциала вокруг КПРФ. Чтобы этого не допустить, в список партий, допущенных к выборам, в разных регионах были включены так называемые “спойлеры”, которые должны были “отобрать” у КПРФ голоса избирателей.

Например, в Ульяновской области осенью 2018 г. в качестве “спойлера” выступила партия “Коммунисты России” (лидер М. Сурайкин). Ставка делалась на то, что часть избирателей просто перепутает название и проголосует за эту партию, чем ослабит позиции КПРФ. Избирательную кампанию “Коммунистов России” вел тот же политтехнолог, который отвечал за

победу "Единой России". Для "Коммунистов России" был придуман слоган "Скумбрия – рыба будущего" в расчете на тех, кто ценит юмор и ходит на выборы "для прикола". Сурайкин озвучил текст, что его партия резко критикует "Единую Россию", и если дела пойдут так дальше, то скумбрия (дешевая рыба) станет деликатесом. Абсурд ситуации состоял в том, что "Коммунисты России" получили 6% голосов избирателей и мандат депутата в региональном парламенте. "Коммунисты России" не рассчитывали на победу, а лишь продавали услуги на политическом рынке[6].

Деньги на кампанию "Коммунистам России" поступили от "сочувствующего бизнеса". Только непосвященные могут трактовать эти транши как оппозиционные настроения. Бизнес просто выполняет указания свыше, финансируя политический фарс.

Однако, несмотря на все усилия, осенью 2018 г. на выборах в региональный парламент Ульяновской области победила КПРФ. Региональная администрация сделала выводы из этой ситуации: "Мы проиграли, потому что кампания была сильно недофинансирована. Мы исходили из обычных раскладов. А тут пенсионная реформа. Да еще буквально за месяц до выборов арестовали за коррупционные схемы крупного чиновника, члена 'Единой России'... Сами понимаете, какой мощный антипиар. Народ буквально взбунтовался. Нужны были принципиально другие деньги, чтобы выиграть в этой ситуации. Нужно было выпускать на выборы чертову дюжину партий – разных там 'Женщин России', 'Партию зеленых', да хоть партию инвалидов каких-нибудь. Нужно было растаскивать протест между десятком партий... А для этого нужно было все эти партии накачать деньгами, чтобы они как-то маячили, привлекали избирателей" (сотрудник региональной администрации).

Таким образом, административное принуждение может не ограничиваться финансированием исключительно "партии власти", но распределять финансы бизнеса между разными партиями, выполняющими определенные роли в сценарии победы "Единой России".

Готовность бизнеса оплачивать счета, выставляемые в ходе избирательных кампаний, не ставится под сомнение. Из интервью с вице-мэром: "В нашем регионе самые привлекательные условия для привлечения инвестиций. А кто им эти условия создал?.. Бизнес нам всем обязан, он никогда не скажет нам нет".

Конечно, речь идет не о благодарности бизнеса, а о невозможности перечить власти. "Политический налог" как принудительное участие в избирательных кампаниях формально не существует, но реально он является едва ли менее обязательным, чем прочие налоги в России.

Подчеркнем, что речь идет о пассивной стратегии, при которой бизнес выполняет лишь *требования* финансового участия, но сам не включается в избирательную борьбу, не претендует на депутатские мандаты, не проводит во власть своих представителей. Бизнес финансирует выборы как легитимацию сложившихся элитных договоренностей, в рамках которых он имеет возможность продолжать свое дело.

Однако помимо такого "политического оброка" бизнес может реализовывать активную стратегию, непосредственно и добровольно участвуя в избирательных кампаниях.

[6] Барсукова С. "Скумбрия против всех". Выводы для политтехнологов по итогам выборов 2018 года. – *Капитал страны*. 08.10.2018. URL: http://kapital-rus.ru/articles/article/skumbriya_protiv_vseh_vyvody_dlya_polittehnologov_po_itogam_vyborov_2018_go/ (accessed 11.03.2020).

Активные политические инвестиции бизнеса возможны в двух формах:

а) представители бизнеса конкурируют за депутатский мандат или баллотируются на пост мэра или губернатора;

б) бизнес оплачивает избирательную кампанию людей, формально не связанных с бизнесом, т.е. "прячется за спиной" кандидата.

АКТИВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ, ИЛИ БИЗНЕС ВЫБИРАЕТ СЕБЕ ГУБЕРНАТОРА

Почему бизнесмены предпочитают в ряде случаев не сами баллотироваться в органы власти, а "вкладываться" в победу другого человека, формально не связанного с бизнесом?

Причин может быть множество. Например, имидж компании, ее криминальное прошлое резко снижают шансы на победу. Гораздо охотнее люди проголосуют за учителя, адвоката или генерала. Особенно заметно это было в 1990-е годы. Кроме того, при самовыдвижении предприниматель может опасаться, что в случае проигрыша на выборах у него испортятся отношения с властью, не простившей ему властных амбиций. По ряду причин целесообразно не самому баллотироваться, а "посадить" в кресло депутата, мэра или губернатора "своего" человека, который будет отрабатывать вложенные в его избрание средства принятием решений, соответствующих интересам бизнес-спонсора.

Не будет преувеличением утверждать, что "активная" форма инвестирования в политику на примере продвижения "своих" губернаторов соответствовала периоду "захвата государства бизнесом" [Yakovlev 2006].

Классическим примером "политических инвестиций" в "своего" губернатора можно считать случай Ульяновской области. При "красном" губернаторе Ю. Горячеве (член КПСС) область была "закрытой" для проникновения финансово-промышленных групп, да и местный бизнес имел крайне ограниченные возможности приватизации. Именно эта "охранительная" позиция сыграла печальную роль в политической судьбе губернатора. Огромные активы, сохранившиеся в госсобственности, привлекли внимание московского бизнеса к Ульяновской области.

Московские ФПГ сделали ставку на генерала В. Шаманова, который расчистил им доступ к предприятиям области[7]. За четыре года его правления в области (2000-2004 гг.) были за бесценок приватизированы разнообразные активы. Впоследствии были открыты уголовные дела по факту мошеннической приватизации. В розыске числятся крупные чиновники администрации Шаманова, однако он сам благополучно продолжил карьеру в военной сфере.

При В. Шаманове хозяйство области пришло в катастрофическое состояние, что вызвало недовольство Москвы. Стало ясно, что Шаманов будет смещен. За кресло губернатора развернулась борьба. Основным претендентом стал С. Морозов, мэр Димитровграда, поддерживаемый группой "СОК". С. Морозов стал губернатором в 2004 г. Группа "СОК" активно развернулась в Ульяновской области, получая огромные подряды, в том числе на завер-

[7] "Все началось в 2001 г., во время губернаторства Владимира Шаманова. В Ульяновскую область высадился 'десант' друзей тогдашнего главы региона, поддерживающих его во время избирательной кампании. Начался, как обычно это бывает, передел собственности". Сладкая жизнь. Ульяновский сахарный завод скупает миллиардер-сенатор Вадим Мошкович. – *73online.ru*. 01.04.2013. URL: https://73online.ru/readnews/23402 (accessed 11.03.2020).

шение строительства моста через Волгу[8]. Но дальнейшая судьба этой группы оказалась незавидной: ее руководители были или убиты, или находятся в федеральном розыске. Морозов смог дистанцироваться от истории с группой "СОК", пережив своих политических инвесторов на многие годы. Он и сегодня возглавляет область.

В случае с Ульяновской областью губернаторы не "кидали" своих "политических инвесторов", соблюдая договоренности. А вот политическому инвестору генерала А. Лебедя, ставшего в 1999 г. губернатором Красноярского края, не повезло.

Главным "инвестором" в победу генерала А. Лебедя был сибирский предприниматель А. Быков, которому принадлежал блокирующий пакет акций крупнейшего в стране Красноярского алюминиевого завода (КрАЗ). Криминальное прошлое Быкова исключало возможность собственного выдвижения на пост губернатора, Кремль никогда не согласился бы на такой вариант. Сибирский бизнесмен сделал ставку на генерала А. Лебедя и привел его к победе.

На активы завода начал претендовать "РУСАЛ". Дело закончилось тем, что губернатор встал на сторону московской группы. Против Быкова было возбуждено уголовное дело. Его продержали под арестом до тех пор, пока в ходе дополнительных эмиссий его доля акций не стала мизерной (с 28% на момент ареста до 2% при освобождении из-под стражи). Затем его отпустили, сняв с него все обвинения как недоказанные [Волков 2005: 331].

Этот случай показывает, что выдвиженец бизнеса, оказавшись у власти, может попытаться расторгнуть прежние договоренности со своим политическим инвестором, или его могут банально перекупить. "Инвесторы" пытаются снизить риск за счет накопленного компромата, однако человек во власти получает доступ к силовым ресурсам, что делает его опасным соперником, если он выйдет из повиновения. Риски выхода "выдвиженца" из-под контроля стимулирует бизнесменов идти во власть самостоятельно.

АКТИВНОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИНВЕСТИРОВАНИЕ, ИЛИ УЧАСТИЕ БИЗНЕСМЕНОВ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЯХ

Взвесив все "за" и "против", бизнесмен может решить баллотироваться самостоятельно, минуя посредников. В ряде случаев это потребует "переписать" бизнес на друзей или родственников. Например, мэр или губернатор, а также депутат Госдумы не может, согласно законодательству, оставаться владельцем бизнеса. Члены регионального парламента, а также депутаты муниципальных законодательных органов могут совмещать бизнес с депутатством, если только не заняты в этих органах на постоянной профессиональной основе[9].

[8] "Где-то в верхах лоббисты группы 'СОК' добились права достройки моста через Волгу... Многострадальный мост окончательно достроили только к 2011 году... Удорожание объекта в ходе строительства, по самым скромным подсчетам, превысило 14 млрд руб. Получается, что группе 'СОК' был очень нужен лояльный к ФПГ губернатор, благодаря поддержке которого она могла рассчитывать на получение государственных подрядов" (Аффилированный губернатор. – *Совершенно секретно*. 01.02.2016. URL: https://www.sovsekretno.ru/articles/affilirovannyy-gubernator/ (accessed 11.03.2020)).

[9] Согласно ФЗ "О местном самоуправлении в Российской Федерации" (ст. 40) только 10% депутатов действуют на профессиональной постоянной основе. Они не могут совмещать депутатские полномочия с предпринимательской деятельностью. На остальные 90% депутатов муниципальных законодательных органов это ограничение не распространяется.

Зачем бизнесмены идут во власть? Мотивы могут быть разные в зависимости от ситуации в бизнесе, от напряжения вокруг него. Мандат депутата нужен для того, чтобы защитить бизнес от рейдерства, получить депутатскую неприкосновенность, расширить возможности для бизнеса, познакомиться с влиятельными людьми, войти в круг доверенных лиц, с которыми власть готова вести деловые переговоры на более дружественных условиях [Sakaeva 2019; Тев 2008]. Словом, создается кокон относительного локального благополучия [Левин, Каган, Кислицын 2014]. Сам факт присутствия представителей бизнеса в региональных легислатурах в России коррелирует с повышением прибыльности их фирм [Szakonyi 2018].

Получение депутатского мандата или кресла мэра/губернатора требует немалых затрат. Но эти инвестиции окупаются, иначе предприниматели не шли бы в представительные органы власти таким дружным строем. Например, в регионах Северо-Западного федерального округа парламенты пятого созыва, избранные в декабре 2011 г., примерно наполовину состояли из предпринимателей. Наиболее широко бизнесмены были представлены в заксобрании Вологодской области (62%), наименее – в Ненецком АО (25%). Остальные регионы СЗФО насчитывали в своих парламентах от 40% до 57% предпринимателей [Сакаева 2016: 143].

Приняв решение о самовыдвижении, предприниматель должен выбрать партию с учетом политической конъюнктуры или идти как независимый кандидат (на сленге технологов "идти самодвигом"). Процент депутатов, прошедших по партийным спискам или победивших как "одномандатники", определяется региональными законами.

Например, бренд "Единая Россия" не популярен в нынешнем электоральном сезоне[10]. Политизация общества приводит к росту значения партийной принадлежности кандидата. Это отмечают политтехнологи: "Раньше людям было не важно, что там за партия, главное была личность кандидата. Личность перешибала партийную принадлежность. Люди голосовали за конкретного человека. А тут это сломалось. Понимаете? Совсем. Мы это еще на фокус-группах заметили. Так и говорят: хороший мужик наш мэр, и рады бы его поддержать, но 'единорос'... Еще в начале кампании было понятно, что она проиграна. Люди злые, если 'единорос' сразу вычеркивают. И личностью кандидата уже нельзя было передавить партийную принадлежность. И, наоборот, от коммунистов абсолютные 'no name' побеждали, только за счет партийного ярлыка".

Выбрав партию, необходимо оказать ей спонсорскую помощь. Единого алгоритма расчета "цены на мандаты" нет. Спонсорская помощь зависит от уровня выборов, от популярности партии у электората, а также от личности самого предпринимателя. Кроме того, бизнесменам зачастую приходится оплачивать не только свою кампанию, но и участие в выборах учителей и врачей, спортсменов и артистов, которые ввиду симпатии электората повышают шансы партии на победу.

Между спонсорами возникает подобие конкуренции, что ведет к эскалации размера "спонсорского транша". Важно попасть на первые позиции этого списка, иначе шансы на победу становятся символическими. "Проходные" места стоят очень дорого. Кандидатов с крупными денежными траншами на-

[10] Даже мэр Москвы С. Собянин и губернатор Санкт-Петербурга А. Беглов шли на выборы как независимые кандидаты, пытаясь дистанцироваться от "Единой России".

зывают "золотыми": "На нашей кампании к 'золотым кандидатам', которые больше всех занесли в избирательный фонд партии, приставили отдельных технологов, они их вели персонально. А остальных кандидатов всей кучей сгрузили на одного технолога, он их вообще путал и не на те встречи с избирателями отправлял" (политтехнолог).

Впрочем, одними финансами дверь в политику не открыть. Спонсорская помощь партии является условием необходимым, но недостаточным. Нужны договоренности более тонкого порядка. Огромную роль играет имидж предпринимателя, его публичность, репутация в глазах электората: "Власть отгорожена высоким забором. Это не так работает, что вы зашли через калитку и говорите, что я такой молодец, у меня свой бизнес, могу поделиться. Деньги у вас, конечно, возьмут, но мандат депутата вы не получите. С властью надо договариваться. Тут надо через забор перелезть, а не через калитку зайти. 'Перелезть' означает создать ситуацию, когда власть сама вас позовет, предложит войти в свои ряды" (политтехнолог).

Как вариант, чтобы "власть сама позвала", можно заняться социально значимой деятельностью. Например, создать фонд защиты бездомных животных, консультационную службу для жертв домашнего насилия и пр. Желательно, чтобы эта деятельность формировала позитивный имидж предпринимателя как общественника, но была аполитичной, не "дразнила" власть. Заметим, что издержки на подобную деятельность с формальной точки зрения не относятся к затратам, связанным с получением депутатского мандата или места мэра. Однако фактически это затраты на латентную фазу избирательной кампании, которая может занимать несколько лет: "Мы ведем одну предпринимательницу уже полтора года, вот только сейчас ее согласовали и внесли в избирательные списки. Она уже нервничать стала, а я ей говорил: 'Спокойно, они должны сами тебя позвать'. Просто заплатить не получится. У них тоже есть запрос на обновление партии, на новые лица на выборах. Мы ей сделали типа такой службы, бесплатной юридической консультации для пенсионеров. Нагнали туда студентов юридических факультетов. Они типа такие волонтеры. Полтора года она им зарплату платила. И дождалась: позвонили, пригласили на встречу с вице-губернатором, как она смотрит на возможность войти в горсовет. Вот скоро будем ее избирательную кампанию вести" (политтехнолог).

Политические амбиции бизнеса требуют значительных финансовых затрат. И эти затраты могут существенно превосходить затраты на избирательную кампанию: "У меня один клиент целый год бесплатным молоком школьные столовые поил, пока молва о его геройстве не дошла до мэра. Он в имидж вкладывался. Ну а потом дело техники, его пригласили войти в списки 'Справедливой России', он от них потом и избрался в заксобрание области. Любая партия на ком-то просто чисто зарабатывает, а на ком-то хочет себе еще и репутацию поднять" (политтехнолог).

Если предприниматель является публичной фигурой и его имидж вызывает симпатии электората, то партии могут конкурировать за него: "Я не последний человек в городе, и мне сразу две партии предложение сделали. Но с коммунистами мне не хотелось связываться, хотя у них на фоне пенсионной реформы мандаты просто с неба валились, а людей нормальных не было" (предприниматель).

Таким образом, цена депутатского мандата носит исключительно договорной характер. Этот тот случай, когда торг уместен. Основанием для корректировки цены являются размер и доходность бизнеса, а также репутация и публичность предпринимателя. Даже возраст бизнесмена имеет значение. Молодой выдвиженец демонстрирует, какие перспективы открываются перед активными людьми под знаменами этой партии. С учетом всех обстоятельств стоимость депутатского мандата может сильно варьироваться. Если предприниматель своей репутацией поднимает имидж партии, то с него могут взять очень скромно, исключительно на технические расходы, связанные с кампанией.

Но если предприниматель не смог или не захотел договориться с партией, то он может идти на выборы как самовыдвиженец. И большинство предпринимателей выбирает именно этот вариант. В этом случае он должен собрать подписи населения в свою поддержку.

Казалось бы, этот путь проще и дешевле. "Независимый" кандидат не спонсирует партию, он лишь оплачивает труд сборщиков подписей. Однако эти списки проверяют представители избирательной комиссии, полностью контролируемые властью. Поэтому если выдвижение кандидата противоречит интересам власти, не вписывается в ее расклады, то вероятность того, что в списках будут обнаружены ошибки, близка к ста процентам. То есть стратегия выдвижения на базе сбора подписей дешевле в реализации, но практически обречена на провал, если речь идет о кандидате внесистемной оппозиции[11].

Технологии "выбраковки" неугодных независимых кандидатов в депутаты разнообразны и изобретательны: от множественного признания подписей недействительными на основании графологической экспертизы (случай Москвы) до фейковых кандидатов, которые занимали очереди на регистрацию и физически не пропускали реальных кандидатов (случай Санкт-Петербурга). При всей незамысловатости эти технологии выполняют роль непробиваемого щита, с помощью которого власть защищается от несогласованных кандидатов, не вписывающихся в проект власти.

Впрочем, эти технологии, как правило, направлены против кандидатов, представляющих политическую оппозицию. Предприниматели в своем большинстве к ним не принадлежат. Бизнес приучен к лояльности властям, поэтому против предпринимателей редко используют технологии "блокировки" их участия в выборах. Как результат, предприниматели в России чаще выдвигают свои кандидатуры в одномандатных округах, нежели идут по партийным спискам [Scott, Sonin, Zhuravskaya 2010].

Важно подчеркнуть, что причины "активного" инвестирования зачастую носят структурный характер, т.е. вписываются в стратегии развития крупных компаний, а не являются простым желанием отдельных бизнесменов. Как правило, это происходит на территориях, где сосредоточены крупные активы общенациональных компаний, которые, в свою очередь, заинтересованы в контроле над их развитием [Зубаревич 2002; Orttung 2004]. Такие случаи чаще представлены на уровне муниципалитетов, а не регионов. Следствием

[11] Именно отказ в регистрации независимых кандидатов в Московскую городскую думу стал поводом для массовых митингов протеста в Москве летом 2019 г. Формальным поводом для отказа послужили множественные признания подписей недействительными на основании графологической экспертизы.

такого развития событий является установление в местной политике "режима большого бизнеса" [Бычкова, Гельман 2010].

Заключение

В обыденном сознании и в научной литературе часто встречаются суждения о том, что решения власти "продаются". То есть чиновники и законодатели могут принять то или иное решение в зависимости от вознаграждения, получаемого от заинтересованного бизнеса. Такое суждение основано на непроговариваемом предположении, что власть и бизнес автономны друг от друга, и одна сторона может "купить" решение другой.

Однако наше исследование показало, что в России стало нормой положение дел, при котором бизнес не покупает конкретное решение власти, а инвестирует средства в долговременные отношения с ней. Это возможно в том числе за счет участия в финансировании избирательного процесса как в пассивной, так и в активной формах.

Пассивные политические инвестиции бизнеса носят вынужденный характер. Они связаны с авторитарным уклоном власти, с разнообразием репертуара ее действий, посредством которых бизнес, впавший в немилость, может лишиться всего. Бизнес платит "политический оброк", не желая конфликтовать с властью. Он оплачивает выборы, перечисляя "сколько надо и куда надо". Эта схема работает по всей стране, и тем более эффективно, чем сильнее административное давление на бизнес в том или ином регионе. Речь идет о пассивных политических инвестициях бизнеса в логике "захвата бизнеса властью" [Yakovlev 2006].

Но чем более лояльность власти является условием процветания и развития бизнеса, тем больше у бизнеса стимулов пытаться стать частью этой власти, получить депутатский мандат, занять место мэра или губернатора. Иногда такие активные инвестиции в политику становятся средством личной защиты от ареста или способом спасти бизнес от рейдерского захвата, расширить перспективы бизнеса, получить выгодный госконтракт, установить неформальные связи с ключевыми властными игроками.

Предприниматели могут идти во власть самолично, либо оплатить выборы своему "выдвиженцу". Правда, есть риск, что свой человек со временем пересмотрит прежние договоренности и повернется к своему инвестору спиной. С этим связано обилие самовыдвиженцев от бизнеса.

Активные инвестиции бизнеса в политику в ходе избирательных кампаний можно отнести к варианту "захвата власти бизнесом" [Yakovlev 2006]. Мотивы, репертуар действий, риски и затраты бизнеса являются производными от сложной конфигурации факторов, характеризующих политический и экономический ландшафт в ходе проведения выборов [Любарев, Кынев, Максимов 2017].

Следует подчеркнуть, что дихотомия "захват государства" / "захват бизнеса" является идеал-типической. В России, как правило, речь идет о сложной системе взаимовыгодных обменов между чиновниками и предпринимателями [Frye 2002]. Элементы "пассивных" и "активных" стратегий тесно переплетены. Чтобы получить право на выдвижение своего кандидата, бизнесу необходимо доказать свою лояльность власти, в том числе путем инвестиций (финансовых, репутационных, интеллектуальных) в ее воспроизводство.

В результате одни и те же кандидаты в депутаты могут быть и ставленниками поддерживающих их региональных администраций, и представителями своих бизнес-организаций.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.08

POLITICAL "INVESTMENTS" BY BUSINESSES IN RUSSIA, OR WHY DOES BUSINESS FINANCE ELECTION CAMPAIGNS?

S.Yu. Barsukova[1], E.V. Denisova-Schmidt[2,3]

[1]*National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

[2]*University of St. Gallen (HSG). St. Gallen, Switzerland*

[3]*Boston College. Chestnut Hill, MA, USA*

BARSUKOVA, Svetlana Yuryevna, Dr. Sci. (Soc.), Professor, National Research University Higher School of Economics, email: sbarsukova@hse.ru; **DENISOVA-SCHMIDT, Elena Viktorovna,** Dr. Sci. (Philos.), Research Associate, University of St. Gallen (HSG); Research Fellow, Center for International Higher Education, Boston College, email: elena.denisova-schmidt@unisg.ch

Barsukova S.Yu., Denisova-Schmidt E.V. Political "Investments" by Businesses in Russia, or Why Does Business Finance Election Campaigns? – Polis. Political Studies. 2020. No. 3. P. 110-125. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.08

Acknowledgements. The study was carried out as part of the project "Informal Practices of Organizing and Conducting Election Campaigns in Modern Russia" with the support of the Khamovniki Social Research Foundation.

Received: 04.12.2019. Accepted: 03.02.2020

Abstract. This paper discusses the influence business has had on election campaigns in Russia. Based on expert interviews with political strategists, representatives of legislative and executive authorities, and entrepreneurs, the study identifies several types of political 'investments' made by businesses in modern Russia. They might be either passive (forced) or active (voluntary). Passive 'political investments' are treated by businesses as a form of informal taxation or a political tribute. In this case, the business can act as an official sponsor, transferring funds to the election fund account, and finance the shadow part of the election budget. Businesses might pay for bogus services from firms that play an active role as the shadow 'wallet' of election campaigns. Moreover, businesses might provide transportation, volunteers, or premises for election events; this can be forced upon them lest their relations with the government be negatively affected. Active 'political investments' might take the form of supporting a particular person without any formal or obvious obligations and associations with interested businesses. Businesspeople themselves might even stand as a candidate for elected posts. The first strategy, however, might be risky, as once elected, a candidate might terminate any informal agreements later on; hence, many businesspeople go into politics themselves to establish security, useful contacts, and options for their business development. The study outcomes suggest that it is almost impossible to do business in Russia without participating in these types of 'investments.' Moreover, the electoral process is ambivalent for businesses: it might be a heavy burden and a window of opportunity at the same time.

Keywords: financing of election campaigns, political investments of business, shadow budget of elections, participation of entrepreneurs in elections.

References

Frye T. 2002. Capture or Exchange? Business Lobbying in Russia. – *Europe-Asia Studies.* Vol. 54. No. 7. P.1017-1036. https://doi.org/10.1080/0966813022000017113

Frye T., Reuter O.J., Szakonyi D. 2014. Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace. – *World Politics*. Vol. 66. No. 2. P. 195-228. https://doi.org/10.1017/S004388711400001X

Gel'man V. 1998. The Iceberg of Russian Political Finance. – Funding Democratization. Peter Burnell and Alan Ware (eds.). Manchester and New York: Manchester University Press. P.158-179.

Gel'man V. 2015. Political Opposition in Russia: A Troubled Transformation. – *Europe-Asia Studies*. Vol. 67. No. 2. P. 177-191. https://doi.org/10.1080/09668136.2014.1001577

Orttung R. 2004. Business and Politics in the Russian Regions. – *Problems of Post-Communism*. Vol. 51. No. 2. P. 48-60. https://doi.org/10.1080/10758216.2004.11052162

Reuter O.J., Robertson G.B. 2012. Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments. – *The Journal of Politics*. Vol. 74. No. 4. P. 1023-1037. https://doi.org/10.1017/S0022381612000631

Sakaeva M. 2019. Moonlighting Politicians in Russia: Defense Capacities of Businesspeople in Regional and Local Legislatures. – *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 27. No. 1. P. 75-99.

Scott G., Sonin K., Zhuravskaya E. 2010. Businessman Candidates. – *American Journal of Political Science*. Vol. 54. No. 3. P. 718-36. https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2010.00456.x

Szakonyi D. 2018. Businesspeople in Elected Office: Identifying Private Benefits from Firm-Level Returns. – *American Political Science Review*. Vol. 112. No. 2. P. 322-338. https://doi.org/10.1017/S0003055417000600

Yakovlev A. 2006. The Evolution of Business-State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture. – *Europe-Asia Studies*. Vol. 58. No. 7. P. 1033-1056. https://doi.org/10.1080/09668130600926256

Analiticheskii doklad. Finansirovanie izbiratel'nykh kampanii po vyboram glav sub"ektov Rossiiskoi Federatsii [Analytical Report of the "Golos" Movement for Voter Rights. Financing Election Campaigns for the Election of Heads of Russian Federation Regions]. 2015. Moscow: Golos. URL: http://st.golosinfo.org/2015/08/d033924e.pdf (accessed 11.03.2020). (In Russ.)

Barsukova S.Yu., Zvyagintzev V.I. 2006. Mechanism of Political Investment, or How and What for Russian Business Takes Part in Elections and Covers the Expenses of Party Life. – *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 110-121. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2006.02.09

Bychkova O., Gel'man V. 2010. Economic Actors and Local Regimes in Major Russian Cities. – *Neprikosnovennyi zapas*. No. 2. P. 73-82. (In Russ.)

Den'gi na vyborakh: Problemy obespecheniya prozrachnosti finansirovaniya politicheskikh partii i izbiratel'nykh kampanii v Rossiiskoi Federatsii [Election Money: Problems of Ensuring the Transparency of Financing of Political Parties and Election Campaigns in the Russian Federation. Transparency International Report]. 2017. Moscow: Transparency International Russia. (In Russ.) URL: https://transparency.org.ru/special/dengi-na-viborah/money-to-elect.pdf (accessed 11.03.2020).

Levin S.N., Kagan E.S., Kislitsyn D.V. 2014. Internalized Political Resource of Big Business in Kuzbass. – *ECO Journal*. No. 1. P. 85-94. (In Russ.)

Levin S.N., Kurbatova M.V. 2011. Network Interrelations of the Russian Business: Business Corruption and Organic Institute of the Real Model of the Institutional Organization of the Russian Economy. – *Journal of Institutional Studies*. Vol. 3. No. 2. P. 50-69. (In Russ.)

Lyubarev A.E., Kynev A.V., Maksimov A.N. 2017. *Kak vybirala Rossiya – 2016. Monitoring izbiratel'nogo protsessa* [How Russia chose — 2016. Monitoring of the Electoral Process]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Oleynik A.A. 2008. Market as a Mechanism of Reproduction of Power. – *Pro et Contra*. No. 2-3. P. 88-107. (In Russ.)

Paneyakh E. 2008. *Pravila igry dlya russkogo predprinimatelya* [Rules of the Game for the Russian Entrepreneur]. Moscow: Kolibri. (In Russ.)

Sakaeva M. 2016. Businessmen in the Legislative Assemblies of the Regions – Status as Protection and Preference. – *Sociological Studies*. No. 4. P. 142-146. (In Russ.)

Tev D. 2008. Owners and Developers of Real Estate in Kaliningrad: Connections with the Authorities and Political Benefits. – *Political Science (RU)*. No. 3. P. 175-193. (In Russ.)

Volkov V. 2005. *Silovoe predprinimatel'stvo: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Power Entrepreneurship: Economic and Sociological Analysis]. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.)

Zubarevich N.V. 2002. I Came, I Saw, I Conquered? Big Business and Regional Power. – *Pro et Contra*. Vol. 7. No. 1. P. 107-120. (In Russ.)

Литература на русском языке

Аналитический доклад Движения в защиту прав избирателей "Голос". Финансирование избирательных кампаний по выборам глав субъектов Российской Федерации. 2015. М.: Движение в защиту прав избирателей "Голос". URL: http://st.golosinfo.org/2015/08/d033924e.pdf (accessed 11.03.2020).

Барсукова С.Ю., Звягинцев В.И. 2006. Механизм "политического инвестирования", или как и зачем бизнес участвует в выборах и оплачивает партийную жизнь. – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 110-121. https://doi.org/10.17976/jpps/2006.02.09

Бычкова О., Гельман В. 2010. Экономические акторы и локальные режимы в крупных городах России. – *Неприкосновенный запас*. № 2. С. 73-82.

Волков В. 2005. *Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ*. М.: Изд-во ВШЭ.

Деньги на выборах: Проблемы обеспечения прозрачности финансирования политических партий и избирательных кампаний в Российской Федерации. Доклад "Трансперенси Интернешнл-Россия". 2017. М.: Трансперенси Интернешнл-Россия. URL: https://transparency.org.ru/special/dengi-na-viborah/money-to-elect.pdf (accessed 11.03.2020).

Зубаревич Н.В. 2002. Пришел, увидел, победил? Крупный бизнес и региональная власть. – *Pro et Contra*. Т. 7. № 1. С. 107-120.

Левин С.Н., Каган Е.С., Кислицын Д.В. 2014. Интернализованный политический ресурс крупного бизнеса в Кузбассе. – *ЭКО*. № 1. С. 85-94.

Левин С.Н., Курбатова М.В. 2011. Сетевые взаимосвязи российского бизнеса: деловая коррупция и органический институт реальной модели институциональной организации российской экономики. – *Журнал институциональных исследований*. Т. 3. № 2. С. 50-69.

Любарев А.Е., Кынев А.В., Максимов А.Н. 2017. *Как выбирала Россия – 2016. Мониторинг избирательного процесса*. М.: Мысль.

Олейник А.А. 2008. Рынок как механизм воспроизводства власти. – *Pro et Contra*. № 2-3. С. 88-107.

Панеях Э.Я. 2008. *Правила игры для русского предпринимателя*. М.: Колибри.

Сакаева М.М. 2016. Бизнесмены в законодательных собраниях регионов – статус как защита и преференция. – *Социологические исследования*. № 4. С.142-146.

Тев Д.Б. 2008. Владельцы и девелоперы недвижимости Калининграда: связи с властью и политические выгоды. – *Политическая наука*. № 3. С. 175-193.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.09

ЕЩЕ РАЗ О ЦЕННОСТЯХ И “КАПИТАЛЕ”

В.А. Гуторов

ГУТОРОВ Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и философии политики факультета политологии СПбГУ, Санкт-Петербург, email: gut-50@mail.ru

Гуторов В.А. Еще раз о ценностях и “Капитале”. – Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 126-143. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.09

Статья поступила в редакцию: 09.12.2019. Принята к публикации: 22.01.2020

Аннотация. В работе представлены результаты критического анализа статьи Г.Л. Тульчинского “Политический контекст наррации с Wert-терминологией К. Маркса: стоимость vs ценность” (Полис. Политические исследования. 2019. № 3). В ней весьма наглядно обнаруживается ряд характерных тенденций, возникших в отечественной политической науке на посткоммунистической стадии ее развития. Ключевой момент аргументации автора состоит в радикальном противопоставлении ценностной и стоимостной традиций анализа текста “Капитала” и экономической теории К. Маркса. Напротив, многие современные труды, посвященные экономике знания и интеллектуальному капиталу, свидетельствуют о тенденции к творческому, лишенному налета академического догматизма взаимодействию и взаимообогащению обеих аналитических парадигм. В этом плане, на наш взгляд, идеологизированная трактовка Тульчинским проблемы ценностей в марксизме на данный момент вряд ли способна преодолеть традиционные политэкономические и этические ее интерпретации, образцы которых приводятся в настоящей статье.

Ключевые слова: политическая экономия, ценности, марксизм, австрийская школа, идеологические аберрации, интеллектуалы, академический дискурс.

Я не менее здоров, хотя и не принимаю лекарства,
которые укрепляют тебя.
Филодем из Гадары

Каждый выбирает для себя...
Юрий Левитанский

В своем “Словаре политической мысли” Роджер Скратон характеризует ценность как “идею, порождающую больше вопросов, чем ответов” [Scruton 2007: 718]. “В области экономической теории нормальным является следовать Смиту, отличая потребительную ценность от цены, или меновой ценности. Смит пояснял это [различие] так: “Следует отметить, что слово ‘ценность’ имеет два различных значения и иногда обозначает полезность некого отдельного предмета, а иногда способность покупать другие товары, на владение которыми указывает данный предмет. Первое значение может быть обозначено как ‘ценность в употреблении’, второе как ‘ценность при обмене’”. Смит добавлял, что “вещи, которые имеют величайшую ценность в плане употребления, при обмене часто стоят мало или же вообще ничего не стоят. И наоборот...”. В общем плане термин “ценность” прикладывается ко всем объектам, которые представляются достойными человеческого стремления. Так, в экономической сфере ценность придается товарам; но в более широ-

ком контексте она придается также идеалам, мотивам, чувствам, действиям. Принципиальный пункт в теории ценностей заключается в вопросе относительно объективности моральных ценностных суждений, т.е. суждений о том, что хорошо, справедливо или достойно" [ibidem].

Размышляя о природе ценностей, Скратон забыл упомянуть, что они по природе обладают огромным спекулятивным "потенциалом роста", который постоянно проявляется практически во всех областях гуманитарного знания, ломая привычные стереотипы, порождая все новые теоретические гипотезы и провоцируя вопросы, на которые приходится искать ответы.

Язык Маркса в структуре идеологических аберраций

Живое доказательство справедливости философских констатаций Р. Скратона мы обнаруживаем в статье "Политический контекст наррации с Wert-терминологией К. Маркса: стоимость vs ценность" [Тульчинский 2019]. Ее автор – Григорий Львович Тульчинский – широко известен в научных кругах как выдающийся философ и культуролог, автор трактата "Тело свободы" и весьма содержательных работ, посвященных проблемам развития отечественного бизнеса и политической культуры [см., например: Эпштейн, Тульчинский 2006; Тульчинский 2006; 2014].

Настаивая на *ценностной парадигме*, якобы формирующей логику и терминологический аппарат "Капитала", Тульчинский, сознательно или по каким-то иным причинам, не склонен ясно охарактеризовать собственную позицию относительно определения самого понятия "ценность". В связи с такой "абсентеистской" позицией автора и во избежание дальнейших недоразумений, мы будем придерживаться в процессе анализа его работы тех разграничений, которые много лет назад были прекрасно сформулированы Ральфом Петтманом: "Полезно... различать *верования*, представляющие собой когнитивные предположения, которые мы делаем относительно того, что существует или не существует и что кажется более истинным или ложным..., от *мнений*, являющихся положительными или отрицательными чувствами, которые у нас имеются по отношению к отдельным верованиям, и от *ценностей* как таковых, существующих в качестве критериев, которые мы используем при решении того, чего желать, чему сопротивляться и что определять в качестве достойного и благого. Определяемые таким образом ценности включают в себя как разум, так и эмоции, мысли, наряду с чувствами" [Pettman 1981: 14]. Петтман при этом вполне в духе Скратона замечает: "разумеется, такая смесь является очень 'человечной'", но она нередко предельно обостряет теоретические дискуссии, поскольку "в практическом плане любой ценности могут придаваться различные, даже противоречащие друг другу интерпретации, ведущие к легитимации совершенно различных, даже противоречивых социальных и политических порядков: то, что является справедливым для одних, например, апология частной собственности, другим, кто выступает за ее отмену, может казаться несправедливым" [ibid.: 11].

Концепция Г.Л. Тульчинского выстроена весьма прямолинейно и основана на нескольких предельно простых тезисах:

1. *Стоимостная парадигма*, возобладавшая в переводах "Капитала" в советский период, полностью искажает язык Маркса-экономиста: "В русском языке ценность и стоимость – слова разнокоренные и отсылают к разным смысловым

контекстам: быть ценным, полезным, что-то значить и – стоить, т.е. сводить все к цене, выражаемой в деньгах. В немецком языке это выражается словами *der Wert* и *der Preis*. Поэтому 'стоимостная парадигма' резко редуцирует *богатство рыночных ценностных контекстов* (курсив мой. – *В.Г.*). Если 'меновая стоимость' передает суть возможности количественной характеристики обмена товаров, то 'потребительная стоимость' *по-русски выглядит чем-то вроде 'круглого квадрата'* (курсив мой. – *В.Г.*) – не то прилагательное не к тому существительному. В европейских языках, которыми пользовался К. Маркс, 'ценность' – более широкая категория, содержание которой выражается не только в цене, а именно в широком контексте сути рыночных отношений – как важного проявления антропологической неполноты человека, принципиально нуждающегося в обмене (веществ, собственности, коммуникации)" [Тульчинский 2019: 178]. Вывод напрашивается сам собой – коль скоро Маркс "пользовался европейскими языками"[1], то, следовательно, его научный язык автоматически должен вписываться в "концептуальное содержание Wert-терминологии" [там же].

2. В первое десятилетие XX в. в России в условиях глубокого кризиса русского "революционного сознания" и стремления социалистов найти в марксистском учении предельно простые ответы на "проклятые вопросы" начинает пропагандироваться стоимостная парадигма, искажающая подлинного Маркса [там же: 177]. В итоге вслед за "лопатинским" *стоимостным* переводом первого тома "Капитала" (1872 г.) и *ценностно-ориентированным* его переводом 1898-1899 гг., осуществленным Е.А. Гурвич и Л.М. Заком под редакцией П.Б. Струве, "в 1907-1909 гг. был опубликован третий перевод, подготовленный И.И. Скворцовым-Степановым и В.А. Базаровым под редакцией А.А. Богданова, одобренный В.И. Ульяновым (Лениным), принимавшим участие в редактировании второго тома. Этот перевод был более полным, но он способствовал закреплению 'стоимостной парадигмы'. В нем опять использовался 'стоимостной' перевод *марксовой 'Wert-терминологии'* (курсив мой. – *В.Г.*), который был закреплен впоследствии изданием Института марксизма-ленинизма. Во всех этих переводах термины *der Wert* (ценность, значение, стоимость, достоинство), *das Wertding* (ценная вещь), *die Wertgegenständlichkeit* (ценностная предметность) переводились на русский как 'стоимость'" [там же].

3. Переход бывших народников на позиции марксизма, предоставлявшего "экономически выраженные простые ответы на непростые вопросы, изложенные в лозунгах, очень понятных всем обездоленным", сопровождался в области теории упрощающей стратегией "интерпретации марксовых концептов, радикально обеднивших смысловое содержание нарративов в общественной науке, образовании, средствах массовой информации" [там же]. Октябрьская революция 1917 г. и победа большевиков привели к тому, что "эта тенденция была фактически канонизирована в отечественной науке и системе образования советского времени" [там же]

4. Хотя Тульчинский признает, что сам Ленин, "отдававший предпочтение слову 'стоимость', не придавал этому вопросу 'особенно существенного значения'" [там же: 180], получается, что именно легитимация будущим "вождем пролетарской революции" первоначальной версии Лопатина-Даниэльсона

[1] Интересно узнать – к какой же категории Тульчинский относит русский язык, который Маркс, как известно, выучил настолько хорошо, что даже читал М.Е. Салтыкова-Щедрина в оригинале?

в третьем переводе первого тома "Капитала" инициировала "российско-советский след" в марксологии [там же: 176], который в дальнейшем стал оказывать крайне негативное влияние не только на советский, но и на мировой экономический и идеологический дискурсы.

Поскольку Тульчинский стремится выдвинуть проблему языка и терминологии на передний план, вероятно, полагая, что филологические доводы наилучшим образом обеспечат надежный фундамент для дальнейшего развития его аргументации, необходимо сразу отметить, что в этом отношении он совершенно прав. Филологическая сторона проблемы нередко может стать решающей в абстрактных теоретических спорах об истоках социальной философии и экономической теории Маркса. Еще в начале 1980-х годов Э.У. Гоулднер в работе "Два марксизма" совершенно справедливо отмечал: "Одним из важных аспектов серьезного понимания текстов является серьезное отношение к *языку*... Как теория марксизм – это, прежде всего, язык. Каковы бы ни были наши взгляды на марксизм как 'науку', или является он наукой или нет, марксистская теория выражена в языке и в системе коммуникации" [Gouldner 1980: 21-22]. Но для того, чтобы коммуникация стала прозрачной, разумеется, необходимо, прежде всего, понять, как наилучшим образом использовать ресурсы русского языка для адекватного перевода марксистских текстов.

Открываем современный "Большой немецко-русский словарь". Слово *der Wert* переводится как "стоимость, ценность, цена". Стоимость, как мы видим, помещена на первое место [Большой... 1980: II, 590]. Один из главных языковых доводов Тульчинского заключается в том, что первый русский перевод "Капитала", осуществленный в 1872 г. Г.А. Лопатиным и Н.Ф. Даниэльсоном, "был начат со второй главы, без учета принципиально важного фрагмента, в котором К. Марксом раскрывается двойственная природа товара – как *der Gebrauchswert* (ценность как полезность – качественная характеристика, не выразимая количественно) и *der Tauschwert* (меновая ценность, способность пропорционально обмениваться). Эти две принципиально различные стороны товара фигурировали в данном переводе, соответственно, как 'потребительная' и 'меновая' стоимости" [Тульчинский 2019: 176-177]. В "Большом" словаре, при переводе *der Gebrauchswert,* помимо фиксации общепринятого у экономистов перевода "потребительная стоимость", встречается и следующая качественная характеристика, которая усиливает "потребительный" акцент – "добротность, прочность, носкость (товара)" [Большой... 1980: I, 519]. В данной акцентировке стоимость, цена и "ценность как полезность" легко могут сочетаться с любой иной палитрой терминологических характеристик, вполне соответствующих "двойственной природе товара".

Вот такой получается "круглый квадрат"...

Зафиксированная в "Большом" словаре традиция перевода *der Wert* (= англ. *the value*) является общепринятой и постоянно отражается и в западных тематических словарях, написанных отнюдь не левыми радикалами или "советофилами". Так, в одном из современных американских *Marx dictionary* можно прочесть следующее определение: "*Стоимость* – социальное отношение, связанное с тем фактом, что товары как продукты труда воплощают в себе определенное количество общественно необходимого рабочего времени, которое является составной частью общественного труда в целом. Таким образом, стоимость *не* является приватным трудом отдельного индивида.

В первом томе *Капитала* (1867 г.) Маркс утверждает, что сущностью стоимости является абстрактный труд, который является человеческим трудом, абстрагированным от его отдельной конкретной формы. Например, при изготовлении верхнего платья стоимость этого товара не представлена действительным количеством труда, затраченного отдельным индивидом на его создание. Напротив, стоимость верхнего платья является долей общественного труда, которая приписывается этому товару" [Fraser, Wilde 2011: 206]. Как мы видим, американские составители "марксистского словаря" Ян Фрейзер и Лоуренс Уайлд руководствуются в наше время той же логикой перевода, что и Ленин в начале XX в., и, по-видимому, как и он не придают своей интерпретации понятия *the value* "особенно существенного значения".

Русский язык, как и все развитые европейские языки, очень богат оттенками и многозначностью слов и выражений, которые нередко зависят от субъективных ценностных предпочтений. Если кто-либо с предубеждением относится к "рыночным ценностям", для него придуманное Тульчинским словосочетание – "богатство рыночных ценностных контекстов" будет иметь совсем иной смысл по сравнению с восприятием убежденного сторонника так называемого *свободного рынка*. Должно ли, например, метафорическое выражение "цена человека" обязательно быть связано с представлением о работорговле, кандалах и хлопковых плантациях и т.п., где "ценность сведена к цене, выражаемой в деньгах"? Приведем пример из рассказа маршала А.Е. Голованова о маршале К.К. Рокоссовском, опубликованного Ф.И. Чуевым в книге "Солдаты империи": "А.Е. Голованов пишет: 'Сколь велика была его известность у противника, можно судить по следующему эпизоду... Рокоссовский прибыл под Сухиничи, и ему не пришлось организовывать боя за них, так как противник, узнав об этом, немедленно оставил город без сопротивления...'. *Это тоже цена полководца*" [Чуев 1998: 338-339].

Иными словами, в русском языке, как и в других языках, зафиксировано все многообразие ценностно окрашенных суждений. Когда речь идет о моральной или эстетической оценке отдельных личностей, политических или культурных феноменов, подчас возникают контексты, в структуре которых термин "цена" многократно усиливает восприятие их "ценности". На наш взгляд, Ян Ассман, характеризуя историческую роль монотеистических религий, возникших в период "осевого времени" (К. Ясперс), далеко не случайно назвал свою книгу "Цена монотеизма", прежде всего для того, чтобы лишний раз подчеркнуть следующий главный тезис своей работы: "На определенной стадии развития древней истории... имел место сдвиг, оказавший гораздо большее воздействие на мир, в котором мы сегодня живем, чем любой политический переворот" [Assmann 2010: 1].

В других же контекстах термин "ценность" вообще может выглядеть совершенно неуместным из-за неопределенного или крайне абстрактного значения. Возможно ли использовать понятие "ценность" в переводе следующего полемического рассуждения М. Фуко: "Выражение Маркса здесь вполне уместно: человек производит человека. Как это следует понимать? ... Что касается слова 'производить', то я не согласен с теми, кто станет утверждать, что такое производство человека человеком происходит подобно производству *стоимости* (курсив мой. – *В.Г.*), производству богатства или любого экономически полезного предмета. Это – разрушение того, чем мы являемся, и создание совершенно другой вещи" [цит. по: MacDonald 2006: 103]?

Если, по Тульчинскому, в языке Маркса слово *der Wert* следует переводить на русский язык исключительно как "ценность", тогда ему необходимо предварительно объяснить, существует ли в экономической теории такое понятие как "закон ценности" и как он реализуется на практике? Во всяком случае, статистический анализ современных научных текстов показывает, что многие историки политической экономии, во избежание словесной невнятицы и логических противоречий, предпочитают, как это делали в начале XX в. Богданов и Ленин, в таких случаях интерпретировать идеи Маркса в рамках *стоимостной* парадигмы. "Марксистская теория, – отмечает Дж. Маккарти в работе "Маркс и древние", – составлена из этического и метаэтического компонентов в соответствии с методом, который весьма близок к этической и политической теории Аристотеля... Историческая и диалектическая критика метаэтики показывает, почему социальная система, построенная на законе стоимости и абстрактного труда, а также противоречиях между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, возможно, не может реализовать идеалы классической этики и социальной справедливости" [McCarthy 1990: 15-16; см. также: McCarthy 1988: 65-66; ср.: Cutler et al. 1977: 3-4, 11-37]. Та же самая парадигма обычно применяется и для анализа марксовой теории прибавочной стоимости. Например, в другой своей работе, посвященной методологическим основаниям политической экономии, Маккарти специально подчеркивает: "Отношение между теорией стоимости Маркса (общественно необходимый абстрактный труд) и экономическим кризисом вращается вокруг различия между уровнем прибавочной стоимости и уровнем дохода" [McCarthy 1988: 130].

Разумеется, никому не возбраняется заменять *стоимость* на *ценность* и в приведенных выше научных текстах, но тогда, на наш взгляд, очень легко получить в итоге *двух Марксов* вместо одного. Можно до бесконечности цитировать различные западные тексты с трактовками концепта стоимости в "Капитале", которые по своему характеру полностью исключают догматизированную "ценностную гипотезу" в любой ее форме. Приведем только одну из них, наглядно свидетельствующую о том, что и ранние стоимостные подходы в советской литературе, и более поздние аналогичные западные интерпретации *вписываются в весьма долговременную традицию* и уже поэтому никак не могут противопоставляться друг другу. Тем более, что Тульчинский, кроме убежденности в собственной правоте и язвительных инвектив в адрес реальных и потенциальных оппонентов, фактически не приводит, на наш взгляд, *никаких серьезных доказательств* относительно научных и общефилософских (включая этические) преимуществ ценностного подхода. "*Ценностные* интерпретации 'трудовой теории стоимости', – отмечает Р. Марсден, – обычно основаны на неуловимости 'ценности' и проблематичном отношении между ее субстанцией и формой. Ее интерпретация в реалистическом плане делает ее вразумительной. Сущность стоимости заключается в отношении между людьми, выраженном в виде абстрактного труда. Формой стоимости является отношение между товарами, выражаемое как меновая стоимость или цена. Истолкованный подобным образом абстрактный труд не является *причиной* стоимости, как это предполагается в 'трудовой теории стоимости'. Скорее, абстрактный труд и (меновая) стоимость являются сторонами одних и тех же социальных отношений, субстанции и формы, внутреннего и внешнего точно так же, как внутренне соотносятся друг с другом абстрактные труд/принуждение, гражданское общество/государство" [Marsden 1999: 121].

О чем же свидетельствуют филологические доводы Тульчинского, и какие предварительные выводы можно сделать в отношении обозначенных выше основных элементов его концепции? На наш взгляд, отдающая легкой конспирологией аргументация автора содержит серьезные лакуны и вряд ли может выдержать столкновение с реальными фактами. Выстраиваемый Тульчинским прямолинейный хронологический ряд, виртуально обозначающий утверждение в России господства *стоимостной парадигмы,* от кризиса "революционного сознания" начала XX в. до победы большевиков в 1917 г., – очередная идеологическая аберрация, облеченная на этот раз в "темпоральные одежды". Апелляция к филологии лишь усиливает смутность логики статьи и никак не может помочь ее автору справиться с очевидными противоречиями исторического и теоретического характера.

Об исторических аспектах теоретической полемики: Бём-Баверк и австрийская школа против "Капитала"

Обратимся немного к истории. В том же самом 1909 г., когда была завершена публикация одобренного Лениным *стоимостного* перевода первого тома "Капитала" под редакцией А.А. Богданова, был также опубликован перевод книги О. Бём-Баверка "Теория эксплуатации", содержащей критику экономической теории Маркса с ценностно-ориентированных позиций австрийской (венской) школы [см.: Бём-Баверк 2002: 212-258]. Ее редактор М.И. Туган-Барановский еще в 1890 г. входил в созданный П.Б. Струве студенческий марксистский кружок и мог вполне разделять принципы перевода "ценностной" версии "Капитала", опубликованной в 1898-1899 гг. под редакцией последнего. Хорошо известен отзыв Туган-Барановского о Ленине как о "ничтожном экономисте", который "не знает ни Кенэ, ни даже Листа. Он не прочитал ни Менгера, ни Бём-Баверка, ни одной книги критиковавших теорию трудовой стоимости, разрабатывавших теорию предельной полезности. Он сознательно отвертывался от них, боясь, что они просверлят дыру в теории Маркса" [В.И. Ленин: pro et contra... 2017: 59]. Вместе с тем, в нашем распоряжении *нет конкретных полемических фактов*, свидетельствующих о том, что Туган-Барановский и Струве рассматривали стоимостную терминологию перевода "Капитала", выполненного под редакцией А.А. Богданова, как надуманную и несовместимую с языком Маркса. Таким образом, речь может идти, на наш взгляд, о возникновении в России двух различных вариантов интерпретации экономических текстов Маркса, которые в основных чертах воспроизводили весьма давние западноевропейские теоретические дискуссии между сторонниками различных версий языка политэкономии, продолжающиеся вплоть до наших дней. Эти дискуссии имели место и в постреволюционной Советской России. Например, в 1923 г., т.е. еще при жизни Ленина, когда, с точки зрения Тульчинского, "'ценностная' трактовка была фактически изъята из научного обихода советского марксизма-ленинизма" [Тульчинский 2019: 178], в Москве в переводе Е. Пашуканиса была опубликована работа Рудольфа Гильфердинга – ведущего экономиста германской социал-демократии, направленная против Бём-Баверка [Гильфердинг 1923]. Примечательно, что данном случае имел место своеобразный парадокс: книга Гильфердинга, убежденного противника как большевиков и Ленина, так и "ценностной теории" Бём-Баверка, была переведена Пашуканисом

с использованием терминологии австрийской школы. Это обстоятельство ослабляло пафос критики и одновременно придавало тексту несколько фантасмагорический оттенок: критические аргументы проступали сквозь оболочку терминов, совершенно чуждых самому Гильфердингу.

Таким образом, можно считать, что споры вокруг различных вариантов интерпретации терминологии "Капитала", появившиеся в имперской России в начале XX в., благополучно продолжались в СССР, по крайней мере, до тех пор, пока Сталин не решил "послать НЭП к чертовой матери". Дискуссия развивалась в университетах Западной Европы и США, которым не нужно было ждать указаний Коминтерна, чтобы затем вновь ожить в СССР в эпоху "оттепели" в том числе и для того, чтобы, наконец, в посткоммунистический период ценностная парадигма вновь смогла заявить о своих правах и попытаться восстановить прежде имевшееся равновесие. Но не одержать победу! Последняя существует только в воображении Тульчинского, а на самом деле число сторонников этой парадигмы на Западе и, тем более, в России вряд ли превосходит количество ее принципиальных оппонентов.

Упомянутые выше имена Карла Менгера и Ойгена Бём-Баверка сами по себе сигнализируют о том, что в аргументации Тульчинского имеется *крайне серьезный концептуальный изъян*, существование которого ставит под вопрос все его сверхпростые гипотезы. Проблема состоит в том, что пресловутая *Wert-терминология*, которую автор считает естественной, на самом деле носит довольно искусственный характер и имеет вполне определенный источник происхождения. В этом плане в статье Тульчинского существует "пробел", который предельно затуманивает его рассуждения о преимуществах ценностной трактовки политэкономии Маркса. В статье нет ни одного слова о формировании и истоках ценностной парадигмы в западной экономической теории на рубеже XIX-XX вв. В позитивной форме она возникла как результат критики "Капитала" Бём-Баверком, виднейшим представителем австрийской экономической школы, которого Йозеф Шумпетер называет "буржуазным Марксом" [Шумпетер 2004: 1115]. "В немецкой экономической теории начала девятнадцатого века, – отмечает Кейт Трайб, переводчик и редактор новейшего английского издания "Хозяйства и общества" Макса Вебера, – 'ценность' была в сущности субъективным понятием: то, в чем существовала потребность и что было необходимо приобрести, имело ценность. В англоязычной политэкономии 'ценность' была центральным понятием, но не субъективным концептом. Более того, политэкономия опиралась на утилитаризм, но это не обозначалось ясно до тех пор, пока Джевонз в 1862 г. не представил в эксплицитной форме оценку предельной полезности, выражаемой в терминах удовольствия и страдания" [Weber 2019: 463]. В дальнейшем "фон Визер открыто связал Менгера с Джевонзом как представителей 'современной теории', имеющей общий отправной пункт в предельной полезности, и в данном качестве выставил их обоих как противников 'классической теории'" [ibidem; ср.: Westerman 2019: 107, 148]. Ученик К. Менгера О. Бём-Баверк, критикуя Маркса и разрабатывая концепцию субъективной ценности и предельной полезности, следовал в этом плане уже сложившейся традиции буржуазной политэкономии. В начале XX в. критические идеи австрийского экономиста стали общим местом в экономической науке: одни теоретики к нему присоединились и стали заменять стоимость на ценность, другие, такие как Гильфердинг, остались верны сто-

имостной парадигме. В начале советского периода инерция споров начала века также отразилась в переводной литературе, в частности, в переводе Пашуканисом критической работы Гильфердинга, направленной против Бём-Баверка.

Таким образом, терминологические разногласия в различных версиях русского перевода "Капитала" определялись не "резиньяцией" сознания в русском революционном движении, как полагает Тульчинский, а идеологическими разногласиями, сопровождавшимися размежеванием академических приоритетов: если Струве, Туган-Барановский и другие сторонники "ценностной парадигмы" ориентировались на классическую английскую политэкономию и австрийскую школу К. Менгера и О. Бём-Баверка, то Скворцов-Степанов, Богданов и Ленин, вероятно, полагали, что переводят Маркса на "аутентичный" его мысли русский язык.

Но истоки связанных с ценностной парадигмой противоречий в исторической плоскости лежат еще глубже. Так, комментируя вопрос о современном понимании аристотелевской антропологической этики, немецкий антиковед и социальный философ К. фон Фриц счел необходимым подробно оценить исторические истоки споров вокруг проблемы ценностей в эпоху модерна. "Проблема возникла в середине XIX в., когда философ Людвиг Фейербах в своей книге *Das Wesen des Christentums* (Сущность христианства) и своих лекциях *Das Wesen der Religion* (Сущность религии) стал подрывать веру в реальность Бога среди быстро возрастающего количества образованных людей. Он пытался доказать, что вера в Бога является иллюзией: это результат бессознательного желания гарантировать стабильность социального порядка и мира в целом. Как следствие этого стремительно распространявшегося неверия вопрос о том, что может заменить веру в Бога, стал настоятельным, поскольку образованные неверующие люди боялись того, что, если их собственная внутренняя предрасположенность ума распространится на низшие классы, последние могут впасть в полную моральную анархию. Первым результатом данного последовательного поиска замены веры в Бога как основы и опоры этики и морали была так называемая *Wertphilosophie* (философия ценностей), развиваемая немецкими философами Германом Лотце и Генрихом Риккертом. Их основополагающий тезис заключался в том, что ценности *gelten* (имеют силу), но они не существуют (*sind nicht*). Они постулировали то, что может на первый взгляд показаться, скорее, странным тезисом, исходя из различия двух видов законов, фундаментально отличающихся друг от друга: природных законов и моральных законов... Однако возникшая путаница вела также и в совершенно ином направлении. Макс Вебер в студенческие годы был глубоко впечатлен учениями Германа Лотце и Генриха Риккерта и на протяжении всей своей жизни продолжал взирать на них с глубоким благоговением. Но позднее, став академическим преподавателем, он обнаружил, что столкнулся с совсем иной проблемой. Он выяснил, что многие из его академических коллег примыкали к самым различным видам идеологии: консервативной, либеральной, националистической, социалистической и др., но любой из них верил, что он способен доказать 'научно' истинность его собственной идеологии. Такая претензия казалась Веберу необоснованной. Изучая приводимые доказательства, он пришел к выводу о том, что невозможно 'научно' доказать правильность идеологии... Наиболее важное изменение, происшедшее в развитии теории Макса Вебера, состояло в замене идеологий

более общим понятием ‘ценностей’ и сопутствующим требованием ‘науки свободной от ценностей’. *Die wertfreie Wissenschaft* стала господствующим лозунгом, который все еще практически везде является общепринятым. И все же, при всем уважении к интеллектуальному гению и моральной честности Макса Вебера, в его столь приводящей в восторг теории существует определенная слабость... Ясно, что расширение требования, чтобы наука сохраняла свободу от влияния идеологий, до требования быть свободной от ‘ценностей’ отворяет дверь как раз тому, с чем Макс Вебер стремился бороться изо всех сил. Если существует свободный выбор между конфликтующими ценностями, каждая из которых претендует на верховенство, возникает опасность того, что данная свобода выбора не будет пребывать в границах уже универсально признанных ‘ценностей’, но будет также инкорпорирована в свободу определять или позиционировать то, что считается ‘ценностью’. Именно это и произошло. Требование возвысилось до того, что теперь желательно и необходимо ‘создавать’ ценности не в смысле *фактической* реализации того, что уже было признано ценностью в *теории*, но в смысле установления новых критериев относительно того, что должно или не должно рассматриваться как ценность. С введением этого требования все объективные пределы были отменены” [Fritz 1984: 69, 71, 72-73; ср.: Turner, Factor 1984: 35-36].

Критика Маркса Бём-Баверком – типичный пример воздействия обозначенной К. фон Фрицем тенденции, которая способствовала в дальнейшем *реидеологизации* языка политэкономии на основе весьма субъективного использования одной из многочисленных версий интерпретации ценностей. От многих суждений Тульчинского веет традиционной “философией ценностей”, которая воспроизводится и в аргументации теоретиков *австрийской школы*, ставших (далеко не всегда целенаправленно) в области экономической теории верными адептами Лотце и Риккерта [ср.: Social Costs... 2006: 31, 166-168]. Ряд пассажей статьи невольно создают впечатление того, что вместо тщательного анализа конкретных исторических свидетельств причин преобладания стоимостной парадигмы в переводах и интерпретациях “Капитала” в России, ее автор изначально стремится излишне политизировать данную проблему. Об этом свидетельствует не только сверхполитизированное введение, но практически все содержание его работы. В ряде своих рассуждений Тульчинский выглядит иногда гораздо более политизированным и “идеологизированным”, чем российские леворадикальные интеллектуалы начала XX в. и даже “работники идеологического фронта” не столь уж отдаленных от нас советских времен.

К ПРОБЛЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ МАРКСОЛОГИИ

Бросается в глаза, что переводы тех западных работ, которые не вписываются в концепцию Тульчинского, не фигурируют в ссылках и списке литературы его статьи. Так случилось, например, с книгой А. Горца “Нематериальное. Знание, стоимость и капитал”, опубликованной издательством ВШЭ. В предисловии к этой работе М. Маяцкий вполне прозрачно обозначает свою позицию сторонника стоимостной парадигмы, одновременно отдавая должное ее автору и дистанцируясь от его научной позиции: “Когда автор пишет, что стоимость товара зависит отнюдь не только от его объективных достоинств, но и от его маркетинга, раскрутки и т.п., хочется сначала снисходительно улыбнуться над пожилым социологом, едва поспевающим за уже не железным,

а нематериальным конем современности. А потом хочется пригорюниться над своим уделом и даже всплакнуть над горькой долей более молодого поколения, которое не только воспринимает это положение дел как нормальное, но уже и не подозревает, что когда-то могло (или еще может?) быть иначе" [Маяцкий 2010: 8-9]. Совершенно очевидно, что переводчики и ученые, работающие с автором статьи в одном и том же учреждении, не склонны прислушиваться к его резким инвективам и социологическим пророчествам. Но, понятно, со своими коллегами по ВШЭ нашему автору спорить не совсем удобно.

Тульчинский не касается проблемы теории прибавочной стоимости и не задается вопросом, возможно ли в рамках ценностно-ориентированной трактовки "Капитала" рассуждать о "прибавочной ценности". Это представляется странным, но возможно, имеет свои объяснения. Во всяком случае, экономисты и политические теоретики, не придерживающиеся ценностной парадигмы, и в наши дни продолжают, нередко в полемической форме, анализировать известный тезис Ф. Энгельса о прибавочной стоимости как об одном из главных открытий Маркса [см., например: Elliott 2008: 3-4]. Так, широко известная книга Даниэля Бенсаида с характерным названием "Маркс для нашего времени: приключения и злоключения критики", отсутствующая в списке литературы Тульчинского, наглядно демонстрирует остроту и характерные особенности критического направления в современной марксологии: "После всех бедствий, накопившихся в двадцатом веке, среди тревожного молчания лучшего будущего, которое перестало резонировать, было бы очень заманчиво вернуться от 'научного социализма' к 'утопическому социализму', избавиться от догматических иллюзий первого только для того, чтобы поддаться старческим, истощенным химерам второго, даже не оправдывая наивности или энтузиазма их первоначального *élan* (мощного порыва. – *В.Г.*). Но, согласно мнению Деррида, снова и снова возникает один существенный вопрос, всегда сохраняющий актуальность: не коммунизм, а именно капитал и формирование прибавочной стоимости в ее новых формах. Очевидно, что капитал не действует теми же способами, которыми он оперировал в девятнадцатом веке (только идиот может игнорировать этот факт), и все же он сохраняет действенность. Увидеть, чем он становится в наши дни, избегать его фантасмагорий, ответить на его загадочные вопросы – все это остается делом Маркса и коммунизма" [Bensaïd 2009: XI; ср.: Keucheyan 2013].

На наш взгляд, превосходный и предельно краткий комментарий к рассуждениям обоих французских философов, был дан Грегори Эллиоттом в уже цитируемой выше книге "Цели в пределах видимости: Маркс, Фукуяма, Хобсбаум, Андерсон": "...Наделенный уникальным даром предвидения в отношении капитализма, Маркс, и это мнение в некотором плане разделяют все без исключения, весьма странно ошибался относительно коммунизма. Если первый – это реальность, то когда же наступает последний? Одно-единственное послание, которое безошибочно проступает в тексте, заключается в следующем: коммунизм является неотъемлемым свойством капитализма... Стремление отстаивать современность *Коммунистического Манифеста* путем его переформулирования как не-манифеста без коммунизма может рассматриваться как первый пример, содержащий слабое или, если угодно, неискреннее порицание" [Elliott 2008: 1-2]. Следует отметить, что такого рода эвристические

оценки современного потенциала марксизма имеют универсальный характер, они легко меняют идеологические векторы и аналогичным образом могут использоваться в целях либеральной апологетики. В эпоху "бархатных революций" и в более поздний период они, например, нередко применялись политическими теоретиками для реабилитации перманентных исторических неудач европейского либерализма и обоснования новой концепции "демократического либерализма". "Либерализм, – утверждает Т. Рокмор, – фактически не встречает противодействия как единственная политическая модель в промышленно развитом мире и, за некоторыми исключениями, как единая модель для мира в целом... Однако, несмотря на то, что в течение долгого времени он, скорее всего, не встретит реального сопротивления, его перспективы практического успеха очевидно не более вероятны, чем раньше. Не следует забывать, что его вполне осознаваемая неспособность реализовать свои социальные обещания была главной причиной появления марксизма как предполагаемой альтернативы" [Rockmore 2005: 51-52].

Возвращаясь к чисто терминологическим аспектам трактовки Д. Бенсаидом и Ж. Деррида марксовой концепции капитала и формирования прибавочной стоимости, следует отметить, что еще в 1960-е годы практически такой же логикой руководствовались и французские философы и экономисты – авторы знаменитого двухтомного труда "Читаем *Капитал*" (*"Lire le Capitale"*). Например, анализ обширного предисловия "От 'Капитала' к философии Маркса", написанного Луи Альтюссером, весьма отчетливо свидетельствует о том, насколько далека мысль французского марксиста от ценностной парадигмы Бём-Баверка. Например, даже само слово *la valeur*, которое филологи-романисты обычно переводят так же, как и их коллеги-германисты, а именно – "стоимость, цена, ценность" [Французско-русский словарь 1971: 865], появляется у Альтюссера только в общих контекстах, например, когда речь идет о необходимости использовать существующие, имеющие большую ценность труды по истории и эпистемологии (*prendre appui sur les travaux de valeur*) для изучения специфических особенностей марксистской теории [Althusser, Rancière, Macherey 1966: 53; ср.: Althusser, Balibar, Establet 1966: 10-11]. В небольшом параграфе "Анализ стоимости", которым завершается первый том, его автор Пьер Машрей строго придерживается именно классической "стоимостной" трактовки понятия *la valeur*: "Исходным пунктом, или предметом анализа является теперь отношение обмена, отношение равенства между двумя товарами. Нет никакой необходимости принимать во внимание денежную форму для определения стоимости; эта форма является развитой формой... в то время как обмен является элементарной формой" [Althusser, Rancière, Macherey 1966: 239; см. также: 242]. Автор в дальнейшем строго следует логике Маркса, подробно останавливаясь на экономической концепции Аристотеля, сумевшего "привести денежную форму товара обратно к элементарной форме отношения обмена" [ibid.: 239].

Полемики с такими "знаковыми" мыслителями как Жак Деррида и Луи Альтюссер, равно как и с Андре Горцем и его российскими комментаторами из московского отделения ВШЭ, Тульчинский, по-видимому, избегает. Вероятно, по этой причине все они напрочь выпадают из сферы его внимания. Остаются преимущественно "недалекие" советские экономисты и уже совсем далекие русские интеллектуальные левые радикалы, в том числе и первые

переводчики "Капитала". Именно поэтому следует еще раз подчеркнуть, что защита классической концепции стоимости, история которой насчитывает не одно столетие, вовсе не препятствует ее философским и общесоциологическим "ценностным" трактовкам, как полагает Тульчинский. Напротив, современные труды, посвященные экономике знания и интеллектуальному капиталу, свидетельствуют о тенденции к творческому, лишенному налета академического догматизма взаимодействию и взаимообогащению обеих традиций [см.: Intellectual Capital... 2005; Organisational Capital... 2009; Bounfour 2011].

В свое время, характеризуя природу ценностей, Джозеф Раз справедливо отмечал: "Понятие 'быть ценным самим по себе' является понятием философским. Оно возникло для обозначения ценностной категории, существование которой устанавливается самой природой ценности. Например, если что-либо представляет собой ценность вообще, тогда [это] нечто является ценным само по себе. Мы воспринимаем это понятие, если мы осознаем его роль по отношению к другим существенным ценностным концептам" [Raz 2001: 144]. Такое использование понятия "ценность", которое Раз называет "инфляционным", вполне оправдано с философской и этической точек зрения только в том случае, если ценность соотносится с благом, а вещи, имеющие ценность, могут считаться благими вещами [ibidem]. Разумеется, соотносить те или иные вещи с благом может только сам мыслящий субъект. Как подчеркивал в свое время П. Козловски в работе "Принципы этической экономии": "Альтернативные возможности использования некоторого блага не являются данными, а зависят от способностей пользователя их употребить, от его способности к восприятию и переживанию, от формирования его восприимчивости к материальным ценностным качествам. Экономическая ценность не является независимой от эстетической, этической и культурной ценности блага" [Козловски 1999: 117].

Выше уже не раз отмечалось, что, если "рыночные ценности" кем-либо благими не считаются, но существует потребность их изучать, они могут называться с помощью других терминов и понятий, позволяющих анализировать соответствующие процессы, не выставляя постоянно напоказ ценностно окрашенные этические предпочтения исследователя. Именно так, вероятно, рассуждал Маркс, анализируя как экономист природу товарного производства, рынка и капитала. Когда у него возникала необходимость обозначить в рамках экономического анализа свою этическую позицию, он мог это делать, например, путем критических замечаний в адрес своих оппонентов. Так, "Маркс рассматривал Смита как одного из великих представителей политической экономии из-за его анализа реальных отношений в обществе, таких как товар, разделение труда, стоимость и капитал. Тем не менее, он не соглашался со Смитом по многим вопросам... и, помимо всего прочего, критиковал его за то, что тот рассматривает общество в чисто коммерческих терминах и тем самым принижает человеческих существ исключительно до уровня торговцев, втянутых в процесс обмена и торговли в качестве обладателей частной собственности. Для Маркса это был чистый случай того, как экономическая теория описывает людей в отчужденной форме" [Fraser, Wilde 2011: 191].

Тульчинский, безусловно, позиционирует себя как сторонник современной рыночной экономики, оплодотворенной новыми технологиями и блокчейном. Довольно забавной на этом фоне выглядит его попытка использовать марксистский проект коммунистического будущего в качестве дополнительно-

го аргумента в пользу ценностной парадигмы. "...Согласно марксовой картине коммунистического будущего, – утверждает наш автор в завершении своей работы, – стоимость (меновая ценность) должна уступить место тому, мерой чего она является – общественному труду. Поскольку в будущем обществе будет устранена *der Tauschwert*, и люди будут производить не товары, не меновые ценности, а продукты потребления, потребительные ценности. При этом мерой качества бытия станет свободное время, заполненное *die Sebstbetätigung* – деятельностью, всесторонне развивающей личность и приносящей радость полноты бытия... Картина выглядит не столь утопической в контексте некоторых обстоятельств цифровизации и роботизации. Речь идет о радикальном изменении рынка труда, ликвидации огромного количества массовых профессий от водителей и бухгалтеров до юристов, перспективы гарантированного содержания больших групп населения" [Тульчинский 2019: 182].

Трудно судить, по каким причинам автор готов пойти на некоторые теоретические уступки в плане "синтеза" стоимости с меновой ценностью. В любом случае эйфорический финал его статьи, переходящий в утопическое пророчество, возвещающее будущий синтез идей Карла Маркса и Адама Смита [там же], может рассматриваться как частный случай демонстрации собственных ценностных убеждений, которые можно разделять или не разделять. Но они *ни на шаг не продвигают* вперед решение проблемы – какая именно парадигма является преобладающей в классическом марксизме. На наш взгляд, для ее решения нет никакой необходимости снова, как рекомендует наш автор, "внимательно перечитывать не только К. Маркса, но и обе книги А. Смита о природе богатства и о природе нравственности" [там же]. Тем более, адресуя это тем ученым, которые привыкли поступать так всегда.

Заключение

Исходный момент, определивший выбор работы российского ученого и необходимость ее критического анализа, заключался в том, что в ней весьма наглядно обнаруживается ряд тенденций, характерных для отечественной политической науки на современной стадии ее развития. Эти тенденции постоянно воспроизводятся, начиная с того момента, когда разрыв с идеологическим догматизмом советского периода и стремление как можно быстрее инкорпорироваться в мировые научные и философские дискурсы создали принципиально новую ситуацию, доминирующей чертой которой является своеобразная парадигма *постоянного поиска* новых референтных групп и полей. Ей свойственны хаотичность и отсутствие каких-либо ясно выраженных закономерностей, оказывающих воздействие на субъективный выбор тех или иных исследователей. Данная парадигма формировалась в условиях "дикого рынка", оголтелой пропаганды "новых либеральных ценностей", беспрецедентного кризиса социальной политики и системы образования. Университеты и академические структуры, лишившись традиционной государственной поддержки, были переведены в "режим выживания", планирование научных исследований в гуманитарной сфере практически исчезло, а ученые, обретя долгожданную свободу научного выбора, оказались предоставленными самим себе.

Перспективы формирования стабильных научных школ в российской политологии остаются на данный момент весьма неопределенными, и в этом плане интеллектуальные споры на страницах ведущих журналов являются чуть ли не единственной опорой, дающей надежду на то, что в рамках постоянной

творческой дискуссии будут постепенно формироваться новые подходы и парадигмы. По нашему глубокому убеждению, их возникновение невозможно в рамках постмодернистской шкалы ценностей. Главный ее признак – пренебрежительное отношение к исторической традиции, составляющей основу современного гуманитарного знания, и чисто нигилистическое восприятие преемственности дискуссий прошлого с современными научными спорами, которые не могут произвольно и безответственно выходить за пределы веками складывающихся правил.

В университетской среде одним из ключевых принципов интеллектуальной ответственности обычно считается *академическая честность*. Определить ее принципы непросто. Свидетельством этому является "ценное признание" Трейси Бретаг, главного редактора большого международного учебника – *Handbook of Academic Integrity* (объем более 1 000 страниц), в создании которого приняли участие сотни ученых: "Кто бы мог себе представить, что при попытке определить и понять значение академической честности потребовался вклад 17 авторов, представивших в соответствующем ракурсе положение дел в 39 различных странах? Академическая честность является настолько многообразным предметом, что авторы со всего мира стали сообщать различные исторические трактовки, ведущие к множеству ее интерпретаций как понятия, и к широкому спектру подходов, распространенных в их собственном окружении" [Handbook... 2016: VII, 3].

Сложный характер дискуссий на эту тему в англоязычных странах связан и с тем немаловажным обстоятельством, что сам термин *integrity* применительно к сфере высшего образования всегда опосредован многообразными, нередко крайне противоречивыми представлениями об этой сфере культурной деятельности как некой *целостности*, в основе которой лежат принципы академической свободы и автономии, а также неотъемлемых, гарантированных в законодательном порядке, прав ученых на честный и свободный поиск истины. Свобода выбора предполагает самостоятельность ученых в утверждении собственной позиции без всякой оглядки на чужие авторитеты или советы. Как справедливо отмечал в свое время Дэвид Готье: "Если дающий советы является определенно невежественным в вопросах, о которых он рассуждает, тогда мы не можем ожидать, что нам поможет то, что он говорит. Скорее, нас будут сбивать с пути или просто нам мешать. Некомпетентность наставника или попечителя приводит к тому, что его рекомендация неспособна выполнять свою практическую функцию... Если я считаюсь только с моими собственными желаниями в отношении того, что я должен делать, нет никакой причины считать, почему другое лицо должно соглашаться с моим практическим суждением" [Gauthier 1963: 67, 117].

В итоге академическая *integrity* может рассматриваться как совокупность индивидуальных мнений и устремлений ученых, стремящихся к *честной дискуссии*, гарантированной структурой академических правил, опирающихся на сложившиеся традиции, а также рациональной образовательной политикой, субъектами которой являются как университеты и академические центры, так и государственные институты и ведомства.

Нет никаких причин считать, что перечисленные выше принципы являются исключительным достоянием англо-саксонской цивилизации. Сегодня они, конечно, приобретают универсальный характер. Доказательством данного тезиса является приведенный выше пример активного участия ученых *со всех континентов* в создании современного международного учебника. В послево-

енный период эти принципы выдержали проверку в самые трудные периоды кризиса 1960-1970-х годов, потрясшего до основания университетские системы в Западной Европе и США. Своеобразной реакцией на кризис стало взрывное распространение иллюзий и проектов, породивших огромную дискуссию о природе утопического сознания. Посткоммунистический утопизм и постмодернистские импульсы, инициированные идеологической одержимостью новых элит и "медиакратических интеллектуалов" неолиберальными проектами, равно как и современный философский уровень анализа этих проблем, конечно, даже отдаленно не может сравниться с послевоенными творческими спорами на Западе. Но между ними, несомненно, существует преемственность, свидетельствующая о том, что утопизм по-прежнему является сильным соперником и его влияние на академический дискурс нельзя недооценивать. Ведь "Утопия – это амбивалентность, пересекающая любой порядок, любой институт, любую рациональность – даже 'революционную' ее разновидность – любую позитивность, каковой бы она ни была" [The Uncollected... 2001: 59].

Ценностный прозелитизм Г.Л. Тульчинского можно вполне рассматривать и в этом ключе.

Конечно, было бы не совсем корректным всегда и везде списывать на постмодернизм и современный утопизм стремление современных ученых к "абсолютной свободе мышления". Эти явления также уходят корнями в тысячелетнюю традицию. Как отмечал в свое время Э. Бикерман: "При языческой религии каждый мог создавать пантеон по своему усмотрению... Ничто в греческих обычаях не препятствовало какому-либо лицу провозгласить себя богом. Трудность была лишь в том, чтобы найти верующих" [Бикерман 1985: 237-238]. Когда знакомишься со статьей, ставшей предметом нашего анализа, порой возникает ощущение, что к нам вернулось язычество в его эллинистической декадентской форме. Ничего плохого, разумеется, в этом нет. Посткоммунистическое состояние науки предполагает зачастую крайне причудливое сочетание научных прозрений, прогрессистских идей и утопических иллюзий и чем-то напоминает свободный эллинистический полет мысли. Безусловно, никому не возбраняется усиливать научный анализ ценностно окрашенными постулатами с расчетом, что они найдут отклик у тех ученых, которые будут готовы в них уверовать.

"Каждый выбирает для себя..."

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.09

ONCE MORE ABOUT VALUES AND "CAPITAL"

V.A. Gutorov [1]

[1] *Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia*

GUTOROV, Vladimir Aleksandrovich, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Head of Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University, email: gut-50@mail.ru

Gutorov V.A. Once More about Values and "Capital". – Polis. Political Studies. 2020. No. 3. P. 126-143. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.09

Received: 09.12.2019. Accepted: 22.01.2020

Abstract. The work presents the results of a critical analysis of G.L. Tulchinskii's article *Political Context of Narration with Karl Marx's Wert-terminology: Cost vs Value* (Polis. Political Studies. 2019 No. 3). In this article, a number of characteristic trends that arose in Russian political science at the post-communist stage of its development are very clearly revealed. The key focus of the author's argumentation is a radical

contrast between the value and cost traditions of the analysis of the text of "Capital" and the economic theory of Marx. On the contrary, modern works devoted to the knowledge economy and intellectual capital testify to the tendency towards creative interaction and mutual enrichment of both analytical paradigms, devoid of academic dogmatism. In this regard, in the author's opinion, Tulchinsky's ideological approach to the problem of values in Marxism at the present time is hardly capable of overcoming its traditional economical and ethical interpretations, examples of which are given in this article.

Keywords: political economy, values, Marxism, the Austrian school, ideological aberrations, intellectuals, academic discourse.

References

Althusser L., Rancière J., Macherey P. 1966. *Lire le Capitale*. T. I. Paris: François Maspero. 256 p.

Althusser L., Balibar É., Establet R. 1966. *Lire le Capitale*. T. II. Paris: François Maspero. 401 p.

Assmann J. 2010. *The Price of Monotheism*. Stanford, Cal.: Stanford University Press. 140 p.

Bensaïd D. 2009. *Marx for Our Times*: *Adventures and Misadventures of a Critique*. London; New York: Verso. 410 p.

Bounfour A. 2011. *Le capital organisationnel*: *Principes, enjeux, valeur*. Paris: Springer. 109 p.

Cutler A., Hindess B., Hirst P., Hussain A. 1977. *Marx's "Capital" and Capitalism Today*. Vol. I. London: Routledge and Kegan Paul. 331 p.

Elliott G. 2008. *Ends in Sight*: *Marx/Fukuyama/Hobsbawm/Anderson*. London; Ann Arbor, MI; Toronto: Pluto Press. 160 p.

Fraser I., Wilde L. 2011. *Marx Dictionary*. New York: Continuum. 240 p.

Fritz K. von. 1984. Aristotle's Anthropological Ethics and its Relevance to Modern Problems. – Fritz K. von. *Beiträge zu Aristoteles*. Berlin; New York: Walter de Gruyter. P. 69-91.

Gauthier D.P. 1963. *Practical Reasoning*: *The Structure and Foundations of Prudential and Moral Arguments and Their Exemplification in Discourse*. Oxford: Clarendon Press. 210 p.

Gouldner A.W. 1980. *The Two Marxisms*: *Contradictions and Anomalies in the Development of Theory*. Houndmills; London: Palgrave Macmillan. 408 p.

Handbook of Academic Integrity. 2016. Ed. by T. Bretag. Singapore: Springer. 1097 p.

Intellectual Capital for Communities: *Nations*, *Regions*, *and Cities*. 2005. Ed. by A. Bounfour, L. Edvinsson. Amsterdam: Butterworth-Heinemann. 368 p.

Keucheyan R. 2013. *The Left Hemisphere*: *Mapping Critical Theory*. London; New York: Verso. 304 p.

MacDonald B.J. 2006. *Performing Marx*: *Contemporary Negotiations of a Living Tradition*. Albany: State University of New York Press. 216 p.

Marsden R. 1999. *The Nature of Capital*. *Marx after Foucault*. London; New York: Routledge. 256 p.

McCarthy G.E. 1988. *Marx'Critique of Science and Positivism*: *The Methodological Foundations of Political Economy*. Dodrecht; Boston; London: Springer Netherlands. 226 p. https://doi.org/10.1007/978-94-009-2945-6

McCarthy G.E. 1990. *Marx and the Ancients*: *Classical Ethics*, *Social Justice*, *and Nineteenth-century Political Economy*. Savage, MD: Rowman & Littlefield Publishers. 342 p.

Organisational Capital: *Modelling*, *Measuring and Contextualising*. 2009. Ed. by A. Bounfour. London; New York: Routledge. 320 p.

Pettman R. 1981. *Biopolitics and International Values*: *Investigating Liberal Norms*. New York: Pergamon Press. 184 p.

Raz J. 2001. *Value*, *Respect and Attachment*. Cambridge: Cambridge University Press. 178 p.

Rockmore T. 2005. After Marxism: Democratic Liberalism and Hegelian Recognition. – *Democracy and the Post-Totalitarian Experience*. Ed. by L. Koczanowicz, B.J. Singer. Amsterdam; New York: Rodopi. P. 51-60.

Scruton R. 2007. *The Palgrave Macmillan Dictionary of Political Thought*. Third edition. New York: Palgrave Macmillan. 744 p.

Social Costs and Public Action in Modern Capitalism: *Essays Inspired by Karl William Kapp's Theory of Social Costs*. 2006. Ed. by W. Elsner, P. Frigato, P. Ramazzotti. London; New York: Routledge. 240 p.

The Uncollected Baudrillard. 2001. Ed. by G. Genosko. London;Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications Ltd. 160 p.

Turner S.P., Factor R.A. 1984. *Max Weber and the Dispute over Reason and Value: A Study in Philosophy, Ethics, and Politics*. London; New York: Routledge. 274 p.

Weber M. 2019. *Economy and Society*. *A New Translation*. Ed. and transl. by K. Tribe. Cambridge, Massachusetts; London: Harvard University Press. 520 p.

Westerman R. 2019. *Lukács's Phenomenology of Capitalism. Reification Revalued*. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 325 p. https://doi.org/10.1007/978-3-319-93287-3

Bikerman E. 1985. Institutions des Seleucides. (Russ. ed.: Bikerman E. *Gosudarstvo Selevkidov*. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva "Nauka". 264 p.)

Bol'shoi nemetsko-russkii slovar' [Das grosse deutsch-russische Wörterbuch]. 1980. Composed by E.I. Leping etc. Ed. by O.I. Moskal'skaya. Vol. I-II. Second Edition. Moscow: Russkii yazyk. 760 +656 p. (In Russ.)

Böhm-Bawerk E. von. 2002. *Kritika teorii Marksa* [Criticism of the Marx's Theory (Zum Abschluss der Marxschen Systems; Die Ausbeutungstheorie)]. Moscow; Cheliabinsk: Sotsium. 283 p. (In Russ.)

Chuev F. 1998. *Soldaty imperii: Besedy. Vospominaniya. Dokumenty* [Soldiers of the Empire: Conversations. Memories. Documents]. Moscow: "Kovcheg" Publishing. 559 p. (In Russ.)

Epstein M.N., Tulchinskii G.L. 2006. *Filosofiya tela. Telo svobody* [The Philosophy of the Body. The Body of Freedom]. Saint Petersburg: Aletheia. 432 p. (In Russ.)

Frantsuzsko-russkii slovar'. [Dictionnaire français-russe: 51 000 mots]. 1971. 6th Edition. Corrected and completed. Ed. by K.A. Ganshina. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 911 p. (In Russ.)

Mayatskii M.A. 2010. Predislovie [Introduction]. – Gorz A. 2010. L'immatériel. Connaissance, valeur et capital. (Russ. ed.: Gorz A. *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. P. 6-9).

Hilferding R. 1923. Böhm-Bawerk's Criticism of Marx. (Russ. ed.: Hilferding R. *Bem-Baverk kak kritik Marksa*. Moscow: Moskovskii rabochii. 74 p.)

Kozlowski P. 1999. Principles of Ethical Economy. (Russ. ed.: Kozlowski P. *Printsipy eticheskoi ekonomii*. Saint Petersburg: Economic School Publishing. 346 p.)

Schumpeter J.A. 2004. History of Economic Analysis. (Russ. ed.: Shumpeter I.A. *Istoriya ekonomicheskogo analiza*. In 3 vol. Vol. T. 3. Saint Petersburg: Economic School Publishing. P. 991-1665).

Tul'chinskii G.L. 2006. *Biznes v Rossii. Problema sotsial'nogo priznaniya i uvazheniya* [Business in Russia. The Problem of Social Recognition and Respect]. Moscow; Saint Petersburg: Vershina Publishing. 384 p. (In Russ.)

Tul'chinskii G.L. 2014. *Rossiiskaya politicheskaya kul'tura: osobennosti i perspektivy* [Russian Political Culture: Features and Prospects]. Saint Petersburg: Aletheia. 176 p. (In Russ.)

Tulchinskii G.L. 2019. Political Context of Narration with Karl Marx's Wert-terminology: Cost vs Value. – *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 174-185. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.11

V.I. Lenin: Pro et Contra. Antologija [V.I. Lenin: Pro et Contra. An Anthology]. 2017. Ed. by V.A. Gutorov. Saint Petersburg: Russkaya Khristianskaya Gumanitarnaya Akademiya. 860 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Бём-Баверк О. 2002. *Критика теории Маркса*. М.; Челябинск: Социум. 283 с.

Бикерман Э. 1985. *Государство Селевкидов*. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука". 264 с.

Большой немецко-русский словарь. 1980. Сост. Е.И. Лепинг и др. Под рук. О.И. Москальской. Т. I-II. 2-е изд. М.: Издательство Русский язык. 1980. 760 + 656 с.

В.И. Ленин: pro et contra, антология. 2017. Сост., вступ. статья В.А. Гуторова. СПб.: РХГА. 860 с.

Гильфердинг Р. 1923. *Бем-Баверк как критик Маркса*. Пер. с нем. Е. Пашуканиса. М.: Московский рабочий. 74 с.

Маяцкий М.А. 2010. Предисловие. – Горц А. *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики. С. 6-9.

Козловски П. 1999. *Принципы этической экономии*. СПб.: Экономическая школа. 346 с.

Тульчинский Г.Л. 2006. *Бизнес в России. Проблема социального признания и уважения*. М.; СПб: Вершина. 384 с.

Тульчинский Г.Л. 2014. *Российская политическая культура: особенности и перспективы*. СПб.: Алетейя. 176 с.

Тульчинский Г.Л. 2019. Политический контекст наррации с Wert-терминологией К. Маркса: стоимость vs ценность. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 174-185. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.11

Французско-русский словарь. 1971. Сост. К.А. Ганшина. Издание 6, исправленное и дополненное. М.: Советская энциклопедия. 911 с.

Чуев Ф. 1998. *Солдаты империи*: *Беседы*. *Воспоминания*. *Документы*. М.: Ковчег. 559 с.

Шумпетер Й.А. 2004. *История экономического анализа*. В 3-х томах. Т. 3. СПб.: Экономическая школа. С. 991-1665.

Эпштейн М.Н., Тульчинский Г.Л. 2006. *Философия тела. Тело свободы*. СПб: Алетейя. 432 с.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.10

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДОВЕРИЕ, УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРИЧИНАХ БЕДНОСТИ: РОЛЬ НОРМАТИВНЫХ АСПЕКТОВ ИНСТИТУТОВ В ПРОИЗВОДСТВЕ ДОВЕРИЯ

Д.Ф. Терин

ТЕРИН Дмитрий Феликсович, научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, email: terin@isras.ru

Терин Д.Ф. Политическое доверие, удовлетворенность и представления о причинах бедности: роль нормативных аспектов институтов в производстве доверия. – Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 144-157. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.10

Статья поступила в редакцию: 01.07.2019. Принята к публикации: 23.09.2019

Аннотация. Исследования доверия институтам нередко приводят к выводам о том, что интегральная удовлетворенность функционированием институтов и услугами, оказываемыми организациями современного сервисного государства, зачастую не обнаруживает связи с уровнем доверия правительству и другим политическим институтам. В отличие от такого рода удовлетворенности, связанной с инструментальными аспектами институтов государства, удовлетворенность работой политических институтов в данном исследовании демонстрирует сильную корреляцию с доверием и связана с нормативными аспектами институтов. В статье на эмпирических данных всероссийского исследования рассматривается проблема связи доверия политическим институтам и удовлетворенности их работой. Проведенный анализ указывает на изоморфизм этих явлений. Исследуется также связь доверия политическим институтам и удовлетворенности их работой с представлениями о причинах бедности в обществе как фундаментальном социальном явлении, имеющем отношение к нормативным основаниям социального порядка в России. Использование факторного анализа методом главных компонент для переменных – суждений о причинах бедности – обнаружило существование двух альтернативных объяснений этих причин: апеллирующего к структурным факторам, связывающим бедность со свойствами существующих институтов, и – к неструктурным, не связывающим бедность с институциональными причинами. “Структурное” объяснение бедности отрицательно коррелирует с показателями политического доверия и удовлетворенности работой политических институтов, тогда как объяснение бедности действием сил, не контролируемых институтами, связано с доверием и удовлетворенностью положительной корреляцией. Люди, предполагающие, что институты ответственны за воспроизводство несправедливого социального порядка, менее склонны доверять им и менее удовлетворены их работой. Полученные результаты подтверждают большее значение нормативных аспектов политических институтов по сравнению с инструментальными аспектами.

Ключевые слова: политическое доверие, удовлетворенность, политические институты, нормативные ожидания, социальный порядок, причины бедности, благое правление.

Данная статья посвящена рассмотрению проблемы доверия политическим институтам и удовлетворенности их работой в России. В литературе по исследуемому нами вопросу доверие институтам часто рассматривается в кругу понятий, означающих различные аспекты отношения людей к институтам, – таких, в част-

ности, как удовлетворенность, поддержка, одобрение, при этом исследователями отмечаются отличительные черты, выделяющие феномен доверия. При этом в первую очередь называется связь доверия с риском, что является принципиальным отличительным свойством доверия любому объекту, как индивиду, так и надындивидуальным образованиям. В самом общем виде доверие связано с ожиданием того, что контрагент будет вести себя определенным образом, и потому оно обращено к будущим взаимодействиям индивида с этим контрагентом и включает в себя оценку результатов таких взаимодействий, которая будет влиять на решения индивида относительно характера участия в этих взаимодействиях. Поскольку те или иные ожидания могут быть неоправданными и неподкрепленными, доверие, как это впервые было отмечено Никласом Луманом, связано с риском [Luhmann 2018]. Применительно к доверию, направленному на абстрактные структуры и, в частности, институты современного государства, это определяющее для доверия как такового свойство связи с риском некоторыми авторами проблематизируется [Bouckaert et al. 2002: 18-20].

Другой важной отличительной чертой доверия является его связь с убеждениями и нормативными ожиданиями. Это свойство заметнее проявляет себя в доверии институтам, поскольку сами институты, и политические институты в том числе, являются нормативными системами. Люди доверяют тому или иному политическому институту в тех случаях, когда они уверены в том, что институт работает хорошо: он в целом выполняет свои функции, соблюдает правила и нормы, и служит общим интересам. Исследователи ценностей Шалом Шварц и его соавторы отмечают, что понятие доверия выходит за рамки положительного (или отрицательного) отношения к институту или его одобрения (неодобрения), поскольку доверие относится к некоторому множеству убеждений или ожиданий, а не к чисто аффективной реакции [Devos, Spini, Schwartz 2002: 484].

С вышесказанным тесно связана еще одна отличительная черта доверия институтам, характеризующая его происхождение: доверие институтам может быть представлено как продукт или результат работы институтов. Хорошо работающие институты, то есть отвечающие нормативным ожиданиям людей, производят доверие; плохо работающие институты производят скептицизм и недоверие [Mishler, Rose 2001: 31]. Структурными компонентами политического доверия являются эффективность политических институтов и связываемые с работой институтов представления о справедливости [см. Терин 2018].

Удовлетворенность работой институтов привлекает меньше внимания исследователей, и, как концепт, не имеет столь же основательной проработанности. Чаще всего удовлетворенность рассматривается в рамках теоретических представлений о современном государстве как о сервисном государстве, удовлетворяющим потребности граждан услугами определенного рода, и, таким образом, предметом исследований чаще всего становится оценка качества оказания тех или иных услуг, которые государственные организации предоставляют гражданам [см. например: Южаков и др. 2014]. В таком понимании удовлетворенность – это оценка людьми своих непосредственных взаимодействий с той или иной государственной службой с точки зрения функциональности и технологичности этих взаимодействий, оценка, в которой нормативная или политическая составляющая скорее всего отсутствует. В сравнении с этим удовлетворенность работой таких политических институтов, как правительство, президент, парламент страны, как нам представляется, имеет более абстрактный и нормативно ориентированный смысл и является оценкой, сопоставлен-

ной с представлениями об основных функциях государственных институтов в осуществлении гражданских и политических прав индивидов, обеспечении равных возможностей и шансов для разных людей и т.п. При этом, в сравнении с доверием, для удовлетворенности работой институтов, как представляется, имеет большее значение аффективная составляющая, удовлетворенность в большей степени отражает актуальное эмоциональное состояние индивида, основанное на опыте взаимодействия (непосредственного или опосредованного) с институтом. Таким образом, хотя удовлетворенность в общем лишена указанных выше конституирующих доверие свойств связи с риском и ожиданиями, однако удовлетворенность работой институтов, тем не менее, так же, как и доверие институтам, связана с нормативной природой последних.

В отечественной литературе по социальной науке доверие политическим институтам и удовлетворенность их работой, как правило, не рассматриваются в сопоставлении. В мировой литературе доверие институтам государства и удовлетворенность их работой в рамках одной тематики нередко рассматриваются с позиций концепции благого правления (*good governance*). Понятие благого правления пришло в дискурс социальной науки из документов Всемирного банка и других глобальных финансовых институций, в которых оно использовалось для характеристики такого состояния национальных институциональных систем, когда о них можно сказать, что они работают хорошо, и это служило бы основанием для их финансовой поддержки [Doornbos 2001]. В силу этого понятие изначально носило связанный с долженствованием характер: благое правление характеризовалось предсказуемым и транспарентным процессом разработки политики и связывалось с бюрократией, проникнутой профессиональным духом, и ответственными за свои действия исполнительными органами [Koivisto 2014]. Иными словами, в самом общем плане, – таким состоянием политических институтов, каковое, как полагалось, в образцовом виде воплощено в современных либеральных демократиях стран Западного мира. Эмпирические исследования доверия в этих близких к идеалу благого правления странах, однако, в некоторых случаях показывают относительно невысокий уровень доверия представительным органам или правительству, взятому в целом, как совокупность всех институций, ответственных за правление [Mizrahi, Vigoda-Gadot, Van Ryzin 2010; Bouckaert, Van de Walle 2003]. Об этом свидетельствуют, в частности, и данные “Евробарометра”: национальные политические институты многих западноевропейских стран производят меньше доверия к себе в обществе, чем раньше [Standard Eurobarometer... 2018]. Кроме того, исследователями часто не обнаруживалась положительная корреляция между характеризующими работу политических институтов объективированными “технологическими” показателями, высокие значения которых соответствуют представлениям о благом правлении, и уровнем доверия граждан этих стран этим институтам. Теоретическое осмысление таких фактов приводит некоторых исследователей к постулированию неизбежности противоречия между принципом результативности работы государственных институций, с одной стороны, и распространенностью в современных западных обществах ценностей справедливости и представительности, с другой [Beeri, Uster, Vigoda-Gadot 2019; Devos, Spini, Schwartz 2002]. Встречаются также выводы, девальвирующие ценность использования доверия (недоверия) правящим институтам в качестве показателя их работы [Bouckaert et al. 2002].

Все изложенное говорит о ключевой роли в тематике доверия политическим институтам и удовлетворенности их работой нормативного компонента, то есть представлений людей о том, что в основе хорошей работы институтов, отвечающих за правление, должны лежать справедливые правила. Когда государство и его отдельные институты рассматриваются с точки зрения оказания ими услуг, эта составляющая остается за пределами рассмотрения, и потому удовлетворенность услугами государственных организаций находится вне прямой связи с феноменом доверия, и доверие не может выступать подходящим критерием оценки. По той же причине удовлетворенность работой политического института и доверие этому институту, связанные с нормативной природой институтов, должны демонстрировать сильную зависимость между собой, при том условии, что эти явления будут замерены одинаковыми инструментами.

ДОВЕРИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ИХ РАБОТОЙ: ОБЩАЯ КАРТИНА

Настоящая статья написана на основе вторичного анализа данных исследования "Социальные различия в современном российском обществе", проведенного Институтом социологии РАН в 2015 г. Массовый опрос был проведен в 63 субъектах Российской Федерации по общероссийской стратифицированной выборке объемом 5335 респондентов, репрезентирующей городское и сельское население России старше 18 лет. Мы анализируем ответы на вопросы о доверии и удовлетворенности, которые в исследовании задавались в следующей формулировке: "В какой степени вы доверяете следующим властям, общественным организациям или группам?", "В целом насколько вы удовлетворены работой следующих организаций и лиц?". Вопросы имеют сопоставимые пятибалльные шкалы. Средние значения по выборочной совокупности этих двух показателей приведены в табл. 1.

Существует научный консенсус относительно отнесения российского общества к группе обществ низкого доверия, однако такая характеристика основывается на отмечаемом в России относительно низком уровне генерализованного межличностного доверия, т.е. доверия незнакомым людям, которое не является предметом рассмотрения в данной статье. По сравнению с генерализованным межличностным доверием доверие институтам имеет свои особенности и, как это видно из данных табл. 1, не может быть однозначно охарактеризовано как низкое. В статье 2006 г. В. Шляпентох обозначал доверие политическим институтам в России как самое низкое в мире [Shlapentokh 2006]; согласно приведенным данным, для российского общества образца 2015 г. такая аттестация не имеет силы.

На уровне индивида разность между показателями удовлетворенности и доверия отражает разницу между субъективной оценкой восприятия непосредственной "пользы" от работы института для себя лично и обобщенной оценкой работы института, связанной с нормативными ожиданиями. Различия в средних баллах этих показателей невелики, однако проверка значимости различий с помощью *t*-критерия Стьюдента показывает, что для пяти из семи институтов эти различия являются статистически значимыми. Исключение составляет Государственная Дума и институт местной (городской или сельской) администрации. В тех случаях, где различия в средних статистически значимы, как мы видим, среднее значение уровня доверия институту несколько превы-

шает среднее значение удовлетворенности работой этого института. Наиболее заметную разницу среди всех институтов в среднем значении между уровнем доверия институту и оценкой удовлетворенности его работой демонстрируют институт правительства, институт президента и институт суда. Для всех институтов величина стандартного отклонения, характеризующая среднюю показателя удовлетворенности, несколько меньше этой величины, характеризующей среднюю показателя доверия, что означает, что оценка удовлетворенности работой институтов более однородная сравнительно с оценкой доверия.

Таблица 1 (Table 1)

Доверие институтам и удовлетворенность работой политических институтов (количество ответов, среднее, стандартное отклонение)

Trust in Institutions and Satisfaction with Political Institutions (Number of Responses, Average Value, Standard Deviation)

	N	Среднее	Стандартное отклонение
В какой степени Вы доверяете следующим властям?			
Государственная Дума	4964	3,13	1,151
Президент России	5194	4,03	1,096
Правительство России	5104	3,53	1,156
Областная администрация	4951	3,04	1,139
Городская, сельская администрация	4932	2,98	1,151
Суды	4828	3,02	1,148
Полиция	4931	3,00	1,138
В целом насколько Вы удовлетворены работой следующих организаций и лиц?			
Деятельность Государственной Думы	4894	3,14	1,075
Деятельность Президента России	5141	3,93	1,067
Деятельность Правительства	5035	3,39	1,088
Работа областной администрации	4674	3,01	1,033
Работа городской, сельской администрации	4991	2,97	1,068
Работа судов	4728	2,92	1,039
Работа полиции	4933	2,96	1,021

Примечание. Варианты ответа вопроса о доверии: “совсем не доверяю” = 1, “в основном не доверяю” = 2, “частично да, частично нет” = 3, “в основном доверяю” = 4, “полностью доверяю” = 5. Варианты ответа вопроса об удовлетворенности: “совсем не удовлетворен” = 1, “в основном не удовлетворен” = 2, “частично да, частично нет” = 3, “в основном удовлетворен” = 4, “полностью удовлетворен” = 5.

Институт президента выделяется как наиболее высоким уровнем доверия, так и высоким показателем удовлетворенности работой института. Правительство из всех органов государственной власти уступает по уровню доверия и по оценке удовлетворенности работой только институту президента. Прочие институты, относящиеся к разным уровням и ветвям власти, демонстрируют близкие средние по выборочной совокупности величины рассматриваемых показателей доверия. Удовлетворенность работой судебной системы – самая низкая среди всех рассматриваемых властных институтов.

Данные из табл. 2 и 3, в которых приведены, соответственно, парные корреляции между уровнями доверия институтам политической системы и оценками удовлетворенности работой этих институтов, демонстрируют, что в пределах единой политической системы определенные группы институтов в восприятии людей могут быть более тесно связаны между собой, чем с другими. Схожесть восприятия институтов с точки зрения доверия им и оценки их работы, отмеченная сильными корреляционными связями между ними на уровне 0,7-0,8, сближает между собой, соответственно, институт президента и правительство, институты администрации регионального и местного уровня, институты судебной системы и полиции. Показатели доверия и удовлетворенности для Государственной Думы показывают бо́льшую близость этого института к правительству, а для институтов суда и полиции – заметно меньшую близость к институту президента. Картина, которую дают оценки удовлетворенности, весьма схожа с теми результатами, которые получены для показателей доверия институтам, но корреляционные связи здесь, в целом, несколько слабее. Наиболее значительное исключение – взаимосвязь восприятия Государственной Думы и правительства, она заметно сильнее проявляется именно в величинах показателя удовлетворенности работой этих институтов.

Таблица 2 (Table 2)

Корреляции между уровнями доверия политическим институтам (r-Пирсона)

Correlations between Levels of Trust in Political Institutions (PCC)

	Гос. Дума	Президент	Правительство	Администрация		Суды
				областная	местная	
Президент России	0,569					
Правительство России	0,729	0,713				
Областная администрация	0,688	0,487	0,663			
Местная администрация	0,636	0,432	0,600	0,836		
Суды	0,565	0,402	0,527	0,569	0,538	
Полиция	0,568	0,407	0,538	0,592	0,560	0,770

Примечание. Все коэффициенты статистически значимы на уровне 0,000.

Как показал анализ, факторы социальной и демографической структуры неодинаково воздействуют на те или иные институты российской политической системы. Так, возрастная, образовательная и доходная структура практически не оказывают никакого влияния на уровень доверия и на оценки удовлетворенности работой института президента. Также возрастная и образовательная структуры почти не влияют на уровень доверия региональным институтам исполнительной власти обеих уровней; более выраженным является влияние фактора собственного дохода: рост уровня дохода сопряжен с некоторым понижением уровня доверия и удовлетворенности работой областной и местной администрации. Корреляция показателей доверия и удовлетворенности работой института правительства с уровнем собственного дохода, а кроме того с уровнем образования – отрицательна. Схожие закономерности характерны и для Государственной Думы. Своеобразны институты суда и полиции, для которых, помимо схожего воздействия факторов образования и дохода, отмечается более заметная связь с возрастом: наиболее высокий уровень доверия демонстрируют наиболее молодые респонденты.

Таблица 3 (Table 3)

Корреляции между удовлетворенностью работой политических институтов (r-Пирсона)
Correlations between Indicators of Satisfaction with the Functioning of Political Institutions (PCC)

	Гос. Дума	Президент	Правительство	Администрация		Суды
				Областная	Местная	
Президент России	0,545					
Правительство России	0,799	0,670				
Областная администрация	0,690	0,421	0,610			
Местная администрация	0,621	0,388	0,569	0,781		
Суды	0,571	0,346	0,527	0,568	0,512	
Полиция	0,535	0,361	0,497	0,563	0,512	0,795

Примечание. Все коэффициенты статистически значимы на уровне 0,000

Таким образом, в данном исследовании промежуточным может быть вывод о том, что доверие политическим институтам и удовлетворенность их работой изоморфны, и это, видимо, свидетельствует об общей природе этих явлений.

ДОВЕРИЕ, УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ И ОБЪЯСНЕНИЯ ПРИЧИН БЕДНОСТИ: ПОИСК ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ВАЖНОСТИ НОРМАТИВНЫХ АСПЕКТОВ ИНСТИТУТОВ

Выше уже говорилось о том, что исследователи в области социальной науки и науки управления усматривают определенное противоречие между признанием роли институтов государства в современных обществах в качестве основных продуцентов доверия (или – структур, играющих основную роль в управлении процессом производства доверия) и наблюдаемым отсутствием “обратной связи”, когда улучшение работы этих институтов, фиксируемое при помощи объективированных бюрократических показателей, не приводит к росту доверия правительству и другим властным институтам. Нам представляется релевантным следующее объяснение такого рода фактов: люди оценивают работу политических институтов по иной “шкале”, и эффективность работы осуществляющих правление институтов, привносящая значительный вклад в рост доверия к ним, может быть не связана напрямую с техническими особенностями работы институтов и организаций, оказывающих государственные услуги, которые могут быть измерены при помощи объективированных показателей. Резонно предположить, что та эффективность работы институтов, которая, как мы видели выше, похожим образом отражается в показателях доверия и удовлетворенности, связана с нормативными ожиданиями людей относительно политических институтов и, в целом, социального порядка, воспроизводимого институтами. В этом случае доверие политическим институтам и удовлетворенность, как она замеряется здесь, должны обнаруживать связь с тем, как люди воспринимают те или иные фундаментальные социальные явления, имеющие отношение к нормативным основаниям социального порядка.

К наиболее часто измеряемым представлениям такого рода относятся представления о природе неравенства, богатства и бедности, однако задачи таких исследований и соответствующий исследовательский инструментарий нечасто предполагают обращение к свойствам социальных институтов. Так, в частности, во многих авторитетных отечественных эмпирических исследованиях представлений людей о причинах бедности, богатства, социального неравенства предла-

гаемый список причин бедности ограничивается только свойствами людей и не касается свойств институтов или иных возможных причин [Горшков, Тихонова 2004; Бедность и неравенства... 2013; Мареева, Тихонова 2016]. В американской литературе по данному вопросу утвердилось в теории и реализуется в опросном инструментарии положение о том, что многообразие причин, объясняющих социальное неравенство, бедность и богатство, принципиально сводимо к трем группам объяснений [Smith, Stone 1989]. Индивидуалистическое объяснение связывает существование бедности с качествами самих бедных индивидов и такими их личными обстоятельствами, которыми они могут управлять и за которые несут ответственность. Структурное объяснение связывает причины бедности с социальными силами, воплощенными в существующем социальном порядке и функционирующих социальных институтах. Фаталистическое объяснение приписывает бедность судьбе, случайности или действию иных сил, которые находятся за пределами возможности контроля как со стороны индивидов, так и со стороны социальных институтов. Однако в исследовании "Социальные различия в современной России" вопрос о возможных причинах бедности ставился в более широкий круг объяснений, чем только свойства индивидов, и это позволяет использовать данные исследования в нашем анализе.

В исследовании задавался вопрос "С вашей точки зрения, в чем основные причины того, что некоторые наши граждане живут в бедности?", респондентам предлагался набор из восьми суждений и предлагалось указать меру своего согласия с каждым из них по пятибалльной шкале[1]. В табл. 4 распределение ответов преобразовано (для удобства чтения) из пятибалльной шкалы в трехбалльную: попарно объединены анкетные варианты "совсем не согласен" и "в основном не согласен", а также "полностью согласен" и "в основном согласен". Ответы на вопросы этого блока исследования демонстрируют широкую распространенность в российском обществе всех трех типов объяснений причин бедности. Наиболее высокий уровень согласия респонденты продемонстрировали с объяснениями бедности со структурной точки зрения. Более половины ответивших на вопрос полностью или в основном согласны с тем, что в бедности виноваты те, кто присвоил природные богатства (56,9%), что правительство действует в интересах богатых (54,7%), а общество, в котором они живут, устроено несправедливо (51,1%). Около половины ответивших на вопрос (47,6%) согласны с тем, что причина бедности коренится в свойствах самих бедных: они безвольны и ленивы. Более сорока процентов согласны с утверждением о неизбежности бедности в современном мире.

Анализ статистических связей между уровнем доверия институтам и удовлетворенностью их работой, с одной стороны, и представлениями о причинах бедности, выраженными отдельными суждениями, – с другой, ожидаемо не обнаруживает значимых корреляций. Наиболее заметное исключение составляет только суждение "наше правительство действует в интересах богатых", которое связано значимой отрицательной корреляцией средней силы с институциональным доверием и удовлетворенностью. Для подтверждения предположения о взаимосвязи доверия политическим институтам и удовлетворенности их работой с нормативными основаниями социального порядка, переменные, отражающие мнения о причинах бедности, были использованы в факторном анализе, который является статистическим инструментом обнаружения латентных переменных – факторов.

[1] Варианты ответа: "совсем не согласен" = 1, "в основном не согласен" = 2, "в чем-то да, в чем-то нет" = 3, "в основном согласен" = 4, "полностью согласен" = 5.

Таблица 4 (Table 4)

Мнение о причинах бедности (количество ответов, % от ответивших)
Opinion on the Causes of Poverty (Number of Answers, % of Respondents)

	N	Выбранный вариант ответа:		
		совсем не согласен, в основном не согласен	в чем-то да, в чем-то нет	в основном согласен, полностью согласен
Им не хватает удачи	5054	34,1	32,3	33,6
Они безвольны и ленивы	5125	23,3	29,1	47,6
Наше общество несправедливо устроено	5049	13,8	35,1	51,1
Такое положение неизбежно в современном мире	4930	24,8	34,7	40,5
Им не хватает таланта, способностей	5042	31,9	35,1	33,0
Так всегда было в нашей стране	4911	30,8	30,4	38,8
Виноваты те, кто присвоил природные богатства	4988	15,7	27,4	56,9
Наше правительство действует в интересах богатых	4919	13,5	31,8	54,7

Посредством факторного анализа методом главных компонент было установлено, что для данного набора переменных могут быть извлечены только два фактора с собственным значением, превышающим 1. Мера адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина (KMO) равна 0,735, такое значение адекватности признается "высоким" или "приемлемым" с точки зрения применимости факторного анализа для описания данной корреляционной матрицы. Критерий сферичности Бартлетта имеет значимость на уровне 0,000. Из значений этих критериев следует, что результаты проведенного факторного анализа можно считать достаточно надежными. Два извлеченных фактора в совокупности объясняют 55,7% дисперсии. Первый фактор (объясняет 33,5% дисперсии) отмечен высокими повернутыми факторными нагрузками для следующих переменных-суждений о причинах бедности в российском обществе: "виноваты те, кто присвоил природные богатства" (0,805), "наше правительство действует в интересах богатых" (0,804), "наше общество несправедливо устроено" (0,710). Второй фактор (объясняет 22,2% дисперсии) имеет наиболее высокие факторные нагрузки для таких переменных-суждений как: "им не хватает таланта, способностей" (0,809), "им не хватает удачи" (0,700), "они безвольны и ленивы" (0,689). Для оставшихся двух переменных, обозначающих остальные суждения о причинах бедности ("такое положение неизбежно в современном мире", "так всегда было в нашей стране"), нагрузки на оба полученных фактора оказались невысокими и почти равными.

Также проводилась процедура факторного анализа с извлечением трех факторов. Третий фактор имеет собственное значение, равное 0,86, и объясняет 10,7% дисперсии. Как и следовало ожидать, он отмечен наиболее высокими факторными нагрузками для переменных "такое положение неизбежно в современном мире" и "так всегда было в нашей стране". Следует отметить, что величины нагрузок на первый и второй факторы при этом изменяются незначительно; у второго фактора несколько возрастает факторная нагрузка для переменной "они безвольны и ленивы". В дальнейшем здесь использованы результаты факторного анализа с двумя извлеченными факторами.

Таким образом, факторный анализ показал наличие двух различающихся объяснений причин бедности: первый фактор выявил распространение структурного объяснения бедности, т.е. бедности как социального зла, порождаемого работой осуществляющих правление институтов; второй фактор демонстрирует распространение "неструктурного", синкретического объяснения бедности, в котором индивидуалистическое объяснение через качества индивидов, зависящие от их собственной воли и личного выбора, но не от работы институтов, соединено с фаталистическим объяснением, обращающимся к таланту и удаче, то есть к силам, которые не контролируются людьми или институтами. Анализ не обнаружил распространения в российском обществе отдельного обособленного "индивидуалистического" объяснения причин бедности в использованном выше смысле этого термина.

По нашему мнению, найденные альтернативные обоснования бедности отражают одно из измерений восприятия существующего в России экономического и социального порядка. В этом случае доверие институтам, осуществляющим правление, и удовлетворенность их работой должны демонстрировать связь с этими обоснованиями и следует ожидать существования статистической зависимости между показателями доверия и удовлетворенности и – полученными факторами-объяснениями. Действительные значения полученных факторов для отдельных наблюдений составили две новые переменные, обозначенные нами как структурное и фаталистически-индивидуалистическое объяснение. В табл. 5 приведены корреляции между полученными факторами-объяснениями и уровнем доверия политическим институтам и удовлетворенности их работой [2]. Значения коэффициентов корреляции, приведенные в таблице, показывают, что рассматриваемые переменные связаны слабыми, но статистически значимыми корреляционными связями. Слабость связей напоминает о том, что отмечаемыми нами ниже зависимостями не исчерпывается все многообразие факторов, воздействующих на производство доверия институтам и оставшихся за пределами нашего рассмотрения.

Из данных табл. 5 следует, что различия между доверием институту и удовлетворенностью его работой сохраняются и на этом этапе анализа – корреляции факторов с удовлетворенностью в целом несколько выше, чем с уровнем доверия.

Первый фактор, представляющий структурное объяснение бедности, связан корреляцией с отрицательным знаком с доверием каждому из политических институтов и с удовлетворенностью работой этих институтов. Это означает, что люди, которые склонны не доверять (или в меньшей степени доверять) существующим в стране политическим институтам и в меньшей степени удовлетворены тем, как эти институты работают, чаще разделяют представление о том, что бедность связана с природой социального порядка в России и порождена характером российских политических институтов. Наиболее выраженно эта закономерность проявляется в случае института правительства, что вполне логично, учитывая ответственность именно института правительства за

[2] Результаты второго варианта факторного анализа (с тремя извлеченными факторами) также были использованы для парных корреляций с показателями уровня доверия и удовлетворенности работой институтов. Характер корреляционных связей с этими показателями для первого и второго факторов не меняется. Для третьего фактора, который можно обозначить как эссенциальное объяснение явления бедности, статистически значимые корреляции с доверием и удовлетворенностью работой институтов отсутствуют. Таким образом, объяснение бедности в российском обществе как неизбежности, вечной российской проблемы или универсальной черты современных обществ, хотя оно имеет определенное распространение, не играет роли в доверии институтам политической системы.

экономическую сферу, а также формулировки суждений вопроса. Несколько слабее эта связь в случае института Государственной Думы. Наиболее низкое значение корреляций отмечается для института президента, причем, это единственный из институтов, для которого корреляция фактора с показателем удовлетворенности несколько слабее, чем с показателем уровня доверия. Для людей, разделяющих структурное объяснение бедности, т.е. воспринимающих бедность в обществе как социальное зло, институт президента представляется в несколько меньшей степени ответственным за эту ситуацию, чем остальные институты политической системы России. Это объясняется тем, что институт президента наиболее персонализирован, его восприятие людьми наименее абстрактно, оно в значительной степени объединено с восприятием конкретной личности, занимающей президентский пост. Тем не менее, здесь также прослеживается отрицательная зависимость со структурным объяснением.

Таблица 5 (Table 5)

Парные корреляции между факторами-объяснениями причин бедности в обществе, доверием политическим институтам и удовлетворенностью их работой (r-Пирсона)

Paired Correlations between Explanatory Factors Causes of Poverty in Society, Trust in Political Institutions and Satisfaction with Their Functioning (PCC)

	Госдума	Президент	Правительство	Администрация		Суды	Полиция
				Областная	Местная		
Доверие политическим институтам							
Первый фактор: структурное объяснение	–0,153	–0,100	–0,161	–0,129	–0,132	–0,143	–0,122
Второй фактор: фаталистически-индивидуалистическое объяснение	0,188	0,133	0,187	0,147	0,138	0,164	0,167
Удовлетворенность работой политических институтов							
Первый фактор: структурное объяснение	–0,175	–0,093	–0,179	–0,135	–0,114	–0,158	–0,144
Второй фактор: фаталистически-индивидуалистическое объяснение	0,203	0,123	0,202	0,188	0,176	0,154	0,168

Примечание. Все коэффициенты статистически значимы на уровне 0,000.

Второй фактор, представляющий фаталистически-индивидуалистическое объяснение бедности, связан с доверием каждому из политических институтов и с удовлетворенностью их работой положительными корреляциями, причем, несколько более сильными по абсолютным значениям, чем первый фактор. Люди, в большей степени доверяющие существующим политическим институтам и несколько выше оценивающие их работу, чаще склонны объяснять существование бедности субстанциальными свойствами некоторых индивидов или результатом действия случайности или иных обстоятельств, находящихся вне пределов контроля со стороны лиц или институтов. Эта зависимость означает, что в целом более высокая поддержка политических институтов в России декларируется теми индивидами, для которых бедность в обществе не воспри-

нимается как "сбой" в работе эффективно работающих институтов, воспроизводящих социальный порядок, поскольку глубинные причины бедности как явления, в соответствии с данным объяснением, в основном лежат за пределами социального мира. Здесь можно отметить несколько большую и, практически, одинаковую силу связи данного фактора с доверием и удовлетворенностью по отношению к двум институтам – правительству и Государственной Думе. Так же как и в случае с первым фактором, более низкими корреляциями, сравнительно с другими институтами, отмечены уровень доверия и удовлетворенность деятельностью для института президента России.

Заключение

В литературе встречается противопоставление инструментального и институционального (в узком смысле) подходов к доверию институтам [Høyer, Mønness 2016]. В соответствии с таким различением, "инструментальная" точка зрения предполагает, что государственные институты оказывают услуги, которые покупаются индивидами, удовлетворяющими свои потребности, аналогично тому, как происходит купля-продажа товаров и услуг в рыночном секторе. Предположительно, в пользу этой точки зрения могли бы свидетельствовать такие факты, как значительно различающиеся уровни доверия политическим институтам в пределах одной политической системы. Доверие институтам производят хорошо работающие институты, и при том, что политические институты в совокупности образуют единую политическую систему, различные институты могут производить больше или меньше доверия. "Институциональная" (в таком понимании) точка зрения на доверие политическим институтам рассматривает индивидов и институты политической системы как элементы одного общего нормативного сообщества. Фактом, предположительно подтверждающим такую точку зрения, считается схожесть уровней доверия разным политическим институтам в так называемых обществах высокого доверия, к каким относятся, например, скандинавские. Однако на российском материале, как он отражен в результатах данного исследования, можно увидеть существенные отличия от такой картины. С одной стороны, в отличие от результатов удовлетворенности услугами государственных организаций, какими они представлены в некоторых исследованиях, услугами, которые могут быть слабо связаны с доверием правительству и иным политическим институтам, в данном исследовании оценки удовлетворенности работой политических институтов оказались тесно связанными с доверием этим институтам и подчиненными общим закономерностям. Уровни доверия разным институтам, как и средние оценки удовлетворенности, при этом существенно различаются. С другой стороны, доверие институтам и результаты их работы, отраженные в оценках удовлетворенности, связаны с представлениями, соотносящимися с нормативными основаниями социального порядка, такими, как объяснения причин бедности в обществе. Последнее означает, что, хотя люди выше оценивают свою удовлетворенность работой тех институтов и в большей степени доверяют тем институтам, которые лучше работают, их оценка не является механистичным измерением пользы, получаемой от некоторой услуги, производимой институтом, она опосредована нормативными ожиданиями, представлениями о справедливости социального порядка, в который включены как люди, производящие эту оценку, так и социальные институты, являющиеся структурным "каркасом" социального порядка.

Доверие политическим институтам зависит от эффективности их работы, но эта эффективность, как можно видеть на российском примере, не представляет

собой лишь объективированную в некотором наборе технических показателей полезность услуг государственных бюрократизированных организаций сервисного государства. Она оказывается явлением иного, социетального масштаба. Исследование показало, что в российском обществе достаточно широко распространены представления, которые связывают доверие и удовлетворенность работой политических институтов со справедливостью социального порядка в целом. Уровень доверия политическим институтам высок тогда, когда они работают хорошо, иными словами, тогда, когда большинство людей в обществе уверены, что эти институты воспроизводят справедливый социальный порядок. В этой ситуации, по мнению людей, существуют достаточные основания характеризовать работу властных институтов как благое правление. На момент проведения исследования "Социальные различия в современном российском обществе" (2015 г.) в российском обществе, по-видимому, действовал значительно ограничивающий возможности благого правления фундаментальный фактор самой природы сложившегося в России социального порядка.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.10

POLITICAL TRUST, SATISFACTION AND THE PERCEPTIONS OF THE CAUSES OF POVERTY: THE ROLE OF NORMATIVE ASPECTS OF INSTITUTIONS IN THE PRODUCTION OF TRUST

D.F. Terin [1]

[1] *Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

TERIN, Dmitry Feliksovich, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, email: terin@isras.ru

Terin D.F. Political Trust, Satisfaction and Perceptions of the Causes of Poverty: the Role of the Normative Aspects of Institutions in the Production of Trust. – Polis. Political Studies. 2020. No. 3. P. 144-157. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.10

Received: 01.07.2019. Accepted: 23.09.2019

Abstract. The article deals with issues around the relationship between political trust and satisfaction with political institutions, and confirms the isomorphism of these phenomena on the basis of the empirical data provided by all-Russian research. Existing research into trust in this field has concluded that, regarding institutions of the modern service state, satisfaction with the services they provide often reveals no relationship between this satistifcation and the level of trust in the government and other political institutions. In contrast to the satisfaction associated with the instrumental aspects of public institutions, satisfaction with the work of political institutions in this study demonstrates a strong correlation with trust, and is associated with the normative aspect of institutions. The article also examines the relationship between trust in political institutions and satisfaction with the perceptions of the causes of poverty in society as a fundamental social phenomenon related to the normative foundations of social order in Russia. The use of principal component factor analysis found that there are two alternative justifications of the causes of poverty: a structural justification (which associates poverty with the properties of existing institutions) and a non-structural justification (which does not associate poverty with institutional reasons). The structural justification of poverty negatively correlates with indicators of political trust and satisfaction with the performance of political institutions, whilst the justification of poverty by factors not controlled by institutions is associated with trust and satisfaction with positive correlation. People who assume that institutions are responsible for the reproduction of an unjust social order are less likely to trust them and less satisfied with their performance. The findings confirm that the normative aspect of political institutions is more important than the instrumental one.

Keywords: political trust, satisfaction, political institutions, normative expectations, social order, causes of poverty, good governance.

References

Beeri I., Uster A., Vigoda-Gadot E. 2019. Does Performance Management Relate to Good Governance? A Study of Its Relationship with Citizens' Satisfaction with and Trust in Israeli Local Government. – *Public Performance & Management Review*. Vol. 42. No. 2. P. 241-279. https://doi.org/10.1080/15309576.2018.1436074

Bouckaert G., Van de Walle S., Maddens B., Kampen J.K. 2002. *Identity vs Performance: An Overview of Theories Explaining Trust in Government. Second Report "Quality and Trust in Government"*. Working Paper. Leuven, Belgium: Public Management Institute, Katholike Universiteit Leuven. URL: https://www.researchgate.net/profile/Steven_Van_de_Walle/publication/299437211_Identity_vs_Performance_An_Overview_of_Theories_Explaining_Trust_in_Government/links/56f6e2a308ae81582bf2fb24/Identity-vs-Performance-An-Overview-of-Theories-Explaining-Trust-in-Government.pdf (accessed: 29.03.2020).

Bouckaert G., Van de Walle S. 2003. Comparing Measures of Citizen Trust and User Satisfaction as Indicators of 'Good Governance': Difficulties in Linking Trust and Satisfaction Indicators. – *International Review of Administrative Sciences*. Vol. 69. No. 3. P. 329-343. https://doi.org/10.1177/0020852303693003

Devos T., Spini D., Schwartz S.H. 2002. Conflicts Among Human Values and Trust in Institutions. – *British Journal of Social Psychology*. Vol. 41. No. 4. P. 481-494. https://doi.org/10.1348/014466602321149849

Doornbos M. 2001. 'Good Governance': The Rise and Decline of a Policy Metaphor? – *Journal of Development Studies*. Vol. 37. No. 6. P. 93-108. https://doi.org/10.1080/713601084

Høyer H.C., Mønness E. 2016. Trust in Public Institutions – Spillover and Bandwidth. – *Journal of Trust Research*. Vol. 6. No. 2. P. 151-166. https://doi.org/10.1080/21515581.2016.1156546

Koivisto I. 2014. Varieties of Good Governance: A Suggestion of Discursive Plurality. – *International Journal for the Semiotics of Law – Revue internationale de Sémiotique juridique*. Vol. 27. No. 4. P. 587-611. https://doi.org/10.1007/s11196-013-9329-6

Luhmann N. 2018. *Trust and Power*. New York: John Wiley & Sons. 228 p.

Mishler W., Rose R. 2001. What Are the Origins of Political Trust?: Testing Institutional and Cultural Theories in Post-communist Societies. – *Comparative Political Studies*. Vol. 34. No. 1. P. 30-62. https://doi.org/10.1177/0010414001034001002

Mizrahi S., Vigoda-Gadot E., Van Ryzin G. 2010. Public Sector Management, Trust, Performance, and Participation: A citizens Survey and National Assessment in the United States. – *Public Performance & Management Review*. Vol. 34. No. 2. P. 268-312. https://doi.org/10.2753/PMR1530-9576340207

Shlapentokh V. 2006. Trust in Public Institutions in Russia: The Lowest in the World. – *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 39. No. 2. P. 153-174. https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2006.03.004

Smith K.B., Stone L.H. 1989. Rags, Riches, and Bootstraps: Beliefs about the Causes of Wealth and Poverty. – *The Sociological Quarterly*. Vol. 30. No. 1. P. 93-107. https://doi.org/10.1111/j.1533-8525.1989.tb01513.x

Standard Eurobarometer 90. Autumn 2018. First Results. Public Opinion in the European Union. 2018. 40 p.

Bednost' i neravenstva v sovremennoi Rossii: 10 let spustya. Analiticheskii doklad [Poverty and Inequality in Modern Russia: 10 Years Later. Analytical Report]. 2013. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow: IS RAS. 168 p. (In Russ.)

Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. 2004. Wealth and poverty in the minds of Russians. – *Sociological Studies*. No. 3. P. 16-21. (In Russ.)

Mareeva S.V., Tikhonova N.E. 2016. Public Perceptions of Poverty and Social Inequality in Russia. – *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 25. No. 2. P. 37-67. (In Russ.)

Terin D.F. 2018. The Structure of Political Trust in Russia: Performance and Fairness of Political Institutions. – *Sociological Journal*. Vol. 24. No. 2. P. 90–109. (In Russ.) https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5846

Yuzhakov V., Boikov V., Dobrolyubova E., Pokida A., Zybunovskaya N. 2014. On the Way to Service-Oriented State: Satisfaction of Public Services Recipients. – *Economic Policy*. No. 3. P. 116-142. (In Russ.)

Литература на русском языке

Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. 2013. Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Институт социологии РАН. 168 с.

Горшков М.К., Тихонова Н.Е. 2004. Богатство и бедность в представлениях россиян. – *Социологические исследования*. № 3. С. 16-21.

Мареева С.В., Тихонова Н.Е. 2016. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании. – *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 25. № 2. С. 37-67.

Терин Д.Ф. 2018. Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов. *Социологический журнал*. Т. 24. № 2. С. 90-109. https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5846

Южаков В., Бойков В., Добролюбова Е., Покида А., Зыбуновская Н. 2014. На пути к сервисному государству: удовлетворенность получателей государственных услуг. – *Экономическая политика*. № 3. С. 116-142.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.11

АКТОРНЫЕ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Е.А. Антюхова

АНТЮХОВА Екатерина Андреевна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, email: e.antyukhova@gmail.com

Антюхова Е.А. Акторные модели глобальной образовательной политики. – Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 158-168. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.11

Статья поступила в редакцию: 19.12.2019. Принята к публикации: 19.02.2020

Аннотация. Актуальность глобальной образовательной политики определяется совокупностью новых реалий цифро-глобального мира с быстрым изменением традиционных технологий во многих сферах деятельности. Автор анализирует сущностную компоненту этой политики как области научных исследований (в образовании, политологии, социологии, педагогике и т.п.), так и сферы практической деятельности и направления деятельности государства. Установлено, что акцент на образовательной повестке является важным феноменом современного развития, которое сопровождается ускоренным внедрением цифровых технологий и необходимостью адаптации человека к этим изменениям. При этом глобальное образование учитывает как национальные политики стран, так и транснациональную экономическую политику. Глобальное образование рассматривается как подход к образованию в части его предметно-содержательного наполнения и распространения в мире с учетом современных технологических возможностей, который воспитывает сознание глобального гражданина, приверженного национальным интересам и способного к самореализации в мировом пространстве. Показано, что трансформация образования (как в части просвещения, так и в части становления новой личности, владеющей глобальной компетенцией) лежит в рамках интересов всего мирового сообщества, а не только отдельных государств. Уточнено понятие глобальной образовательной политики и подтверждена перспективность использования акторного подхода, сформировавшегося в рамках неолиберализма. Выделено пять акторных моделей в образовательной сфере (модели с одним актором – государством; модели, дополненные деятельностью неправительственных акторов; модели, учитывающие развитие роли и статуса неправительственных акторов; модели, отражающие прогресс технологических инноваций; модели, возводящие в статус акторов образовательные экосистемы, носящие надгосударственный характер). Рассмотрена гипотеза, согласно которой наиболее перспективна модель, состоящая из образовательных экосистем как акторов глобального уровня.

Ключевые слова: глобализация, глобальное образование, глобальная образовательная политика, акторы.

ГЛОБАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОВЕСТКА СОВРЕМЕННОСТИ

Процессы глобального взаимодействия ведут к возникновению принципиально новых возможностей, равно как и новых угроз развитию мировых и региональных систем. К числу видов деятельности, подвергшихся наибольшему влиянию со стороны общемировых тенденций, следует отнести и образование, поскольку глобализация стала сложной силой, влияющей на все аспекты жизни, и ни одна нация не может отрицать ее значение [Ead 2019].

Появление термина “глобальное образование” [Global Education... 1990; Pike 2000; Standish 2014] связано с новым этапом глобализационных процессов в по-

следней четверти XX в. Глобализация неоднозначно воспринимается в обществе (от оптимизма по поводу экономических возможностей и культурных взаимосвязей до противодействия, обусловленного вмешательством во внутреннюю политику стран и экологическими последствиями деятельности крупных компаний) [Obstfeld 2020]. Глобальное образование сфокусировано на правах человека, возможностях его культурного и профессионального развития [Banks 2013].

Образование, как считается, включает две составляющие – собственно просвещение как передачу накопленного знания широким слоям общества и узкоспециализированного знания специалистам; процессы формирования нового человека, адаптированного к условиям жизни в цифро-глобальном обществе и владеющего "глобальной компетенцией"[1]. Если просвещение в значительной мере традиционно (за исключением приемов и методов трансляции знаний, меняющихся с развитием научно-технического прогресса), то образование в части формирования новых компетенций [Касаткин 2017; Касаткин, Ковальчук, Степнов 2019] претерпевает существенные трансформации[2]. Попытки предугадать будущие тренды заведомо малопродуктивны. Нужны форсайт-исследования будущей образовательной повестки на международном уровне (например, *GEF – Global Education Futures*[3]*, Re-Engineering Futures Group*[4]*, Living and Learning in 2034*[5]*, The Future of Work: Jobs and skills in 2030*[6]*, Institute for the Future for the University of Phoenix Research Institute*[7]*, European Commission Joint Research Centre – Institute for Prospective Technological Studies*[8] и др.).

Глобальное образование трактуется неоднозначно – и это связано с уровнями представлений о нем: как области научных исследований (в образовании, социологии, педагогике, политологии и т.п.) [Kniep 1986; Davies, Evans, Reid 2005], как практической деятельности [Riel 1993; Scheunpflug, Asbrand 2006] и как сферы государственной политики [Ball 1998; Verger et al. 2018].

Глобальное образование зародилось в 1960-1970-х годах как реформистское движение специалистов образовательной сферы, неправительственных и межправительственных организаций. Однако оно так и не смогло нащупать конструктивную модель образования будущего. Вторая волна относится к 1990-м годам; она еще раз подтвердила, что образование ориентировано на формирование личности, а глобальное образование – на подготовку молодежи к выходу в мировое пространство [Standish 2014], к жизни в новом сложном мире,

[1] *PISA. Global Competence.* 12.12.2018. URL: https://www.oecd.org/pisa/pisa-2018-global-competence.htm (accessed 23.08.2019).

[2] Loshkareva E. et al. *Skills of the future. How to thrive in the complex new world.* 12.10.2018. URL: https://worldskills.ru/assets/docs/media/WSdoklad_12_okt_eng.pdf?platform=hootsuite (accessed 18.08.2019).

[3] Educational Ecosystems for Societal Transformation. – *Global Education Futures.* 26.04.2018. URL: http://www.globaledufutures.org/images/people/GEF_april26-min.pdf (accessed 16.08.2019).

[4] Будущее образования: глобальная повестка. – *Re-Engineering Futures Group.* 26.12.2016. URL: http://rusinfoguard.ru/wp-content/uploads/2016/12/GEF.Agenda_ru_full.pdf (accessed 16.08.2019).

[5] Living and Learning in 2034. A Higher Education Futures Project. – *UNITE Group.* 10.02.2016. URL: http://www.unite-group.co.uk/binaries/744/587/living-learning-in-2034_final.pdf (accessed 16.08.2019).

[6] The Future of Work: Jobs and skills in 2030. – *UK Commission for Employment and Skills.* 25.09.2014. URL: http://www.z-punkt.de/uploads/media/the-future-of-work-evidence-report.pdf (accessed 16.08.2019).

[7] Future Work Skills 2020. – *Institute for the Future*. 26.05.2010. URL: http://www.iftf.org/uploads/media/SR-1382A_UPRI_future_work_skills_sm.pdf (accessed 16.08.2019).

[8] The Future of Learning: Preparing for Change. – *European Commission Joint Research Centre – Institute for Prospective Technological Studies*. 09.10.2011. URL: http://www.gencat.cat/salut/ccfcps/html/ca/dir3612/docs/thefuturelearning.pdf (accessed 16.08.2019).

включая получение образования (теоретических знаний), изучение культуры (отметим, что существует отдельное направление исследований – мультикультурное образование [Banks 2013]) и поиск возможностей для самореализации.

В уже ставшей классикой работе Р. Хэнви[9] представлена модель, в которой обоснован взгляд на мир как на единую общность с глобальной системой взаимосвязей. В ней успех каждого непосредственно связан с успехом всех, а глобальное образование опирается на следующие критерии: 1) формирование объективного взгляда на мир; 2) осознание состояния планеты; 3) кросс-культурная грамотность; 4) понимание динамики мировых процессов; 5) осмысление возможностей для выбора. Глобальное образование представляет собой интеграцию мировоззрения (как признание взаимозависимости народов и экосистем, а также динамических отношений в мире) и детоцентризма (фокусировка педагогического сознания на индивидуальном ученике, с учетом перспектив развития его как личности) [Pike, Selby 2000]. Оно основано также на универсальных ценностях, таких как терпимость, солидарность, равенство, справедливость, сотрудничество, ненасилие[10], ориентировано на повышение осведомленности о глобальных проблемах и на изменение отношения людей к ним.

В научных работах глобальное образование изначально было представлено как общественное движение за внедрение глобальной перспективы во все учебные программы, причем большей частью это касалось школьного образования [Global Education... 1990] – таким образом, были введены дисциплины "Глобальное образование" (Австралия, Канада, Великобритания и др.) и "Образование для международного понимания" (Южная Корея), целью которых стало изучение глобальных проблем для формирования ответственной гражданской позиции личности. Школьное обучение рассматривается как основная сила, которая позволяет создать "климат лояльности между нациями" [Burnouf 2004]. Тем не менее в университетах реализация глобального образования является важной составляющей адаптации студентов к меняющемуся миру [Касаткин, Ковальчук, Степнов 2019] и помогает им увидеть этот мир другими глазами, решать социальные, культурные, экономические и другие задачи [Riel 1993].

В итоге в русле решений "Саммита Земли" в Рио-де-Жанейро (1992 г.) идет интеграция глобального образования и образования в интересах устойчивого развития [Scheunpflug, Asbrand 2006], нацеленная на создание единой образовательной системы [Урсул 2019]. Глобальное образование перемещается в сферу высшего образования – так 270 университетов из 37 стран в соответствии с разработанными "Обязательствами учреждений высшего образования в отношении практики обеспечения устойчивости"[11] (Саммит "Рио+20" в 2012 г.) обязуются стимулировать достижение глобальной устойчивости и расширение образовательного пространства.

В начале XXI в. возникло образование в духе глобальной гражданственности[12] (*global citizenship education* [Davies, Evans, Reid 2005]). Мы согласны с мне-

[9] Hanvey R.G. An Attainable Global Perspective. – *The American Forum for Global Education*. 2004. URL: https://docplayer.net/60696-An-attainable-global-perspective-by-robert-g-hanvey.html (accessed 14.02.2020).

[10] What is Global Education? – *GLEN – Global Education Network of Young Europeans*. 29.06.2012. URL: https://web.archive.org/web/20120730081117/http://glen-europe.org/?page_id=17 (accessed 14.02.2020).

[11] *Higher Education Sustainability Initative*. 2012. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/sdinaction/hesi (accessed 14.02.2020).

[12] Образование в духе глобальной гражданственности. – *ЮНЕСКО*. URL: https://ru.unesco.org/gced (accessed 30.03.2020).

нием российских специалистов о важности воспитания человека, которому присуще чувство гражданственности [Морозова 2008], а также с необходимостью нового осмысления национальной идентичности личности в рамках глобального образования [Pike 2000]. Но нельзя отрицать и значительные различия между задачами глобального и гражданского образования [Goren, Yemini 2017], которые связаны с государственной политикой в той или иной стране, а также с педагогическими подходами и даже религией [Marshall 2018]. Развитие общества меняет взаимодействие между людьми с разной культурой, дает возможности удаленной работы и т.п. Поэтому следует уточнить ориентиры глобального образования с учетом интеллектуализации общества [Урсул 2019].

Например, Япония в 1980-е годы выполнила программу "Образование для глобальной конкурентоспособности", направленную на поддержку международных обменов, учет интернациональных аспектов учебных программ (с сохранением уважения к национальной культуре) и повышение результативности обучения иностранным языкам. С 2014 г. на основе американских грантов (*Fulbright U.S. Student Program*), немецкой практики академических обменов (*DAAD*), британской (*Study Abroad Studentships*), бразильской (*Science without Borders (SWB)*), австралийской (*New Colombo Plan*) и др. программ студенческой мобильности в России реализуется государственная программа "Глобальное образование" для финансирования обучения граждан, поступивших в ведущие университеты мира[13].

ГЛОБАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: СУЩНОСТНЫЕ ВЕКТОРЫ

Реформы образования, проводимые во многих частях мира, невероятно разнообразны как в культурном, так и в экономическом отношении, неотрывно связаны с политическими процессами и обсуждаются на всех институциональных уровнях. Появление в итоге глобальной политики в области образования (*Global Education Policies – GEP* [Verger, Novelli, Altinyelken 2018: 2]) привело к становлению ее акторов.

Имеющиеся исследования игнорируют вопросы, как и почему политика в глобальном масштабе находит отражение в образовании. Они ориентированы на международное измерение политического процесса [Stone 2004: 545; Peck, Theodore 2010: 169], учитывают наличие дихотомии между локальными и глобальными уровнями управления образованием [Mukhopadhyay, Sriprakash 2011], но не делают акцента на взаимодействии между глобальными идеями, их распространением и контекстуализацией [Ball 1998].

Экспоненциальное нарастание изменений уже вышло за рамки национальных стратегий образования и достигло уровня глобальной политики, создав новый тип международного взаимодействия – глобальную образовательную политику. Ряд авторов [The Handbook... 2016; Фридман 2015; Власова 2012; 2013; Грудзинский, Палеева 2016] различным образом определяют понятия образовательной и глобальной образовательной политики. Одни понимают образовательную политику как функцию государства, другие – как деятельность неправительственных организаций, а разрешение проблемы видят в компромиссе между всеми группами интересов. Тем не менее, для исследователей становится существенно важным единое восприятие процесса модернизации образования как глобального, и они уверены в том, что глобальная образовательная политика

[13] *Государственная Программа Глобальное образование*. 2014. URL: http://educationglobal.ru/ns/overview/ (accessed 14.02.2020).

превращается в объективно востребованный инструмент, а ценность национальных систем образования определяется прежде всего их способностью адаптироваться к глобальным вызовам. Глобальная образовательная политика понимается как "целенаправленная деятельность ряда национальных и наднациональных акторов по формированию единой глобальной образовательной повестки, единых правил и стандартов" [Байер 2019: 72]. Здесь акценты смещены не в сторону влияния на политику, а на формирование его новой модели.

Для дальнейшего исследования в качестве рабочего понятия мы будем использовать содержательное понимание глобальной образовательной политики как *целеориентированной системы мер, обеспечивающей получение образования, необходимого для устойчивого развития современной цивилизации*. Мы понимаем, что такая целеориентированная система обеспечивает взаимодействие неправительственных организаций с государством, взаимное обогащение национальных систем в поиске сценариев развития. Глобальная образовательная политика формирует рекомендуемый вектор развития национальных систем, далеко не обязательный, но гарантирующий конкурентоспособность образовательной системы в общемировом устройстве.

Исследование предпринимаемых мер, действующих сил и проявлений глобальной образовательной политики требует новых приемов и методов, подкрепленных методологическим базисом. Существующее разнообразие подходов к исследованию устройства мировой политический системы приводит к необходимости обосновать выбор инструментария, который наилучшим образом позволяет провести наблюдение, анализ и систематизацию всех аспектов глобальных образовательных тенденций и сформировать модель глобальной образовательной политики. Такой инструментарий должен обеспечивать гибкость будущих прогнозов, а не являться прямым продолжением сложившихся тенденций. Это условие позволяет обосновать востребованность именно акторного подхода. Акторы, по мнению геополитиков, – это индивиды или структуры, которые "вырабатывают, выражают и переводят в действие намерения" [Моро-Дефарж 1996: 33]. Социологи, принимая понятия "актор", "субъект" и "агент", выделяют ключевое свойство актора – его стремление к изменению окружающего мира. Выбор акторного подхода предопределил формулировку поставленной в данном исследовании проблемы: *каким образом глобальная образовательная политика может быть изучена через акторный подход, какие дополнения акторному подходу необходимы для полноценного представления ведущих игроков образовательного пространства*.

Наиболее развитая концепция акторов в мировой политике представлена в работах М.М. Лебедевой. Понимая актора, влияющего на мировые процессы, как "некий собирательный образ", в качестве опорного пункта дальнейшего исследования мы использовали тезис, что "негосударственные акторы стали образовывать различного рода партнерства, как с государствами, так и между собой" [Лебедева 2013: 38]. Идея необходимости исследования взаимодействия используется и в работе "Акторный подход к глобальной образовательной политике" [Байер 2019], в которой под акторами понимаются "политические силы (союзы, объединения), которые оказывают реальное воздействие/влияние на процессы в глобальной образовательной политике", но, к сожалению, исследование ограничивается только изучением роли таких организаций как *UNISEF*, *UNESCO*, понимая в качестве актора ООН, а не сами организации, ОЭСР и Всемирный банк.

Иерархия акторных моделей в глобальном представлении образования

Опираясь на работы по исследованию мировых акторов [Лебедева 2016; Аксенова 2008; Калюжная 2013; Холдоров 2016; Non-State Actors... 2001; Fumasoli, Stensaker, Vukasovic 2018; Renalda 2011; Risse 2002] и на отличие глобальной политики от международной деятельности [Цыганков 2008], мы смогли систематизировать акторные модели глобальной образовательной политики по количеству и типу участников. При этом изучать деятельность акторов как мультиакторного и мультиуровневого управления на базе единой метаорганизации не вполне корректно, так как могут быть потеряны отдельные виды взаимодействия. Введение понятий "практика" и "эффективная практика"[14] представляется интересным решением для акторного подхода в теоретических консервативных концепциях гуманитарных наук, но, по нашему мнению, неприменимо для исследования реальных процессов глобализации в образовании в силу существенной неопределенности будущей образовательной повестки, в рамках которой замена одной лучшей практики на другую будет происходить быстрее обобщения результатов деятельности. Учитывая вышесказанное, предлагаем использовать представление акторной модели, опираясь на категорию "взаимодействие" [Цыганков 2013] по нарастанию сложности взаимодействия[15], заменяя результат (ту же "эффективную" практику, например) действенным механизмом согласования интересов.

В настоящее время целесообразно привести несколько сложившихся и предлагаемых нами подходов к единой классификации:

1) рассмотрение только одного актора – государства, определяющего полноту образовательной политики и учитывающего проявления глобализации через опосредованное влияние реального государственного воздействия и/или игнорирующего интересы других участников образовательного процесса или создающего специальные механизмы для учета таких интересов;

2) разбор действий нескольких акторов одного типа (государств), реализующих государственную политику через отношения на международном уровне (включая создание органов согласования действий, но не являющихся полноценными акторами, обладающими собственной стратегией);

3) включение во вторую модель неправительственных акторов, обладающих собственными самостоятельными стратегиями и реализуемыми сценариями, формируя многовариантность и плюрализм модели образования без преобладания единого мнения;

4) дополнение третьей модели платформенными принципами и учет новых типов акторов – собственно участников образовательного процесса (образовательных организаций и обучающихся) на платформенном цифровом или экосистемном принципе, опирающихся на субъективность выбора;

5) анализ только образовательных экосистем, диаметрально противоположных первой модели, учитывающих государственное влияние через внутренние политики модераторов, включая такие экосистемы, как глобальные образовательные платформы, города (умные города и города как экосистемы), возрастание роли интеграторов данных в образовании и др.

[14] Скопин А.Ю., Климов А.И., Зайцев Д.Г. *Акторный подход в современных социальных науках: экономике, социологии и политологии*. 12.11.2012. URL: https://bit.ly/3aiQWPK (accessed 12.08.2019).

[15] *Образование для сложного общества*. 28.09.2018. URL: https://futuref.org/educationfutures_ru (accessed 25.08.2019).

Не требует доказательства, что *первая модель* (государственного национального образования) в настоящее время не является полноценной, так как в мировом образовании накоплен более широкий опыт международного взаимодействия. Тем не менее такая модель имеет право на существование, также как суверенный интернет со всеми аналогичными выгодами и проблемными ситуациями[16]. Согласование же деятельности органов исполнительной власти с глобализационными практиками представляется ограниченным как по спектру решений из-за различий в процедурах, так и по их реализации. Однако ряд стран демонстрирует инертность [Булаева, Исаева 2012], и указанная модель должна учитываться в сценариях трансформации мировой системы образования.

Вторая модель, получившая распространение в прошлом веке, ориентирована на развитие международной деятельности, что привело к созданию различных неправительственных организаций (например, сравнение деятельности *UNESCO* и *UNICEF* как неправительственных акторов [The Handbook...2016] или *UNESCO, UNICEF и OECD* [Fumasoli, Stensaker, Vukasovic 2018]), деятельность которых носит либо согласующий характер (как площадка для организации международного сотрудничества и представления групп интересов), либо рекомендательно-экспертный – для обнародования результатов наиболее существенных тенденций мирового образования. Такая модель позволяет обеспечить идентичность национального образования и создать возможность согласования общих целей (интересов) акторов. Зачастую под транснациональными акторами понимают только негосударственных акторов, которые функционируют, обладают организационной структурой и не ограничены государственными рамками, имеют четко определенные цели и наделены правами для их достижения. Исключение государства из перечня глобальных акторов в образовании является общепринятым “самообманом”, так как полномочия таких акторов так или иначе формируются актуальной повесткой межгосударственного взаимодействия.

Третья модель возникла благодаря деятельности в профессиональной сфере неправительственных акторов, когда сами эти акторы либо выступают организаторами, либо поддерживают те или иные глобальные образовательные проекты, что является следствием реализации неолиберальной модели в образовании [Abdel-Moneim 2020]. Такая модель поливариантна (в части учета специфики отдельных государств при единстве интересов первоначального проекта) и ориентирована на процессуальный подход. Кроме того, неправительственные акторы стали рассматривать свою сферу деятельности шире – от общественно значимой до взаимодействующей с корпоративными системами. Практики образовательной деятельности направлены как на просвещение (обучение иностранным языкам, экологические проекты), так и на поддержку отбора специалистов через обучение в рамках взаимодействия с крупными компаниями, прежде всего, транснациональными (*Google*, корпоративные университеты по России). Это привело, с одной стороны, к определенной дивергенции с правительственными акторами, включая возможность влияния на них, но, с другой стороны, обогатило практики глобальных проектов в образовании.

Влияние технологий и преобладание формы над содержанием во многих коммуникационных новшествах и практиках обучения позволяет выделить

[16] Как будет действовать закон о “суверенном интернете”? – *Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации*. 01.05.2019. URL: http://duma.gov.ru/news/44676/ (accessed 13.08.2019).

четвертую модель, принципиально отличающуюся от третьей обновлением используемого инструментария. Но следует отметить, что технологическая основа дала возможность сформироваться еще двум группам акторов, чье влияние в условиях глобального развития первоначально не оценивалось столь значимо, – это включение обучающихся (социальных групп обучающихся) в состав действенных акторов и усиление роли университетов, которые трансформировали свои модели образования на основе расширения реализуемых концепций, что дает возможность обеспечения необходимого спектра образовательных программ. Становление образовательных центров (как более широкой категории "университета" или "университета нового типа") в качестве акторов можно считать одним из знаковых достижений глобальной образовательной политики (например, Шанхайский университет).

Особое место в четвертой модели занимают зарождающиеся образовательные экосистемы, такие как Массачусетский технологический институт (США), Сколково (Россия), Университет Ниццы – Софии Антиполис (Франция) и др. Выход таких экосистем на глобальный уровень находит отражение в новой, *пятой акторной модели*. Несмотря на то что такая модель находится в стадии формирования, можно выделить два аспекта, позволяющих признать экосистемы новыми акторами, отличными от университетов, с растущим влиянием на мировую политику в области образования. Первый – востребованность онлайн-курсов глобальных образовательных платформ, таких как *Coursera* (от прохождения курсов до получения ученых степеней), и второй – влияние дистанционных образовательных программ на деятельность хедхантеров, исключающих в своих анкетах требование о наличии высшего образования, считая приоритетными навыки, демонстрируемые в поисках работы[17].

Представленный выше динамический подход, учитывающий плюрализм образовательных стратегий различных глобальных, национальных и транснациональных интересантов в рамках роста новых практик, обеспеченных поддержкой очередного этапа научно-технической революции, показал, что именно акторный подход в настоящее время позволяет отразить особенности глобальной образовательной политики и ее участников.

Тем не менее, по нашему мнению, для изучения глобальной образовательной политики недостаточно выделить новые акторные модели, так как приоритеты образовательной политики определяются не только тем, какой смысл вкладывают ведущие акторы в категорию "образование", но и тем, какими причинами вызваны указанные изменения и в чем им видятся ценность и стратегические задачи будущей образовательной повестки.

Выводы

Представленная концепция исследования глобальной образовательной политики как интеграционного сценария действий отдельных акторов в рамках пяти акторных моделей предполагает выявление движущих сил как первопричины возникновения новых акторов в дополнение к государственным и неправительственным акторам, идентификацию акторов по оценке их влияния на реализацию глобального сценария.

Таким образом, мы представили предложения по уточнению акторного подхода, позволяющие уйти от декларативного характера и субъективного вы-

[17] HeadHunter уберет из резюме графу об образовании. – *Коммерсантъ*. 23.01.2019. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3861210 (accessed 23.08.2019).

бора акторов, получить методологически значимую идентификацию акторов, что должно повысить объективность акторного подхода в пределах доступной совокупности знаний в выбранной сфере – образовании.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.11

ACTOR MODELS OF GLOBAL EDUCATIONAL POLICY

E.A. Antyukhova[1]

[1]*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

ANTYUKHOVA, Ekaterina Andreevna, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Senior Lecturer, Comparative politics department, MGIMO University, email: e.antyukhova@gmail.com

Antyukhova E.A. Actor Models of Global Educational Policy. – Polis. Political Studies. 2020. No. 3. P. 158-168. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.11

Received: 19.12.2019. Accepted: 19.02.2020

Abstract. The relevance of a global educational policy is determined by the new realities of the modern digital-global world, with traditional technologies rapidly changing in many areas. It is shown that the transformation of education (both in terms of education and in terms of the formation of a new global competence with personality) is in the interest of the entire global community, not merely individual states. The notion of a global education policy is clarified, and the promising use of actor approach in the framework of neoliberalism is confirmed. We identified five actor models in the educational sphere (models with a single actor (government); models complemented by the activities of non-governmental actors; models that consider the development of the role and status of non-governmental actors; models that reflect the progress of technological innovation; model-building in the status of actors in educational ecosystems, wearing a supranational character). It is hypothesized that the model with the greatest prospects is the model consisting only of educational ecosystems as actors on a global level. It is shown that the establishment of actor models is not enough to form a holistic view of a global educational policy; without specifying a single methodological design, the causes of changes in the type and composition of actors and the value of innovations in the future educational agenda. The author identifies the driving forces influencing global educational policy: scientific and technological progress and the transformation of the world economic system; communications developments; and the dynamism of foreign policy strategies, which makes it possible to implement the concept of "competition through cooperation". It is shown that the set of possible actions actors can perform is realized through a sequence of scenarios (economic, institutional, and social scenarios), leading to the formation of the globalization scenario being integral. The paper presents suggestions for refining the actor approach, enabling movement away from declarative and subjective justifications of actors, and combining the assessment of possible actions, policies, and scripts which allows for the methodologically meaningful identification of actors within the available body of knowledge in their chosen field of education.

Keywords: globalization, global education, global educational policy, actors.

References

Abdel-Moneim M.A. 2020. Between Global and National Prescriptions for Education Administration: The Rocky Road of Neoliberal Education Reform in Qatar. – *International Journal of Educational Development*. No. 74. Article 102160. P. 1-16. https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2020.102160

Ball S.J. 1998. Big Policies/Small World: An Introduction to International Perspectives in Education Policy. – *Comparative Education*. Vol. 34. No. 2. P. 119-130.

Banks J.A. 2013. The Construction and Historical Development of Multicultural Education, 1962-2012. – *Theory into Practice. Vol.* 52. No. 1. P. 73-82. https://doi.org/10.1080/00405841.2013.795444

Burnouf L. 2004. Global Awareness and Perspectives in Global Education. – *Canadian Social Studies*. Vol. 38. No. 3. P. 1-12. URL: https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1073942.pdf (accessed 23.03.2020).

Davies I., Evans M., Reid A. 2005. Globalising Citizenship Education? A Critique of 'Global Education' and 'Citizenship Education'. – *British Journal of Educational Studies*. No. Vol. 53. No. 1. P. 66-89. https://doi.org/10.1111/j.1467-8527.2005.00284.x

Ead H.A. 2019. Globalization in Higher Education in Egypt in a Historical Context. – *Research in Globalization*. Vol. 1. Article 100003. P. 1-5. https://doi.org/10.1016/j.resglo.2019.100003

Fumasoli T., Stensaker B., Vukasovic M. 2018. Tackling the Multi-Actor and Multi-Level Complexity of European Governance of Knowledge: Transnational Actors in Focus. – *European Educational Research Journal*. Vol. 17. No. 3. P. 325-334. https://doi.org/10.1177/1474904117742763

Global Education: From Thought to Action. 1990. Ed. by K.A. Tye. Alexandria: Association for Supervision and Curriculum Development.

Goren H., Yemini M. 2017. The Global Citizenship Education Gap: Teacher Perceptions of the Relationship Between Global Citizenship Education and Students' Socio-Economic Status. – *Teaching and Teacher Education*. Vol. 67. P. 9-22. https://doi.org/10.1016/j.tate.2017.05.009

Kniep W.M. 1986. Defining a Global Education by Its Content. – *Social Education*. Vol. 50. No. 6. P. 37-46.

Marshall K. 2018. Global Education Challenges: Exploring Religious Dimensions. – *International Journal of Educational Development*. Vol. 62. P. 184-191. https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2018.04.005

Mukhopadhyay R., Sriprakash A. 2011. Global frameworks, local contingencies: Policy translations and education development in India. – *Compare*. Vol. 41. No. 3. P. 311-326. https://doi.org/10.1080/03057925.2010.534668

Non-State Actors in World Politics. 2001. Ed. by D. Josselin, W. Wallace. Palgrave.

Obstfeld M. 2020. Globalization Cycles. – *Italian Economic Journal*. No. 6. P. 1-12. https://doi.org/10.1007/s40797-020-00121-4

Peck J., Theodore N. 2010. Mobilizing Policy: Models, Methods, And Mutations. – *Geoforum*. Vol. 41. No. 2. P. 169-174.

Pike G. 2000. Global Education and National Identity: In Pursuit of Meaning. – *Theory into Practice. Vol.* 39. No. 2. P. 64-73. https://doi.org/10.1207/s15430421tip3902_2

Pike G., Selby D. 2000. *The World in Your Classroom: Engaging Students in Global Education*. Toronto: Pippen Publishing Corporation.

Renalda B. 2011. *The Ashgate Research Companion to Non-State Actors*. Burlington: Ashgate.

Riel M. 1993. Global Education Through Learning Circles. – *Global Networks: Computers and International Communication*. Ed. by L.M. Harasim. Cambridge: MIT Press. P. 221–236.

Risse Th. 2002. Transnational Actors and World Politics. – *Handbook of International Relations*. Ed. by W. Carsnaes, Th. Risse, B.A. Simmons. London: Sage. P. 256-274.

Scheunpflug A., Asbrand B. 2006. Global Education and Education for Sustainability. – *Environmental Education Research*. Vol. 12. No. 1. P. 33-46. https://doi.org/10.1080/13504620500526446

Standish A. 2014. What Is Global Education and Where Is It Taking Us? – *The Curriculum Journal. Vol.* 25. No. 2. P. 166-186. https://doi.org/10.1080/09585176.2013.870081

Stone D. 2004. Transfer Agents and Global Networks in the "Transnationalisation" of Policy. – *Journal of European Public Policy*. Vol. 11. No. 3. P. 545-566. https://doi.org/10.1080/1350176041000169429

The Handbook of Global Education Policy. 2016. Ed. by K. Mundy, A. Green, B. Lingard, A. Verger. West Sussex: John Wiley & Sons, Ltd.

Touraine A. 1984. *Le Retour de l'acteur. Essai de sociologie*. Paris: Librairie Arthème Fayard.

Verger A., Novelli M., Altinyelken H.K. 2018. Global Education Policy and International Development: A Revisited Introduction. – *Global Education Policy and International Development: New Agendas, Issues and Policies*. Ed. by A. Verger, M. Novelli, H.K. Altinyelken. London: Bloomsbury. P. 1-34.

Aksenova O.V. 2008. Izmenenie roli politicheskogo sub'ekta: agent ili aktor? (Na primere ekopoliticheskoi sfery [Changing the Role of a Political Subject: Agent or Actor? (On the Example of The Eco-Political Sphere)]. – *Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshchestvo i vlast': opyt razvitiya i vzaimodeistviya*. [Public Space, Civil Society and Power: The Experience of Development and Interaction]. Ed. by A.Yu. Sungurov. Moscow: Russian Political Science Association; ROSSPEN. P. 181-193. (In Russ.)

Bayer Yu.P. 2019. Actor Approach to Researching Global Educational Policy. – *Management Consulting*. No. 3. P. 72-78. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-3-72-78

Bulaeva S.V., Isaeva O.N. 2012. *Sistema mirovogo obrazovaniya: sovremennye tendentsii razvitiya* [The System of World Education: Modern Trends of Development]. Ryazan: Ryazan State University. (In Russ.)

Friedman M.F. 2015. *Teoriya global'noi nauchno-obrazovatel'noi politiki informatsionnogo obshchestva: sotsial'no-filosofskii analiz i prognoz* [Theory of Global Scientific and Educational Policy of Information Society: Social and Philosophical Analysis and Forecast]. Moscow: Pero. (In Russ.)

Grudzinsky A.O., Paleeva O.A. 2016. Education's Functionality Evaluated by Process Actors. – *Vestnik NSU. Series: Social and Economics Sciences*. No. 3. P. 75-82. (In Russ.)

Holdorov O.N. 2016. Correlation of the Category of "Actor" with the Categories of "Subject", "Participant" and "Agent" in Political Process. – *The Bulletin of The Volga Region Institute of Administration*. No. 4. P. 128-133. (In Russ.)

Kalyuzhnaya D.E. 2013. Modern Actors of World Politics and Transition to Sustainable Development. – *Sociodynamics*. No. 5. P. 45-87. (In Russ.) https://doi.org/10.7256/2306-0158.2013.5.664

Kasatkin P.I. 2017. Modern Education: Functions and Mission. – *Problems of Modern Education*. No. 5. P. 109-118 (In Russ.)

Kasatkin P.I., Kovalchuk Yu.A., Stepnov I.M. 2019. The Modern Universities Role in The Formation of the Digital Wave of Kondratiev's Long Cycles. – *Voprosy Ekonomiki*. No. 12. P. 123-140. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-12-123-140 (In Russ.)

Lebedeva M.M. 2013. Actors of Modern World Politics. – *Bulletin of MGIMO University*. No. 1. P. 38-42. (In Russ.)

Lebedeva M.M. 2016. *Mirovaya politika* [World Politics]. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Moreau Defarges P. 1996. Introduction à la géopolitique. (Russ. ed.: Moreau Defarges P. *Vvedenie v geopolitiku*. Moscow: Concorde).

Morozova S.A. 2008. Grazhdanskoe obrazovanie kak ponyatie i pedagogicheskoe yavlenie [Civil Education as a Concept and Pedagogical Phenomenon]. – *UNIVERSUM: Bulletin of the Herzen University*. No. 6. P. 20-24. (In Russ.)

Tsygankov P.A. 2008. Aktory i faktory v mezhdunarodnykh otnosheniyakh i mirovoi politike [Actors and Factors in International Relations and World Politics]. – *Privatizatsiya mirovoi politiki: lokal'nye deistviya – global'nye rezul'taty* [Privatization of World Politics: Local Actions – Global Results]. Ed. by M.M. Lebedeva. Moscow: ZAO Golden-Bi. P. 30-53. (In Russ.)

Tsygankov P.A. 2013. Non-State Actors in World Politics: Interaction with States and Intergovernmental Organizations. – Peace and Politics. No. 10. P. 257-265. (In Russ.)

Ursul A.D. 2019. Development of Education for Global Peace. – *Vek globalizatsii*. No. 2. P. 49-60. (In Russ.)

Vlasova O.Yu. 2012. Political Education in Modern European States. – *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki*. No. 1. P. 88-91. (In Russ.)

Vlasova O.Yu. 2013. Models of Educational Policy of Modern European States. – *Gosudarstvennoe upravlenie*. Vol. 41. P. 229-247. (In Russ.)

Литература на русском языке

Аксенова О.В. 2008. Изменение роли политического субъекта: агент или актор? (На примере экополитической сферы). – *Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия*. Отв. ред. А.Ю. Сунгуров. М.: РАПН, РОССПЭН. С. 181-193.

Байер Ю.П. 2019. Акторный подход к исследованию глобальной образовательной политики. – *Управленческое консультирование*. № 3. С. 72-78. https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-3-72-78

Булаева С.В., Исаева О.Н. 2012. *Система мирового образования: современные тенденции развития*. Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина.

Власова О.Ю. 2012. Политическое образование в современных европейских государствах. – *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. № 1. С. 88-91.

Власова О.Ю. 2013. Модели образовательной политики современных европейских государств. – *Государственное управление*. Вып. № 41. С. 229-247.

Грудзинский А.О., Палеева О.А. 2016. Функциональность образования в оценке акторов процесса. – *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. № 3 (43). С. 75-82.

Калюжная Д.Е. 2013. Современные акторы мировой политики и переход к устойчивому развитию – *Социодинамика*. № 5. С. 45-87. URL: https://doi.org/10.7256/2306-0158.2013.5.664

Касаткин П.И. 2017. Современное образование: функции и предназначение. – *Проблемы современного образования*. № 5. С. 109-120.

Касаткин П.И., Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. 2019. Роль современных университетов в формировании цифровой повышательной волны длинных циклов Кондратьева. – *Вопросы экономики*. № 12. С. 123-140. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-12-123-140

Лебедева М.М. 2013. Акторы современной мировой политики. – *Вестник МГИМО-Университета*. № 1. С. 38-42.

Лебедева М.М. 2016. *Мировая политика*. М.: Аспект Пресс.

Моро-Дефарж Ф. 1996. *Введение в геополитику*. М.: Конкорд.

Морозова С.А. 2008. Гражданское образование как понятие и педагогическое явление. – *Universum: Вестник Герценовского университета*. № 6. С. 20-24.

Урсул А.Д. 2019. Становление образования глобального мира. – *Век глобализации*. № 2. С. 49-60. URL: https://doi.org/10.30884/vglob/2019.02.04

Фридман М.Ф. 2015. *Теория глобальной научно-образовательной политики информационного общества: социально-философский анализ и прогноз*. М.: Перо.

Холдоров О.Н. 2016. Соотношение категорий "актор" и "субъект", "участник", "агент" в политической теории. – *Вестник Поволжского института управления*. № 4. С. 128-133.

Цыганков П.А. 2008. Акторы и факторы в международных отношениях и мировой политике. – *Приватизация мировой политики: локальные действия – глобальные результаты*. Под ред. М.М. Лебедевой. М.: ЗАО Голдон-Би. С. 30-53.

Цыганков П.А. 2013. Негосударственные участники мировой политики: взаимодействие с государствами и межправительственными организациями. – *Мир и политика*. № 10. С. 257-265.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.12

ЧТО ТАКОЕ ДЕМОКРАТИЯ И КАК ЕЕ ИЗМЕРИТЬ?

А.В. Хворостов

ХВОРОСТОВ Александр Владимирович, кандидат социологических наук, руководитель Центра сравнительных евразийских исследований (CEASS-Center), Вена (Австрия), email: chvorostov@gmail.com

Хворостов А.В. Что такое демократия и как ее измерить? – Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 169-180. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.12

Статья поступила в редакцию: 25.07.2019. Принята к публикации: 04.09.2019

Аннотация. В статье рассматривается актуальная политологическая литература, сочетающая теоретико-концептуальный и эмпирический подходы к анализу современных обществ, в фокусе внимания – книга Дэвида Кэмпбелла "Демократия как оптимальная среда для инноваций: подходы к измерению качества демократии" (Global Quality of Democracy as Innovation Enabler: Measuring Democracy for Success. Cham: Palgrave Macmillan, 2019). Автор реферирует общий концептуальный подход Кэмпбелла к пониманию демократии как последовательно самоорганизующейся и многоуровневой системе и приводит его интерпретацию качественных уровней демократии. Основное внимание уделено рассмотрению разработанной автором модели эмпирического анализа ключевых параметров развития и функционирования современных обществ в рамках глобального сопоставительного анализа 160 стран. Приводятся также некоторые результаты анализа применительно к отдельным регионам и странам мира (ОЭСР, ЕС, БРИК и др.) Статья завершается разделом, содержащим некоторые критические замечания и комментарии рецензента относительно использованной терминологии и степени обоснованности предложенного метода в исторической перспективе.

Ключевые слова: демократия и демократизация, измерение качества демократии, сравнительный анализ по странам и регионам, инновации, социальный прогресс.

ПОЛИТОЛОГИ С ИЗМЕРИТЕЛЬНОЙ ЛИНЕЙКОЙ

В последние десятилетия сформировалось относительно новое направление социальных исследований, которое активно и систематически применяет эмпирические методы при анализе глобальных общественных трансформаций. Так, в открытом доступе находятся многочисленные базы данных, основанные на статистике и специальных экспертных опросах, предоставляющие обширный эмпирический материал для анализа разнообразных тенденций социетального развития практически всех стран мира. Достаточно упомянуть такие общепризнанные универсальные источники, как Всемирный банк, подразделения ООН, национальные и региональные статистические службы, дайджесты ключевых данных по отдельным странам, публикуемые во Всемирной книге фактов ЦРУ *(The CIA World Fact Book)*. Статистические базы дополняются разнообразными тематическими экспертными рейтингами, такими как ежегодные рейтинги *Freedom House, Heritage Foundation, Fraser Institute, Transparency International, Democracy Index* и другие.

Все эти источники активно используются в прикладных исследованиях и практической работе аналитиков, социологов, экономистов и политологов. Соответственно, появляются и обобщающие работы фундаментального характера, выдвигающие новые концепции общественного развития и предлага-

ющие новые, недоступные ранее измерительные инструменты для фиксации изменений общественного макропорядка.

В сфере изучения современной динамики социально-политических режимов можно отметить ряд работ, анализирующих глобальное развитие в рамках общего дискурса социетального прогресса и позиционирующих страны мира по осям "демократия – автократия", "прогресс – отставание", "эффективность – неэффективность" и т.п. В качестве примера приведем серию трудов Рональда Инглхарта и его коллег по проекту "Всемирные ценности" *(World Value Survey)*, в особенности монографию 2005 г. "Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития" [Inglehart, Welzel 2005]. В 2010 г. издан фундаментальный труд аналитиков МГИМО под руководством Андрея Мельвиля "Политический атлас современного мира: эксперимент по многомерному статистическому анализу развития политических систем современных государств" [Melville et al. 2010]. В том же году опубликована коллективная монография "Демократия знаний: последствия для науки, политики и медиа" [Knowledge Democracy... 2010], а в 2016 г. в журнале *"International Political Science Review"* вышли две статьи, посвященные вопросам измерения демократии: "Введение в измерение качества демократии" [Geissel, Kneuer, Lauth 2016] и "Внутренние взаимоотношения различных аспектов демократии: о компромиссах при измерении качества демократии" [Lauth 2016].

Упомянутые работы следуют различным методологическим традициям, либо разрабатывают принципиально новые подходы к анализу современных политий[1]; объединяет эти исследования, как минимум, одно – опора на эмпирический материал.

ДЭВИД КЭМПБЕЛЛ: ДЕМОКРАТИЯ И ИННОВАЦИИ

Концептуальный методологический анализ подходов к теории измерений качественных параметров современных обществ в сочетании с привлечением корпуса обширных эмпирических данных – характерная черта монографии австрийского и американского политолога Дэвида Кэмпбелла "Демократия как оптимальная среда для инноваций: подходы к измерению качества демократии", вышедшей в свет в начале 2019 г. в издательстве *Palgrave Macmillan* [Campbell 2019]. Это комплексное и концептуальное исследование, основанное на теоретических и эмпирических методах анализа современных обществ и опубликованное в рамках тематической серии "Изучение демократии: инновации и предпринимательство, обеспечивающие рост" *("Studies in Democracy: Innovation and Entrepreneurship for Growth")*. Автор исследует теоретическое значение понятия "демократия" и эмпирические признаки, характеризующие демократию.

Рецензируемая монография представляет собой беспрецедентный и актуальный компендиум знаний о структурной динамике современных обществ (политий), поскольку основана на глубоком и критическом анализе теорий измерения демократии, скрупулезном, систематическом и аккуратном сборе эмпирических данных и моделировании модульной аналитической матрицы.

[1] Здесь и далее термин "полития" используется как калька понятия *polity* в английском языке, означающего любое человеческое сообщество. Соответственно, в контексте данного обзора не следует смешивать это понятие с Аристотелевой концепцией политии как наиболее совершенной формы общественного управления.

Исследование предлагает заинтересованному читателю ясный методологический аппарат, базу надежных и верифицируемых эмпирических данных, а также широкий спектр возможных интерпретаций индуцированных результатов.

ЧТО ТАКОЕ ДЕМОКРАТИЯ?

Определения и рамки анализа

Как концептуально определить и измерить демократию и ее отдельные и совокупные качества в глобальном контексте? – формулирует автор свой базовый вопрос, представляя его как ключевую тему исследования [ibid.: 1]. Развернутое изложение исследовательского вопроса сопровождается в последующих главах анализом широкого спектра точек зрения, концепций, моделей и теорий демократии и способов ее измерения. При этом Кэмпбелл подчеркивает, что *границы между концепциями и теориями демократии оказываются весьма волатильными, гибкими и подвижными* [ibid.: 2], и что "*без приложения методов эмпирического измерения трудно себе представить дальнейшее развитие теорий демократии*" [ibid.: 3]. Это ключевое утверждение автора. Вся книга посвящена конструированию модели, которая позволила бы измерить различные грани демократии в странах, для которых доступны эмпирические данные. Автор принципиально не формулирует исследовательские гипотезы, которые предшествовали бы сбору и систематическому анализу эмпирических данных в рамках разработанной им функционально-нормативной модели. При этом целая палитра из двадцати *a posteriori* гипотез представлена в заключительной части монографии [ibid.: ch. 7.2]; эти гипотезы сформулированы как рефлексия полученных результатов исследования и принципиальный план последующих научных изысканий.

Автор предлагает следующее рабочее определение демократии, принимаемое за отправную точку дальнейших рассуждений: "Демократия – это система многослойного общественного самоуправления, основанная на базовых правах человека, при этом свобода и равенство принимаются за базовые принципы. Демократия понимается как последовательно самоорганизующаяся система. Следовательно, всякая теория демократии – это теория о системе (системах) общественного самоуправления на основе прав человека" [ibid.: 12].

В ходе дальнейших теоретических рассуждений это базовое формальное определение демократии как политической системы и системы управления дополняется несколькими принципиальными признаками, характеризующими экономические и социальные контексты всякой политии, как, например, социально-экологический контекст, контекст экономической устойчивости или контекст человеческого развития. Автор придерживается точки зрения, согласно которой ключевые качества демократии проявляются в результате динамического взаимодействия и параллельного развития общества по осям "права человека" и "человеческое развитие" [ibid.: 26].

Аналитическое допущение автора состоит в том, что любая полития, а не только "истинно демократические" общества, может рассматриваться и анализироваться через пять основных сфер: свободу, равенство, контроль (управление), устойчивость и самоорганизацию [ibid.: 14]. Эти параметры, взятые вместе, составляют *пятимерную* матрицу *(quintuple matrix)* для эмпирических измерений социального организма любой отдельно взятой страны, равно как и групп стран; матрица также дает возможность проводить межстрановые и кросс-региональные сопоставления.

Предложенная модель включает в себя пять ключевых компонентов всякого социально-политического режима, которые могут быть измерены эмпирическими методами. Эти компоненты таковы: (1) степени *социальной свободы*, измеряемые отдельно для экономических и политических свобод; (2) *социальное равенство*, исследуемое на примерах экономического (доходы) и гендерного равенства; (3) параметры *контроля*, а именно степень *правительственного контроля*, а также контроля *над* правительством; (4) *устойчивость развития*, фиксируемая через модифицированный индекс человеческого развития *(redesigned HDI)*, коэффициент неравенства *(Gini index)*, уровень эмиссии углекислого газа *(CO_2)*, а также ВВП на душу населения; (5) *политическая самоорганизация* общества, интерпретируемая как периодическая смена правящих и оппозиционных сил (индивидуальных деятелей и политических партий) [ibid.: 40-41].

Первые три компонента представляют собой существенно необходимые и непосредственные черты демократического способа правления ("минималистская модель"), а два последующих параметра определяют расширенные *контекстуальные* черты ("максималистская модель") анализируемых социетальных режимов [ibid.: 24-25]. К последней группе могут быть добавлены параметры социальной экологии [ibid.: 28], что, впрочем, на данный момент остается за пределами разработанной матрицы.

О качестве демократии

Дэвид Кэмпбелл рассматривает демократию как динамичную социетальную субстанцию, которая имеет много измерений и может эволюционировать в отдельных странах в разных направлениях в соответствии с "позитивными" или "негативными" сценариями [ibid.: 17]. И раз уж задается ось улучшения-ухудшения, то следует определить также и принципиальное направление развития, равно как и маркировать стадии такой исторической эволюции. Согласно предложенной концептуальной схеме, композитными маркерами на эволюционной шкале могут быть, к примеру, следующие идеал-типические метки: (недемократический режим) => электоральная демократия (базовая модель демократии) => либеральная демократия (как в странах ОЭСР) => (либеральная?) демократия более высокого качества [ibid.: 10-11, 19].

Можно усомниться, будет ли всякое общество последовательно проходить все эти стадии, поскольку вполне возможны исторические "откаты" и "прыжки" политических режимов в отдельных странах. Тем не менее предложенные маркеры должны срабатывать как эмпирические метки присутствия или отсутствия специфических качественных признаков рассматриваемых политических режимов; гипотетическая (идеал-типическая) отметка "демократия более высокого качества" принимается за некоторый всемирный макроисторический тренд. Автор подчеркивает, что "всякая эмпирически наблюдаемая демократия с неизбежностью будет подвергаться вызовам со стороны более продвинутых концепций или теорий демократии. Так что мы всегда будем замечать определенное напряжение между реально наблюдаемым состоянием демократии и тем, чем демократия могла бы или должна была бы быть" [ibid.: 11].

Кэмпбелл пишет: "Вводя в рамки нашего анализа концепцию теоретического качества демократии, мы подчеркиваем, что это делается для того, чтобы получить инструмент для фиксации различных уровней развития этих самых качеств, равно как и идеально-демократических стадий развития анализируемых обществ. Понятие 'качество демократии' должно добавить точности и оптической резко-

сти нашим эмпирическим и теоретическим рассуждениям о демократии; этот концепт помогает отчетливо проявить различия между отдельными демократиями. С помощью этого инструмента исследователь может выяснить, действительно ли общество (общества) прогрессирует (прогрессируют), и если да, то можно ли эмпирически продемонстрировать такой прогресс" [ibid.: 17]. Следовательно, используя предложенный инструмент качественной интерпретации количественных признаков демократии, всякое общество (полития) может быть размещено в соответствующей индивидуальной "ячейке" развития в заданном континууме всех политий. Этот континуум будет иметь несколько измерений (осей), где каждая ось размечена как стандартизованная и нормализованная шкала.

Когнитивная сила предложенной Кэмпбеллом *пятимерной матрицы* состоит в том, что она позволяет осуществить эмпирические измерения всякого общества и всякого политического режима, а не только "истинно демократических" политий. По крайней мере, автор данной рецензии не усматривает никаких методологических ограничений кэмпбелловской матрицы для сравнительного международного анализа; единственным ограничителем нам представляется наличие, доступность и надежность соответствующих первичных эмпирических данных.

Что такое "демократия знаний" и почему демократия способствует инновациям?

"Демократия знаний" – это концептуальная метафора, предложенная Дэвидом Кэмпбеллом и его соавтором Элиасом Дж. Караяннисом в 2012 г. [Carayannis, Campbell 2012]. Метафора заключается в предположении, что существует *коэволюция*, или, по крайней мере, *параллельное развитие* таких общественных характеристик, как присущий развитым демократиям *политический плюрализм* и *гетерогенность знаний и инноваций*, характерных для передовых экономик [ibid.: 19, 55]. В рассматриваемой монографии Кэмпбелл утверждает, что качество демократии может быть ассоциировано с демократией знаний. Автор указывает на важность знаний и инноваций для определения качества демократии, равно как и устойчивости развития самого демократического режима, общества в целом и экономической сферы в частности. Согласно автору, "можно ожидать, что демократии качественно более высокого уровня будут также в большей степени являться демократиями знаний. Утверждая, что демократия способствует инновациям, мы подразумеваем следующее: (1) политический плюрализм, присущий демократии, благоприятствует разнообразию знаний и инноваций, что является необходимым условием всякого развития, особенно экономического развития и экономического роста; (2) наиболее развитые экономики основаны на знаниях и инновациях, и именно поэтому они требуют также и политической демократии; (3) логическая связь между демократией и развитием инноваций присуща также и 'возникающим' и 'развивающимся' экономикам, но эта связь не всегда оказывается реализованной на практике" [Campbell 2019: 35].

ИЗМЕРЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Зачем нужно измерять демократию и почему это следует делать в глобальном масштабе?

Почему возникает необходимость в разработке исчерпывающей измерительной матрицы, позволяющей систематически и стандартизированным

образом квантифицировать качественные параметры демократии во всех странах мира? Этот вопрос включает два подвопроса. Первый касается потребности в количественном измерении всякой политии, а второй требует обоснования именно глобального подхода к такому измерению.

Ответ на первый подвопрос находится, пожалуй, в рамках функционалистского дискурса и заключается в базовом допущении автора, что демократия способствует инновациям [ibid.: 2]. Следовательно, общества, наиболее продвинутые в различных аспектах демократичности, будут также демонстрировать и более высокие степени технологической инновационности, равно как и другие черты передового социетального устройства. Отсюда возникает естественная исследовательская потребность в объективном сопоставлении различных стран с целью верификации данной гипотезы через сравнение отдельных социетальных компонентов и характеристик соответствующих сообществ (или, используя концептуальную терминологию автора, сопоставление *входящих, проводящих* и *выходных* параметров[2]) [ibid.: 36]. Таким образом, исследователь пытается определить наличие или отсутствие демократических элементов внутри исследуемой политии, для того чтобы сделать выводы относительно степени ее инновационности (инновационного потенциала) относительно других сообществ.

Ответ на второй подвопрос (о глобальном модусе измерения) также основан на научном прагматизме. Автор обосновывает максимально широкий охват объектов исследования тем, что есть необходимость критически осмыслить и эмпирически протестировать принятые в рамках евро-американского дискурса концепции и теории демократии, которые должны быть практически перепроверены и верифицированы на выборке заведомо большей, чем ограниченное число участников относительно "закрытого клуба" 35 стран ОЭСР. Кэмпбелл пишет, что решение о глобальном масштабе предпринятого эмпирического анализа продиктовано соображениями научной аккуратности и репрезентативности, "поскольку демократические тренды и индивидуальные качества демократии могут проявляться по-разному и следовать различным правилам и моделям в возникающих и развивающихся экономиках, если последние сравнивать с передовыми экономиками" [ibid.: 46].

Выборка исследования составляет 160 стран мира, т.е. все страны мира, население которых превышает 1 миллион человек; построенная модель репрезентативна для 99% населения планеты. Временной ряд покрывает период с 2002 по 2016 гг.; стартовый год определяется доступностью критически важных для исследования систематических данных организации *Freedom House* относительно политических свобод в странах мира.

Как можно измерить демократию?

Эмпирико-аналитическая матрица Кэмпбелла организована как пятимерное пространство, где каждое измерение (категория) может иметь до двух субкатегорий, а каждая категория или субкатегория задается одним или несколькими индивидуальным индикатором или комбинацией индикаторов. Автор использует в своем исследовании шесть главных источников данных, из которых извлечены в общей сложности 13 индивидуальных индикаторов [ibid.: 40]. Это *Freedom House* (политические права, гражданские свободы, свобода прессы), *Heritage Foundation* (индекс экономической свободы), *Fraser*

[2] *Inputs, throughputs and outputs.*

Institute (экономическая свобода в мире), *World Economic Forum* (глобальный индекс гендерного неравенства), *World Bank*, *World Development Indicators* (коэффициент Джини, ожидаемая продолжительность жизни при рождении, участие в третичном образовании, ВВП на душу населения, эмиссия углекислого газа), а также собственные расчеты автора (политический переход власти: смена правящих партий и глав правительств).

Доступные для анализа эмпирические (цифровые) данные для индивидуальных стран по каждому индикатору нормализованы по шкале от 0 до 100, где "0" присваивается теоретически возможному минимальному значению индикатора, а предельный маркер "100" устанавливается как наивысшее значение данного параметра из всех наблюдаемых значений по выборке для данного года [ibid.: 42-43]. В тех случаях, когда полученные данные по странам агрегируются в группы (кластеры) стран, применяется процедура взвешивания, отражающая размер населения стран, входящих в анализируемую группу [ibid.: 48-49].

Методологические риски и их хеджирование

Сам автор справедливо отмечает определенные методологические ограничения, накладываемые выбором относительно узкого круга "централизованных" источников эмпирических данных; это те данные, которые находятся в свободном интернет-доступе. Кэмпбелл указывает, что эти данные могут быть не самыми точными и, кроме того, в известной степени предопределенными в силу методологической или идеологической ангажированности поставщиков этих данных. В качестве примера можно привести индексы и рейтинги, публикуемые *Freedom House, Heritage Foundation* и *Fraser Institute*, поскольку эти организации работают не с первичными статистическими данными, но опираются на мнения экспертных групп. При этом, отмечает Кэмпбелл, указанные данные "представляют собой нечто, что можно назвать *официальной мировой точкой зрения*, но не в смысле того, что эти индикаторы являются непротиворечивыми и заслуживающими абсолютного доверия, а в силу того, что представленные этими агентствами рейтинги и их отдельные параметры оказываются наиболее часто цитируемыми" [ibid.: 313].

Для того чтобы хотя бы частично хеджировать методологические и содержательные риски, связанные с использованием в работе данных относительно социальных и политических свобод, автор предпринял весьма примечательный методологический маневр. Так, рейтинги социальных свобод были верифицированы путем сопоставления со специально рассчитанной статистикой сменяемости персональной и партийной власти во всех анализируемых странах. Результат такой верификации оказался в целом положительным – было доказано, что чем выше у страны рейтинг свободы (согласно данным *Freedom House*), тем выше вероятность того, что более высокой будет также и частота мирной смены глав правительств и правящих партий [ibid.: 314].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗМЕРЕНИЙ: ЭМПИРИКА ДЕМОКРАТИИ

Региональное агрегирование

Для осуществления сравнительного анализа по странам и регионам автор конструирует несколько частично пересекающихся референтных групп, как, например, кластер северных европейских стран (Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция), США, "старый" Евросоюз (15 стран-членов) и "расширенный"

Евросоюз (28 членов), 35 стран – членов ОЭСР, 17 латиноамериканских стран, 15 крупнейших азиатских стран (не входящих ОЭСР), все страны – члены БРИКС и другие страны мира, лидирующие по численности населения (Индонезия, Нигерия, Япония). Еще одна группа аналитических кластеров репрезентирует типы социально-политических режимов современных демократий, такие как социальные демократии, либеральные или консервативные режимы. В итоговой рабочей выборке оказались 122 страны, для которых удалось собрать полные коллекции эмпирических данных [ibid.: 93-94].

Результаты анализа приведены в четырех главах книги (с третей по шестую). Ниже мы реферативно воспроизведем некоторые из представленных автором результатов, чтобы потенциальный читатель мог составить представление о характере и типологии изложенного в книге информационного и аналитического материала.

Сравнительный анализ стран ОЭСР

Автор приходит к выводу, что среди 35 стран – членов ОЭСР наиболее политически свободны северные европейские страны (для этого субрегиона значения итогового индекса политических свобод близки к 100 пунктам). Общий тренд для всего кластера ОЭСР за период 2002-2016 гг. понижающий (с 87 до 83 пунктов), за исключением северного кластера, где тренд стабилен.

По показателю экономической свободы лидируют США (динамика за период наблюдения с 88 до 85 пунктов), в то время как северный кластер демонстрируют более низкие показатели (с 82 до 83 пунктов). Итоговый индекс экономической свободы "большого" Евросоюза (с 73 до 79 пунктов) уступает совокупному рейтингу ОЭСР. Общий тренд показателя по ОЭСР достаточно стабилен, за исключением статистически значимого снижения в США.

Равенство доходов населения среди стран – членов ОЭСР наивысшее в северном европейском регионе при относительно большем неравенстве в США, но общий тренд в целом стабилен в данном кластере. Северный регион Европы лидирует также по гендерному равенству, аутсайдером оказалась Япония. Общий тренд возрастающий, за исключением США.

Человеческое развитие: по этому показателю лидируют США и северный европейский регион, но все страны ОЭСР весьма близки друг к другу; общий тренд – повышающийся.

Устойчивое развитие (неполитические индикаторы): европейский Север лидирует, за ним следуют США: общий тренд за 15 лет – небольшое повышение.

Сравнительный анализ отдельных стран, не входящих в ОЭСР

Политические свободы: в небольшой целевой выборке крупнейших стран, не являющихся членами ОЭСР, чемпионами по политическим свободам стали Индия и Бразилия (примерно по 66 пунктов), аутсайдер – Китай (меньше 20 пунктов). В то время как для всего данного условного кластера общий тренд в целом стабилен за последние 15 лет, Россия оказалась единственной страной, где значение данного индикатора снизилось вдвое (с 40 до 21 пункта).

Показатели экономической свободы в данной группе флуктуируют вокруг значений 60-65 пунктов.

Равенство доходов: Индия и Китай – лидеры, а Бразилия и вся Латинская Америка демонстрируют самые высокие показатели экономического неравенства; впрочем, общий тренд показывает значительное улучшение ситуации.

Гендерное неравенство также постепенно снижается повсюду в этой подгруппе при лидирующем положении России, а Индия и Нигерия расположены в нижних строках рейтинга.

Человеческое развитие, равно как и показатель общей устойчивости развития (неполитические индикаторы): Россия лидирует, Нигерия замыкает рейтинг.

Сравнительный анализ глобальных трендов в ОЭСР и других странах

При сопоставлении показателей, зафиксированных для 35 стран ОЭСР, с показателями 122 стран мира (для которых собраны полные коллекции эмпирических данных) выясняется, что ОЭСР занимает лидирующие позиции по всем параметрам, за исключением эмиссии углекислого газа. Разрыв значений индикаторов оказывается наименьшим по показателям ожидаемой продолжительности жизни и социальному неравенству (менее 10 пунктов) и наибольшим (более 15 пунктов) по ВВП на душу населения, вовлеченности в третичное образование, политическим свободам, человеческому развитию и общей устойчивости развития.

Политическая самоорганизация (мирная смена правительств)

Шестая глава книги представляет собой отдельную и оригинальную штудию автора, проанализировавшего структурную политическую динамику в 151 стране за период с 1990 по 2016 гг. Итоговая таблица [ibid.: 273] показывает наличие строгой прямой связи между выявленными ранее степенями политической свободы в исследуемых странах и частотой смен правящих партий и лиц, занимающих должности премьер-министров в этих странах. Для верхней трети итогового рейтинга стран по показателю политических свобод (конвенционально обозначенных как "демократии" со средним рейтингом политической свободы в 87 пунктов) частота смены лиц на высших государственных позициях (премьер-министр или эквивалент) составила 7,2 раза за период в 28 лет (1990-2017). Этот показатель контрастирует с выявленной частотой политического "свинга" в 2,8 раз для того же самого периода в странах нижней трети рейтинга ("недемократии", среднее значение рейтинга политических свобод – 26 пунктов).

Статистика партийной ротации демонстрирует схожую модальность: 5,0 раз в среднем менялись партии у власти в демократических режимах и 0,8 раз – в недемократических странах.

ВЫВОДЫ ИЗ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА, EX-POST ГИПОТЕЗЫ И ДРУГИЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ МОНОГРАФИИ

Суммируя сравнения

Перефразируя известную сентенцию Льва Толстого о счастливых и несчастливых семьях, можно сказать, что все страны и сообщества разные, однако демократии имеют намного больше сходств между собой, чем с другими политиями.

В заключительной части книги Дэвид Кэмпбелл экспериментирует с различными модальностями сопоставительного анализа демократий, сравнивая, к примеру, полученные эмпирические данные для США, ЕС-15, ЕС-28 и северного европейского региона. Один из выводов автора заключается в том, что среди демократий западного типа США лидируют только по показателю эко-

номической свободы, в то время как страны северного европейского региона держат пальму первенства по общему качеству демократии в общемировом рейтинге [ibid.: 297]. По Кэмпбеллу, "социальное неравенство, в частности, экономическое неравенство, оказывается самой уязвимой точкой американской демократии" [ibidem].

Также автор приходит к выводу, что в тройке Китай – Индия – Россия последняя располагается по большинству анализируемых комплексных параметров между демократической Индией и недемократическим Китаем. При этом по показателю экономической свободы все три страны весьма близки друг к другу (64-65 пунктов) [ibid.: 309-311].

Ex-post гипотезы, определяющие направления последующих исследований

Кэмпбелл использует неконвенциональный и парадоксальный прием представления итогов своего исследования. Прием заключается в том, что исследовательские гипотезы формулируются автором *после* того, как выполнена вся основная работа по сбору, анализу и предварительной интерпретации эмпирических данных. По мнению рецензента, этот методологический и эпистемологический трюк вполне оправдан, если учесть фактическую приверженность исследователя классическому позитивистскому подходу в духе Огюста Конта. Впрочем, следует отметить, что Кэмпбелл ни разу не упоминает метод позитивизма в своей работе, так что данная характеристика остается полностью на совести рецензента.

"Гипотетическая" глава 7.2 является частью общего заключения книги и оказывается одним из самых интригующих фрагментов монографии. Эти 20 ex-post гипотез представляют собой отличное краткое резюме выводов монографии, своего рода *Executive Summary*.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОПРОСЫ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ

О терминах "демократия" и "полития"

Автор систематически описывает идеальный тип устойчивого и процветающего общества как "демократию высокого качества". Такое определение обосновывается отсылкой к "обществу, основанному на знаниях", наилучшие условия для которого обеспечиваются наиболее продвинутой формой демократического правления. По мнению рецензента, автор в данном случае пытается универсализировать нотацию демократии, представляя последнюю как всеобщую и желательную "конечную станцию" социетального развития. При этом Д. Кэмпбелл всего лишь следует в основном потоке *(mainstream)* стандартного либерального дискурса, согласно которому демократия воспринимается как универсальная ценность. Автор, безусловно, прав, добавляя неполитические измерения к своему аналитическому аппарату, как, например, устойчивость развития, благосостояние населения и вопросы социальной экологии. Но дело в том, что благосостояние, а также экономическая и экологическая устойчивость не всегда и не обязательно достигаются посредством демократических режимов. Это один из выводов, который можно сделать из приведенного самим Кэмпбеллом анализа, и автор в принципе не возражает против такого умозаключения. Следовательно, с точки зрения рецензента, весь вопрос заключается в аккуратности применения терминологии. Во многих

случаях в тексте книги политически и культурно "нагруженный" концепт "демократия" вполне мог бы быть заменен более нейтральными терминами "общество" или "полития" без всякого ущерба для смысла. Именно так поступил рецензент в данном обзоре.

Инновации в недемократических обществах

При всей общей поддержке рассуждений автора о том, что хорошо функционирующая демократия действительно способствует инновациям (по крайней мере, в условиях экономики, основанной на знаниях), и что более высокое качество демократии способствует технологическим и социетальным инновациям в еще большей степени, можно подвергнуть сомнению категоричность утверждения, что механизм инновационности не может успешно функционировать в недемократических обществах. Достаточно привести два исторических контрпримера: впечатляющие технологические и культурные достижения средневекового арабского мира или же древнего Китая. В обоих случаях явный инновационный прогресс был достигнут в абсолютно недемократических условиях, если иметь в виду пуристское определение демократии.

Заключение

Резюмируя, рецензент берет на себя смелость порекомендовать эту монографию для внимательного прочтения политологам и социологам, изучающим темы, связанные с эмпирическим анализом феноменологии политического и инновационного развития современных обществ (как вполне демократических, так недемократических). Книга предлагает исследователям мощный аналитический инструмент в виде многоуровневой и многовекторной модели социальной динамики различных стран и политических режимов эпохи глобализации и информационно-знаниевой экономики. На мой взгляд, эта концептуальная монография Дэвида Кэмпбелла занимает достойное место в ряду других современных работ, посвященных эмпирическим (и, следовательно, верифицируемым) измерениям современных политий.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.12

WHAT IS DEMOCRACY AND HOW IT CAN BE MEASURED?

A.V. Chvorostov[1]

[1]*Center for Comparative Eurasia Studies and Surveys. Vienna, Austria*

CHVOROSTOV, Alexander Vladimirovich, Cand. Sci. (Soc.), Head, Center for Comparative Eurasia Studies and Surveys (CEASS-Center), Vienna, Austria, email: chvorostov@gmail.com

Chvorostov A.V. What is Democracy and How It Can Be Measured? – Polis. Political Studies. 2020. No. 3. P. 169-180. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.12

Received: 25.07.2019. Accepted: 04.09.2019

Abstract. This review is dedicated to an analysis of the contemporary political science literature that combines theoretical conceptualizing and an empirical approach to the analysis of modern societies. The focus of its attention is the review of the book "Global Quality of Democracy as Innovation Enabler: Measuring Democracy for Success" by David Campbell, published in 2019 by Palgrave Macmillan. The author summarizes Campbell's general conceptual approach to understanding democracy as a consistently self-organizing and multi-level system, and gives his interpretation of the qualitative levels of democracy. Main attention is paid to consideration of the model of empirical analysis developed by the author of the key parameters of the development and functioning of modern societies in the framework

of the global comparative analysis of 160 countries. Some analysis results are also presented in relation to certain regions and countries of the world (OECD, EU, BRIC, etc.). The article ends with a section containing some criticisms and comments by the reviewer regarding the terminology used and the degree of validity of the proposed method in historical perspective.

Keywords: democracy and democratization, measuring the qualities of democracy, comparative cross-country and regional analysis, innovations, social progress.

References

Carayannis E.G., Campbell D.F.J. 2012. *Mode 3 Knowledge Production in Quadruple Helix Innovation Systems: 21st-Century Democracy, Innovation, and Entrepreneurship for Development.* New York, NY: Springer New York. https://www.doi.org/10.1007/978-1-4614-2062-0

Campbell D.F.J. 2019. Global Quality of Democracy as Innovation Enabler: Measuring Democracy for Success. Cham: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-3-319-72529-1

Geissel B., Kneuer M., Lauth H.-J. 2016. Measuring the Quality of Democracy: Introduction. – *International Political Science Review.* Vol. 37. No. 5. P. 571-579. https://doi.org/10.1177/0192512116669141

Inglehart R., Welzel C. 2005. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: the Human Development Sequence*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press.

Knowledge Democracy: Consequences for Science, Politics, and Media. 2010. Ed. by Roel In 't Veld. New York: Springer.

Lauth H.-J. 2016. The Internal Relationships of the Dimensions of Democracy: The Relevance of Trade-Offs for Measuring the Quality of Democracy. – *International Political Science Review.* Vol. 37. No. 5. P. 606-617. https://doi.org/10.1177/0192512116667630

Melville A., Ilyin M., Meleshkina E., Mironyuk M., Polunin Y., Timofeev I., Vaslavskiy Y. 2010. *Political Atlas of the Modern World: an Experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States.* Chichester, Wiley-Blackwell.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.13

ИНСТИТУТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА И БУДУЩЕЕ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Е.В. Хахалкина

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна, доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, email: ekhakhalkina@mail.ru

Хахалкина Е.В. Институт премьер-министра и будущее партийно-политической системы Великобритании. – Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 181-191. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.13

Исследование выполнено по гранту фонда Д.И. Менделеева при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ на 2019 год.

Статья поступила в редакцию: 19.02.2019. Принята к публикации: 10.06.2019

Аннотация. В статье приводятся размышления по ряду важнейших политических вопросов, поднятых в книге признанного отечественного специалиста в области англоведения Н.К. Капитоновой "Британские премьер-министры. Политические портреты". В центре данной работы – фигуры семи глав правительств, начиная с Э. Хита, при непосредственном содействии которого страна с третьей попытки стала членом Европейских сообществ, и заканчивая Т. Мэй, которая безуспешно пыталась добиться одобрения согласованного с Брюсселем соглашения о выходе из Евросоюза. Автор статьи акцентирует внимание на отдельных проблемах, вышедших на повестку дня политической и международной жизни Великобритании на фоне длительных согласований по Брекзиту как с Евросоюзом, так и внутри страны. Среди данных проблем – стремительная трансформация в партийно-политической системе Соединенного Королевства, предпочтениях электората, изменение роли парламента в отношениях с премьер-министром и возрастание значимости самой фигуры главы правительства. К этому следует добавить проблему отрыва элит от рядовых жителей, которая проявилась в неспособности политического истэблишмента Великобритании оценить реальные шансы на победу сторонников Брекзита при голосовании 23 июня 2016 г., так и услышать запросы общества на изменения в политическом курсе. Последовавшие вслед за референдумом события, связанные с длительным и болезненным периодом переговоров о "бракоразводной сделке", противостоянием кабинета и Палаты общин (конфликт, слабо вероятный в теории, но развернувшийся на практике), конфронтацией внутри кабинета, обострением раскола внутри партий и в обществе, до сих не осмыслены в должной мере ни политическим, ни экспертным сообществом как в Великобритании, так и за ее пределами. Представляется, что глубже понять и оценить указанные сюжеты во всем их многообразии и сложности возможно именно через анализ функционала должности премьер-министра в длительной исторической динамике на примере решения наиболее острых для Великобритании внутри- и внешнеполитических вопросов.

Ключевые слова: Великобритания, премьер-министр, парламент, партийно-политическая система, Брекзит.

События в современной Великобритании уже несколько лет привлекают повышенное внимание мировой общественности. Референдум 23 июня 2016 г. повлек за собой глубокие сдвиги в партийно-политической системе и обще-

ственной жизни Великобритании, вызвав раскол в рядах не только правящей Консервативной партии, но и в других партиях, и во всем обществе. Вокруг "европейского вопроса", который долгое время воспринимался как периферийный, уже несколько лет выстраивается вся внутри- и внешнеполитическая жизнь страны.

Явление Брекзита, которое высветило наиболее проблемные и слабые места в функционировании политических институтов страны, сложно назвать "случайным". "Мина замедленного действия" была заложена под фундамент британской партийно-политической системы еще в конце 1990-х годов силами Лейбористской партии, осуществившей масштабные реформы деволюции. Возникшие центры силы в регионах – Северной Ирландии, Уэльсе и Шотландии – получили новые рычаги влияния на Вестминстер. По итогам референдума о Брекзите стало ясно, что североирландское и шотландское население преимущественно выступает за дальнейшее членство Соединенного Королевства в Европейском союзе, что создает потенциальную опасность фрагментации страны.

К другим факторам "долгоиграющего" свойства относятся десятилетиями постулируемые на уровне отдельных политиков и партий (речь не только о Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК), но также о традиционных системных партиях) и СМИ мифы о слишком "дорогом" членстве в Евросоюзе, о "нашествии" мигрантов из стран ЕС и пр. Эти опасения раскололи общество и внесли разлад в партии. "Заигрывание" Консервативной партии с "европейским вопросом" в его миграционном преломлении и обещание провести референдум после прихода к власти накануне парламентских выборов 2015 г. дорого обошлись тори, вынудив премьер-министра Д. Кэмерона покинуть свой пост после оглашения результатов голосования. На итогах референдума, во многом имевшего "протестный" характер, сказались также последствия мирового финансового кризиса, рост социального неравенства, увеличивающийся отрыв от рядового избирателя двух ведущих партий на фоне их уверенного движения в сторону социальной либерализации (именно тори приняли закон, разрешающий однополые браки)[1] [Menon 2018].

Эксперты называют еще один фактор, подрывающий стабильность партийно-политической системы страны. Этот трудноизмеримый и небесспорный фактор связан с положением Лондона как финансовой столицы мира: "успех Лондонского Сити принес миллиарды фунтов налогов Казначейству. Но этот же успех привлек иммигрантов, от очень богатых (появление которых подняло цены на недвижимость...) до рабочих, в основном в сферу услуг, со всего мира. ...На политическую систему уже заметно влияют иностранные и офшорные средства, которые сейчас проходят через Лондон, и в такие группы давления, как "Консервативные друзья России" или "Консервативные друзья Китая", входят многие видные парламентарии, открыто лоббирующие свои интересы от имени этих стран" [Applebaum 2017: 55-57].

В сложившейся ситуации особую роль играет фигура премьер-министра. Именно от его способности сохранять хладнокровие и умение слушать и слышать разные точки зрения, балансировать между кабинетом и парламен-

[1] Menon A. Tectonic Shifts in British Politics, explained. – *The Washington Post*. 09.08.2018. URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/08/09/the-brexit-vote-is-transforming-british-party-politics-heres-how/?noredirect=on&utm_term=.2b73b46da85a (accessed 26.03.2020).

том, гибко и своевременно отвечать на запросы общества, зависит будущее всей страны.

Сам институт премьер-министра возник в Англии в XVII в., и изначально не подразумевал официальной должности, а скорее обозначал факт злоупотребления своими полномочиями со стороны высшей аристократии, ставившей себя наравне с монархом. С начала XVIII в. термин приобретает свое нынешнее значение, хотя официальная должность закрепилась на практике только в конце этого века. Первое законодательное упоминание премьер-министра появилось в Законе об имуществе Чекерс 1917 г., в котором загородное поместье Чекерс в Букингемшире было определено как место жительства премьер-министра. Общественное признание существования "канцелярии премьер-министра" в Ежегоднике государственной службы появилось в 1977 г. И все же до сих пор институт британского премьерства остается в значительной степени неформальным по своему характеру, причем многие полномочия главы кабинета – скорее практического, чем юридически закрепленного характера [Blick, Jones 2012; History of Government... 2012].

В рецензируемой монографии обстоятельно представлены биографии семи премьер-министров. Во введении автор – признанный в России и за рубежом специалист в области британской истории, профессор МГИМО Н.К. Капитонова, – оговаривает, что каждый из рассматриваемых лидеров партии и кабинетов внес свою лепту в современный облик Великобритании. Поэтому представленную монографию не следует воспринимать только как серию биографических эссе. Фигура премьер-министра имеет в Великобритании особое значение. Страна по форме государственного устройства является конституционной монархией, в которой "монарх царствует, но не правит". Основные функции государственного управления сосредоточены именно в руках главы кабинета. Портрет каждого премьер-министра в представленной книге – это также отображение эпохи, выявление ее особенностей, понимание национального характера, силы внешнеполитических традиций и природы личных амбиций руководителей кабинета, каждый из которых равнялся на наиболее выдающихся предшественников.

Автор настолько виртуозно владеет деталями жизненного и политического пути каждого героя, что создается "эффект присутствия" – каждый персонаж оживает, его образ становится динамичным, ему начинаешь сопереживать, восхищаться и прощать за свойственные любому человеку слабости. В немалой степени этому "эффекту", вероятно, способствует то, что автор сама наблюдала некоторых из описываемых ею героев на конференциях и других официальных мероприятиях. И свои, личные, наблюдения оказались как нельзя кстати, позволив автору создать яркие, насыщенные и динамичные образы.

Символично в свете происходящих событий выглядит структура книги – начинается с биографии Эдварда Хита, который привел Великобританию в Европейские сообщества, и заканчивается фигурой Терезы Мэй, которая так и не смогла вывести страну из Европейского союза.

Следует заметить, что символизм монографии не только в таком закольцовывании основного "сюжета" вокруг "европейского вопроса". Дело в том, что Великобритания после Второй мировой войны, на фоне снижения финансовых возможностей и начавшегося распада Британской империи оказалась в ситуации, когда осуществлять глобальную политику в прежних масштабах

было уже не по силам, а переходить на региональные позиции население и политический истэблишмент были не готовы. В этих условиях сам ход исторического развития требовал достойно балансировать между глобальным и региональным курсом таким образом, чтобы не потерять "лицо" и сохранить свое место одного из ведущих мировых игроков. Для этого Великобритания следовала и продолжает следовать концепции "трех магических кругов", сформулированной У. Черчиллем в 1948 г. и ориентирующей Великобританию на три магистральных направления: поддержание тесных англо-американских связей (со времен Второй мировой войны с периодическими всплесками, характеризуемыми британской стороной как "особые"), укрепление отношений со странами Британского Содружества и развитие связей с европейскими странами.

Степень приоритетности каждого из этих направлений вплоть до настоящего времени задает действующий премьер-министр при опоре на свою команду. Если судить по рецензируемой работе, то институт главы кабинета функционирует по принципу политических "качелей" – на смену сильной фигуре приходит заметно более слабая, умеренная фигура – и эта сменяемость придает сложившейся партийно-политической системе Великобритании определенный баланс.

Если говорить об Э. Хите, то, безусловно, к его главным заслугам относится то, что ему удалось привести страну в Европейские сообщества. Великобритания долго и тяжело вступала в наднациональные структуры – первая заявка была подана в 1961 г., но ее дважды отклонял президент Франции Ш. де Голль – в 1963 и 1967 гг. Именно Э. Хит – "европеист до неприличия" [Капитонова 2017: 27] – возглавлял делегацию Великобритании на первых переговорах по условиям членства в Общем рынке. Хотя с высоты сегодняшнего дня долгожданное присоединение к наднациональным структурам выглядит запоздалым, если не сказать роковым решением, – первое расширение Европейских сообществ совпало с мировым энергетическим кризисом, вызванным очередной арабо-израильской войной 1973 г.

Эти события, похоронившие надежды на скорое "выздоровление" Великобритании, за которой в 1950-1960-е годы закрепилось обидное прозвище "больной человек Европы" из-за низких темпов экономического роста и сопутствующих проблем, не поколебали "европейскости" Хита. Более того, этот премьер-министр вошел в историю как один из немногих британских лидеров, кто не только осмелился нарушить тесные англо-американские отношения, но и свести их "особый" характер до уровня "естественных" [там же: 36]. Так, например, Великобритания не дала США согласие "использовать британские базы на Кипре в качестве перевалочного пункта для поставок вооружений Израилю в ходе Октябрьской войны 1973 г. на Ближнем Востоке" [там же: 36-37]. Такой курс свидетельствовал о том, что Э. Хит уверенно вел Великобританию именно по европейскому пути в ущерб англо-американским связям.

Э. Хит являлся весьма примечательной фигурой и с точки зрения начала размывания "кастового" характера британской политической элиты: он "стал ...первым в истории лидером партии тори не аристократом, а представителем среднего класса, избранным по демократической процедуре" [там же: 14], а также был и остается единственным премьером-музыкантом.

Последовательность, принципиальность и порядочность были наиболее важными качествами Хита как премьер-министра, на фоне которых ему явно недоставало решительности (на грани со здоровым авантюризмом), необходимой для отражения атак внутри партии и оппозиции, и харизмы для ведения партии и народа за собой. "Отрыв" от своих же соратников-заднескамеечников на определенном этапе дорого стоил Хиту: он, "...ссылаясь на большую занятость, игнорировал настоятельные советы регулярно, как это делал на его месте Черчилль, посещать курительную комнату, где можно было пообщаться с рядовыми парламентариями. Расцененное как проявление высокомерия с его стороны, это стало важным аргументом против Хита в 1975 г., когда его свергла Маргарет Тэтчер" [там же: 34]. Годом ранее, в феврале 1974 г. Э. Хит проиграл парламентские выборы лейбористам во главе с Г. Вильсоном.

В 1979 г. на политический небосклон взошла новая звезда от партии тори – Маргарет Тэтчер. Новый премьер не скрывала, что является сторонницей максимально тесных, со времен У. Черчилля и Г. Макмиллана, отношений с США, считая их основой британской внешней политики и инструментов укрепления роли самой Великобритании в мире. Что же касается европейских дел, то подход М. Тэтчер к участию страны в Европейских сообществах можно назвать прагматичным – она поддерживала только те инициативы, которые считала полностью соответствующими национальным интересам страны. Она настояла на снижении ежегодного взноса Великобритании в бюджет ЕЭС (достаточно вспомнить ставшую афоризмом фразу, произнесенную в 1984 г. на саммите в Фонтебло, "*I want my money back*" – "Я хочу свои деньги обратно"), не приняла участия в подписании Шенгенской конвенции и других заметных инициативах ЕС. Также М. Тэтчер "вела постоянную борьбу за сокращение расходов в ЕС, реформу 'чудовищно расточительной' европейской сельскохозяйственной политики" [там же: 128].

В то же время М. Тэтчер подписала Единый европейский акт в 1985 г., посчитав его соответствующим экономическим интересам страны, хотя позже баронесса заявляла, что не особенно вникала тогда в детали этого документа. К чести М. Тэтчер надо сказать, что, при известной категоричности суждений и действий, она никогда не ставила вопрос ребром и не выступала с идеей повторного референдума о членстве в ЕЭС. Ей удавалось балансировать, иногда на грани, но не переступая опасную черту и сохраняя за Великобританией одно из ведущих мест в объединении. Великобритания при М. Тэчтер стала служить уравновешивающей франко-западногерманский тандем силой, придающей устойчивость системе.

Тэтчер как премьер-министр (первая в британской истории женщина на этом посту) вела за собой, формируя свою команду не на принципах консенсуса, а на принципах лояльности, не скрывая авторитарных устремлений и беспощадно избавляясь от тех, кому она не доверяла или кто высказывал своей презрение к ней. Например, негодование и насмешки в адрес нового премьера выражали интеллектуалы и представители аристократии. Как известно, Великобритания является ярким примером классового общества, причем деление на классы мало соотносится со структурой общества, скорее речь идет, по словам известного британского антрополога К. Фокс, о "сложной совокупности едва уловимых признаков: как вы организуете свой быт, как обустроен ваш дом, какая в нем мебель; марка автомобиля, на котором вы

ездите...; что, где, когда и каким образом и с кем вы едите и пьете; какие слова вы употребляете и как их произносите; ... какие дежурные фразы используете, чтобы завязать знакомство или разговор" [Фокс 2014: 25].

Политик не забыла пренебрежительного отношения к себе со стороны представителей "голубых кровей" еще во времена учебы в Оксфорде и, возглавив кабинет, "последовательно и безжалостно избавлялась от аристократов в своем правительстве" [Капитонова 2017: 63]. При этом сама Тэтчер сознательно "работала" на образ человека из "среднего класса": делала покупки в магазине для средних слоев *Marks and Spencer*, старалась сама делать домашнюю работу; когда умер ее шофер, она не отправила на похороны своего представителя, а пошла сама на церемонию прощания [там же: 75, 77].

Феномен М. Тэтчер, как представляется, состоял в том, что она, нарушая сложившиеся правила и нормы, чувствовала грань, за которой ждал провал, обладала превосходным политическим чутьем и умела идти ва-банк, осознавая весь риск и будучи готова нести полную ответственность за ситуацию. "В противовес традициям британской дипломатии – действовать неторопливо, 'не раскачивая лодку', решать вопросы путем поиска компромисса – Тэтчер предпочитала идти к цели напролом, не тратя времени на тщательно продуманные фразы и излишние церемонии" [там же: 110]. Именно такая политическая линия, в следовании которой Тэтчер была органична и убедительна, обеспечила победу в Фолклендской войне, а затем на парламентских выборах 1983 г. и 1987 г.

Преемник М. Тэтчер Дж. Мэйджор проигрывал своей предшественнице по ряду позиций; впрочем, на фоне масштаба ее личности и неординарного стиля, у него практически не было шансов конкурировать с прежней главой кабинета. Манера правления нового премьер-министра кардинально отличалась от стиля М. Тэтчер: страна вернулась к кабинетному принятию решений [там же: 171], причем последнее слово часто оставалось за министрами, а не главой кабинета, что у многих вызывало неприятие. Блэр заметил по этому поводу, что Мэйджор "не ведет свою партию, а плетется за ней" [там же: 172].

Как видно, "качели" качнулись в другую сторону, и на смену сильной волевой М. Тэтчер пришел умеренный, выровнивший внутри- и внешнеполитические дела Дж. Мэйджор. Новому премьеру удалось сгладить острые углы, например, отстоять для Великобритании особый статус в ЕС: "В результате неприемлемое для британской стороны слово 'федеративный' было убрано из текста договора, Великобритания не подписала социальную хартию... за британской стороной было также зарезервировано право не участвовать в создании валютно-финансового союза" [там же: 175]. "Серый человек" Дж. Мэйджор выиграл парламентские выборы 1992 г., в общей сложности оставаясь у власти почти семь лет.

Однако на последующих выборах 1997 г. судьба тори в каком-то смысле была предрешена – усталость населения, отсутствие привлекательной обновленной программы и яркого лидера наряду с кризисами прошедших лет привели к победе оппонентов. Лейбористская партия накопила силы, извлекла опыт из ошибок своих предшественников и выставила вперед сильного кандидата, который даже внешне на фоне несколько флегматичного Мэйджора казался этаким британским Джоном Кеннеди – молодым, успешным, энергичным и полным новых идей.

Новый премьер символизировал очередной взлет “качелей” в сторону усиления фигуры премьер-министра, хотя произошло это во многом в силу неопытности, пренебрежения к традициям и тяготения к президентскому стилю управления самого лидера лейбористов. Как следствие, “Блэр и его команда... начали быстро устанавливать свои правила работы, решая вопросы узким кругом, не ставя в известность секретаря кабинета, чтобы избежать утечек... На возражения секретаря кабинета, что до принятия решений вопросы должны быть обсуждены его членами на заседаниях, требующий от своих коллег полной лояльности Блэр отвечал, что в этом нет необходимости – они не будут против (‘Мы их обзвоним’). Поскольку члены кабинета часто заседали и принимали решения не за столом, а на диване... то такой кабинетный стиль назвали ‘диванным’” [там же: 221-222]. Фактически при Блэре был создан полуофициальный “департамент премьер-министра”, но это изменение можно рассматривать как возвращение к договоренностям до середины XIX в., когда у премьеров был свой “департамент” в форме Казначейства [Policy Papers... 2010].

В 2010 г. были опубликованы два доклада – Конституционного комитета Палаты лордов и Института правительства (структуры, ежегодно осуществляющей всестороннее изучение способности правительства эффективно реагировать на вызовы будущего). Центральное место в интерпретациях института премьерства в обоих докладах отводилось идее о том, что “роль премьер-министра изменилась” в сторону ее доминирования. В Докладе Института правительства *“*Уайтхолл и формирование будущего” даже содержался раздел, озаглавленный как “Проблема президентства”, в котором развивалась мысль о том, что должность премьер-министра превращается в должность президента [ibidem].

Такие выводы отражали уже сформировавшиеся реалии. Усиление в сложившейся партийно-политической системе Великобритании фигуры премьер-министра какое-то время уравновешивалось яркими и, как казалось, безусловными достижениями Т. Блэра в политике, причем преимущественно на внешнеполитическом направлении: “Блэр не любил заниматься внутриполитическими вопросами, равно как его не очень волновали вопросы экономики” [Капитонова 2017: 240]. Возможность проявить себя в международной сфере представилась Т. Блэру после серии террористических атак в США 9 сентября 2001 г., которые он воспринял как хороший шанс вывести англо-американские отношения на новый уровень, став посредником между Брюсселем и Вашингтоном. “...Блэр... развил беспрецедентную активность: 54 встречи с зарубежными лидерами в течение двух месяцев... В европейских странах с изумлением и смущением взирали на гиперактивность британского премьера, на то, с каким рвением он выполнял за американцев их работу” [там же: 246].

Укрепление отношений с Вашингтоном, лишь подчеркнувшее роль Великобритании как “младшего партнера” США, впоследствии вышло боком Блэру, которого британцы прозвали “тефлоновый Тони” за то, что к нему, как к тефлону, ничего “не липнет”. Однако на выборах 2005 г. поддержка лейбористов снизилась, и эксперты отнесли это к участию Британии в войне с Ираком. Вторжение в Ирак в 2003 г. в составе коалиции на стороне США с целью свержения режима С. Хусейна без поддержки большинства Совета Безопасности ООН стоило Блэру в дальнейшем карьеры и репутации. За “диванный стиль” работы, полностью разошедшийся с демократическими

нормами, бывшему премьер-министру приходится расплачиваться до сих пор. В 2016 г. был издан готовившийся семь лет Доклад о расследовании действий кабинета министров Великобритании при подготовке вторжения в Ирак, согласно которому правительство под руководством Т. Блэра совершило ошибку, так как исходило из неверных разведданных и оценок[2].

На момент выборов 2005 г. в коалиции остались только две страны – США и Великобритания. Между тем доказательств наличия в Ираке химического оружия так и не было найдено. Сам Блэр признал, что "иракский вопрос" расколол страну[3]. Свергнутый президент Ирака С. Хусейн к этому времени уже был обнаружен, в октябре 2005 г. над ним начался суд. Страна продолжала находиться в хаосе, мировая общественность требовала подтверждения наличия у Ирака химического и биологического оружия. Представленные в книге очерки доказывают эффект бумеранга – как только премьер-министр начинал ставить свои интересы выше интересов государства, отдаляясь от соратников по партии и от народа, он начинал терять популярность и терпеть крах на всех фронтах.

После отставки в 2007 г. Блэр "мечтал стать первым президентом Европейского Совета" и сделать "его одним из главных игроков на международной арене, что стало бы вершиной политической карьеры бывшего премьера" [там же: 282]. Этим планам было не суждено сбыться: "его 'неоднозначная' (с учетом позиции прежде всего в иракском вопросе) кандидатура была отклонена Германией" [там же: 283].

Преемник Блэра Г. Браун – "личность мрачная и нехаризматичная", так же как Дж. Мэйджор на фоне М. Тэтчер, казался неприметным и полностью лишенным энергии лидером – вновь на первый план вышел, хотя и на непродолжительное время, умеренный политик, давший избирателям время "переварить" итоги правления Блэра, особенно его "увлеченность" внешнеполитическим курсом, и ответить на запросы общества. Ряд мер во внутренней политике нового кабинета вызвал значительную поддержку населения: были заметно увеличены темпы жилищного строительства, проведена реформа международных институтов.

Последующий премьер-министр от партии тори Д. Кэмерон уже вошел в историю и прочно ассоциируется с очевидно роковым для британской истории референдумом 23 июня 2016 г. Накануне парламентских выборов 2015 г. он пообещал, что в случае победы тори будет проведен референдум о дальнейшем членстве страны в Европейском союзе. Лидер Консервативной партии считал, что общая миграционная политика ЕС, о которой можно говорить лишь с определенной долей условности, идет вразрез с национальными интересами страны. После победы на выборах пришлось выполнять обещание. На состоявшемся референдуме победу, как известно, одержали сторонники Брекзита. Д. Кэмерон бесславно ушел в отставку.

Как видно, со времен Э. Хита Великобритания постоянно балансировала между курсом на англо-американские отношения и европейским направлением. Сложность дилеммы объясняется, по нашему мнению, незавершенностью вплоть до настоящего времени процесса формирования британской

[2] Вторжение Британии в Ирак было ошибкой и нарушением принципов ООН. – *РИА Новости*, 06.07.2016. URL: https://ria.ru/20160706/1459947052.html (accessed 26.03.2020).

[3] "Тефлоновый Тони" догнал "Железную леди". – *Lenta.ru*. 06.05.2005. URL: https://lenta.ru/articles/2005/05/06/gb/ (accessed 26.03.2020).

идентичности после Второй мировой войны. Имперское самосознание, сплачивающее мозаики региональных и местных идентификационных моделей, сильных в Соединенном Королевстве, ушло в прошлое с распадом Британской империи. Заместить прежнюю идентичность тесной привязкой к Европе оказалось сложным и, как свидетельствуют современные события, практически нереализуемым курсом, что предопределило постоянное колебание британских кабинетов между Вашингтоном и Брюсселем.

Завершает книгу очерк о Т. Мэй, бывшей в момент написания книги действующим премьер-министром. Еще в бытность главой Министерства внутренней безопасности Великобритании она проявила себя как жесткий, но решительный политик, который раз приняв решение, не меняет его и идет до конца. Именно это качество предопределило конфронтацию Т. Мэй как с коллегами по кабинету, так и с депутатами Палаты общин, включая своих же однопартийцев, по вопросу о Брекзите. Напор недавно ушедшего в отставку премьера в продвижении "сделки" и неспособность отклониться даже в мелочах от намеченного курса сложно трактовать каким-то определенным образом. С одной стороны, Т. Мэй, видимо, полагала, что если она "сдаст назад", то это будет выглядеть как проявление слабости. С другой стороны, реалии ситуации внутри страны и в международной политике менялись так быстро, что завидное упорство главы правительства в продвижении сделки выглядело как излишняя категоричность и неспособность услышать соратников по партии и запросы общества.

Т. Мэй много сравнивали с М. Тэтчер – обеим пришлось принимать на себя руководство страной в нелегкий час, обеим было сложно сдерживать напор критики, причем не только со стороны оппозиции, но и от своих однопартийцев. Неслучайной выглядит и оброненная во время объявления об отставке 24 мая 2019 г. фраза Т. Мэй о том, что она вторая женщина во главе кабинета после М. Тэтчер, но не последняя.

Сохранять пост главы правительства Т. Мэй удавалось на протяжении почти трех лет, несмотря на периодически вбрасываемую в СМИ информацию о "заговорах" против нее внутри кабинета и парламента. Мэй неоднократно укоряли за ее тяготение к президентскому стилю правления, хотя в британской истории такие "перекосы", как уже было показано, случались не единожды. Распространение тезиса о президентском стиле правления отчасти подтверждалось самой стилистикой самопрезентации премьера. Пример – фотография, на которой Т. Мэй в одиночестве (как это принято в США) подписывает письмо в ЕС, инициирующее ст. 50 Лиссабонского договора о выходе из ЕС. Симптоматично звучали предвыборные лозунги тори: "Сильное и стабильное лидерство", "Голосуйте за меня и мою команду" и другие[4].

Сознательно конструируемый Т. Мэй образ "сильного премьера" с акцентом на "глобальную" роль Великобритании, стремление выстроить вокруг себя внешнеполитическую повестку и укрепить, в духе У. Черчилля и М. Тэтчер, отношения с Вашингтоном, позитивных результатов на фоне сохраняющегося раскола британского общества по вопросу о Брекзите не принесли. Возможно, будущему премьер-министру имеет смысл взглянуть на ситуацию шире и постараться найти новые точки опоры, возможно, уже

[4] Using Recent Events in A Level Politics: Theresa May and presidentialism. – *Owl Tutors*. 03.11.2017. URL: https://owltutors.co.uk/using-events-from-june-2016-present-in-a-level-politics-theresa-may-and-presidentialism/ (accessed 26.03.2020).

за пределами такой привычной Лондону, но явно несколько потускневшей концепции "трех окружностей", отбросив старые догмы и обозначив новые ниши для укрепления роли страны в мире.

Положение и роль премьер-министра в сложившейся в Великобритании партийно-политической системе во многом зависит от личности самого лидера партии и кабинета. В стране, не имеющей писаной Конституции и опирающейся на прецедентное право при монархе, который "царствует, но не правит", у главы правительства широкий диапазон действий, особенно в условиях поддержки парламента. Однако после выборов 2017 г., когда на время возник так называемый *подвешенный парламент* при недоборе ведущими партиями нужного количества депутатских мест для формирования однопартийного правительства, стало понятно, что для тори такая ситуация чревата осложнениями при получении одобрения Палаты общин будущей сделки. Так и произошло. Т. Мэй оказалась в ситуации противостояния парламенту и кабинету и не смогла эту ситуацию преодолеть.

Сложившееся положение дел заставило Палату общин громко заявить о себе как об институте, который начал выполнять роль балансира, не давая премьер-министру действовать в единоличном порядке. Однако парадоксальным выглядит и то обстоятельство, что за Брекзит проголосовала большая часть населения, в то время как поставить точку в реализации этого выбора должен был парламент, настроенный против Брекзита накануне и после референдума 23 июня 2016 г. и в то же время отвергавший идею повторного референдума.

Таким образом, в настоящее время наблюдается своеобразная "пересборка" партийно-политической системы Великобритании, в рамках которой происходит уточнение функций ключевых политических фигур. Рецензируемая монография добавляет к этому вопросы морального порядка, ответственности политиков перед "судом Истории", указывает на преемственность и в то же время, при всей важности традиций для Великобритании, на податливость ее партийно-политической системы внутреннему и внешнему воздействию, разновекторным вызовам и неизбежным изменениям.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.13

THE INSTITUTE OF PRIME MINISTER AND THE FUTURE OF THE PARTY-POLITICAL SYSTEM OF GREAT BRITAIN

E.V. Khakhalkina[1]

[1]*National Research Tomsk State University. Tomsk, Russia*

KHAKHALKINA, Elena Vladimirovna, Dr. Sci. (Hist.), Professor, National Research Tomsk State University, email: ekhakhalkina@mail.ru

Khakhalkina E.V. The Institute of Prime Minister and the Future of the Party-Political System of Great Britain. – Polis. Political Studies. 2020. No. 3. P. 181-191. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.13

The study was carried out in framework of a grant of the D.I. Mendeleev Foundation supported by the TSU Competitiveness Enhancement Program for 2019.

Received: 19.02.2019. Accepted: 10.06.2019

Abstract. The article contains reflections on a number of the most important political issues raised in the book of Nataliya K. Kapitonova "British Prime Ministers. Political Portraits". At the center of this work are figures of seven heads of government, beginning with Edward Heath, with the direct assistance of whom the country became a member of the European Community on the third attempt, and ending with

Theresa May, who unsuccessfully tried to get approval for an agreement on withdrawal from the European Union agreed with Brussels. The author of the article, when analyzing this work, focuses on a number of debatable issues that have emerged on the agenda of the political and international life of the United Kingdom against the background of lengthy agreements on Brexit, both with the European Union and within the country. Among such problems are the rapid transformation in the party-political system of the United Kingdom, the preferences of the electorate, the changing role of parliament in relations with the Prime Minister, and the growing importance of the very figure of the head of government. To this should be added the problem of the separation of elites from ordinary citizens, which manifested itself in the inability of the UK's political establishment both to assess the real chance for Brexit supporters to win when voting on June 23rd 2016, and to hear public demands for changes in the political course. The events following the referendum related to the long and painful period of negotiations on the "divorce deal" and the confrontation of the Cabinet and the House of Commons are not properly comprehended by either the political or the expert community, both in the UK and abroad. It seems that it is possible to more deeply understand and evaluate these scenes in all their diversity and complexity through analysing the functionality of the Prime Minister's post in a long historical dynamic, using the example of solving the most acute domestic and foreign policy issues for Great Britain.

Keywords: Great Britain, Prime Minister, Parliament, party-political system, Brexit.

References

Applebaum A. 2017. Britain After Brexit: A Transformed Political Landscape. – *Journal of Democracy.* Vol. 28. No. 1. P. 53-58. https://doi.org/10.1353/jod.2017.0005

Blick A., Jones G. 2010. *The Power of the Prime Minister.* Policy Papers. H&P. URL: http://www.historyandpolicy.org/policy-papers/papers/the-power-of-the-prime-minister (accessed 24.03.2020).

Fox K. 2014. Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior. (Russ. ed.: Foks K. *Angliya i anglichane. O chem molchat putevoditeli*. Moscow: RIPOL Classic Publ.)

Kapitonova N.K. 2017. *Britanskie prem'er-ministry. Politicheskie portrety* [British Prime Ministers. Political portraits]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

Литература на русском языке

Капитонова Н.К. 2017. *Британские премьер-министры. Политические портреты*. М.: Международные отношения.

Фокс К. 2014. *Англия и англичане. О чем молчат путеводители.* М.: РИПОЛ Классик.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Дорогие авторы! Подробная информация о тематическом профиле журнала, редакционная политика и требования, предъявляемые к присылаемым в Редакцию рукописям, размещены на сайте журнала http://www.politstudies.ru. Рекомендуем ознакомиться с такими разделами, как *Система рецензирования, Этические принципы авторов журнала* и *Этические принципы рецензирования*.

Подать рукопись на рассмотрение можно через форму на сайте или электронную почту new-authors@politstudies.ru. Приветствуем указание идентификаторов автора: ORCID, SPIN-код, ResearcherID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Оформляя списки литературы, не забудьте указать DOI всех источников из списка литературы, если они им присвоены. В случае если оригинал цитируемого источника в данный момент недоступен, можно проверить наличие DOI на сайте *www.crossref.org* в разделе *SimpleTextQuery*. DOI должен быть представлен в виде рабочей гиперссылки в конце библиографического описания, например:

Hinich M., Munger M. 1997. *Analytical Politics*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 253 p. https://doi.org//10.1017/CBO9781139174725

ПОДПИСКА

Во всех отделениях связи:

• по каталогу “Газеты. Журналы” (“РОСПЕЧАТЬ”). Индекс 70790 – на полугодие.

В агентствах по подписке:

• ООО “Урал-Пресс”. Тел.: 8 (495) 721-25-89; http://www.ural-press.ru
• ООО “Информнаука”. Тел.: 8 (495) 787-38-73; (499) 152-54-81; http://www. informnauka.com
• ООО “НПО “ИНФОРМ-СИСТЕМА”. Тел. 8 (499) 789-45-55; http://www.informsystema.ru

В интернете:

• ОАО Агентство “РОСПЕЧАТЬ”: http://press.rosp.ru

В электронном виде статьи и выпуски журнала можно приобрести в интернет-магазине www.polismag.ru

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Страницы журнала всегда открыты для дискуссионных материалов, поэтому его содержание не обязательно отражает точку зрения Учредителей и Редакции.

© Полис. Политические исследования, 2020, № 3(177), 1-192 стр.

Сдано в производство: 26.02.2020. Подписано к печати: 22.04.2020. Дата выхода в свет: 27.05.2020.
Формат 70 x 100 1/16. Гарнитура “Ньютон”. Печать офсетная.
Печ.л. 12,0. Уч.-изд.л. 17. Тираж 770. Цена свободная. Индекс 70790. Заказ
Во всех случаях полиграфического брака обращаться в типографию-изготовитель

Адрес издателя журнала “Полис. Политические исследования”:
101100, Москва, Колпачный пер., д. 6, пом. II, комн. 5.
Адрес редакции журнала “Полис. Политические исследования”:
117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корпус 5, оф. 208; телефон: 8 (495) 502-43-17.
Email: new-polis@politstudies.ru (для текущей переписки); new-authors@politstudies.ru (для авторов)

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ФГУП “Издательство “Наука” (Типография “Наука”)
121099, Москва, Шубинский пер., 6